

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**
(на материале французского и белорусского языков)

Минск МГЛУ
2021

УДК 811.133.1 + 811.161.3
ББК 81.471.1 + 81.411.3
Н35

Рекомендована Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2/57 от 10.07.2020 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина* (БГУ); доктор филологических наук, профессор *А. А. Романовская* (МГЛУ)

Национальный компонент в языке и речи (на материале
Н35 французского и белорусского языков) / Ю. В. Овсейчик (отв. ред.),
Е. А. Гапанович (зам. отв. ред.). – Минск : МГЛУ, 2021. – 200 с.

ISBN 978-985-28-0039-6

Представленное научное издание – труд коллектива авторов по сопоставительно-типологическому исследованию французского и белорусского языков, цель которого выявление национального и универсального в системе функционирования неродственных языков.

В коллективной монографии освещаются отдельные вопросы, связанные с особенностями сегментной и просодической организации интерферирующей французской речи белорусов, типологией лексико-грамматических категорий двух языков, национально-культурной спецификой базовых концептов, организацией речевого взаимодействия/противодействия.

Для специалистов в области романских и славянских языков, общего и сравнительного языкознания, научных работников и аспирантов.

УДК 811.133.1 + 811.161.3
ББК 81.471.1 + 81.411.3

ISBN 978-985-28-0039-6

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2021

ВВЕДЕНИЕ

Данная коллективная монография представляет собой обобщение результатов пятилетнего научного проекта «Исследование национально-культурного компонента в языке и речи (на материале французского и белорусского языков)», выполняемого в рамках государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы «Экономика и гуманитарное развитие белорусского государства». Подпрограмма «Белорусский язык и литература» (№ госрегистрации 20160993 от 20.04.2016 г.).

В последние десятилетия внимание лингвистов обращено к определению национального и универсального в системе функционирования неродственных языков. Национальное своеобразие французского и белорусского языков проявляется как на уровне слова, так и предложения, текста, дискурса, что и нашло отражение в проблематике настоящего научного издания.

Сопоставление трех систем – языка, речи и культуры – неродственных языков в лингвистическом и социокультурном аспектах подтверждает актуальность научного исследования. Впервые установлены сходства и различия между французским и белорусским языком на разных уровнях: выявлены особенности сегментной и просодической организации интерферирующей французской речи белорусов, рассмотрена типология лексико-грамматических категорий двух языков, установлена национально-культурная специфика базовых концептов, описана организация речевого взаимодействия/противодействия.

В круг разносторонних интересов наших авторов вошли такие проблемы, как национально маркированные особенности функционирования речеслуховой перцепции у взрослых, динамика и закономерности становления фонематических обобщений в сознании развивающейся языковой личности, актуализация социокультурного кода в языке и речи, широкозначность лексических единиц двух языков, семантическая подвижность культурно значимых имен собственных, универсальный характер реализации квалификативного признака в простом предложении, особенности развития системы современных сочинительных союзов, концептуальная природа субъекта во французской и белорусской литературе рубежа XIX–XX веков, национальная специфика реализации речевых конфронтационных тактик.

Результаты проведенных исследований способствовали совершенствованию процесса преподавания французского языка русско-/белорусскоговорящим обучающимся, а также успешному развитию языковой, дискурсивной, социокультурной и профессиональной компетенций у обучающихся.

В заключение подчеркнем, что любое сопоставительно-типологическое исследование, в нашем случае французского и белорусского языков, закономерно подчеркивает как универсальный характер одних фактов (языковых, речевых и культурных), так и позволяет рассмотреть более детально их национально специфичное проявление.

Глава 1. СЛУХО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В ОБРАБОТКЕ МАТЕРИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В настоящей главе освещается один из малоисследованных вопросов лингвистики, относящийся к ее молодой области – лингвистике перцептивной, который заключается в изучении того, как лица, имеющие разную национальную принадлежность закономерно развивают свое восприятие речи на родном языке, начиная с первых дней постнатального периода. Рассматриваются устойчивые национально маркированные особенности функционирования речеслуховой перцепции у взрослых и на материале освоения французского языка как иностранного анализируется итог управляемого формирования его перцептивной базы у лиц белорусской национальности.

1.1. Врожденная предрасположенность человека к перцептивному анализу звучащей речи

Научно доказан и подтвержден самой жизнью факт, что система восприятия речи прививается у человека благодаря опоре на тонкие качества просодических и спектральных характеристик звучащей речи окружающего его социума. Однако наряду с этим устоявшимся мнением в современной науке, начиная с 70-х гг. прошлого века, появились новые данные о лингвистическом поведении новорожденных в первые дни и месяцы постнатального периода. Они свидетельствуют о том, что еще до того, как ребенок получит для появления собственной речи достаточное количество звучащей речи окружающих, он проявляет в высшей степени врожденное человеческое качество – лингвистическую предрасположенность. В экспериментах, проведенных по специальной методике в разных странах с детьми самого раннего постнатального возраста, предрасположенность человека к утонченному языковому анализу получила многократное подтверждение. Так, выявлена замечательная способность новорожденных месячного возраста различать фонологические оппозиции смычных согласных [p] – [t] – [k] по месту их артикуляции [Eimas, 1974]; смычных и носовых [d] – [n], смычных и плавных [d] – [l] – по способу артикуляции [Eimas 1974; Eimas, Miller, 1983]. Такая же дифференцирующая функция наблюдается у однемесячных младенцев при восприятии ими вокалических элементов речи: четко различаются оппозиции переднеязычных гласных [a] – [i] по степени открытости, гласных [i] – [u] по признакам огубленности и ряда, заднеязычных [ǣ] – [a] по признаку назальности [Trehub]. Ученые, исследующие данный феномен, рассматривают его как одно из условий, необходимых для более позднего изучения словесных смысловых единиц языка.

Что же происходит дальше с восприятием новорожденного в окружающей его лингвокультуре при ее многоязычном разнообразии? Поиск

ответа на вопрос о том, с какого возраста младенец перестает воспринимать некоторые фонологические контрасты и приближается тем самым к перцептивному поведению окружающих его взрослых, позволил выявить промежуток от 10 до 12 месяцев [Werker, Tees]. Исследования, проведенные с группами разного возраста и национальностей или с одними и теми же испытуемыми на протяжении периода времени определенной длительности, позволили сделать вывод: в постнатальный период все новорожденные различают фонологические контрасты независимо от предъявляемого им языка, однако к 8–10 месяцам эта иноязычная способность закрывается и сохраняется затем только применительно к родному языку. Далее на фоне игнорирования иноязычных контрастов, конкурирующих с подобными в родном языке, возникает новая, отселекционированная мозгом система лингвистических представлений, которая позволяет кодировать в памяти воспринимаемое звучание только родного языка.

В таком же раннем возрасте – от 4 дней до 2 месяцев – младенцы в состоянии различать родной язык от иностранного, например, переход от стимулов русского языка к стимулам, звучащим по-французски. Но если двухмесячные младенцы, отличая свой родной язык от другого, не отдают предпочтения ни одному из них, то малыши четырех дней отроду, напротив, отчетливо предпочитают родной язык, выделяя его среди других по голосу матери. Это дает основание полагать, что голос матери служит той моделью, по которой ребенок получает возможность определять закономерности языка [Mehler, Dupoux].

Чтобы внести в вышеизложенные факты о лингвистической предрасположенности человека теоретическую платформу, следует привлечь разработанную к началу XXI века теорию формирования перцептивной базы родного и иностранного языка [Евчик 2000]. Согласно данной теории изучение естественного языка обусловлено сенсорно-когнитивными возможностями человека – специально направленными на этот процесс и заключающимися в его способности выделить в звучащей на нем речи *фонологически значимые структуры*. Этот процесс зиждется на распознавании просодических и спектральных параметров, свойственных речи. Но он не касается только ее элементарных акустических свойств, воспринимаемых просто как колебание звуковой волны. Если бы это было так, то животные в силу высокой их акустико-перцептивной чувствительности обнаруживали бы более выраженное предпочтение человеческой речи, чем звукам, свойственным их виду. Например, это можно было бы наблюдать у кошек, которые обладают тем же типом аудитивного аппарата, что и человек. Однако, все происходит наоборот: знаки, свойственные каждому виду, им же и идентифицируются предпочтительным образом, поскольку каждый вид развивает особую чувствительность к звукам, издаваемым только ему подобными организмами. Функционально это осуществляется так, что, перцепируя определенный речевой стимул, организм воспринимает его как артикуляторный жест, который в его опыте точно служит данному

продуцированию, тогда как другие звуки воспринимаются им только акустически и не соответствуют тем, которые животное само может продуцировать, поскольку обрабатывается звучащая речь в специализированных кортикальных зонах – центре Брока и центре Вернике, свойственных только человеку.

Процесс выделения в речи, звучащей на изучаемом естественном языке, фонологически значимых структур связан с распознаванием просодических и спектральных параметров минимальных единиц его артикуляции и восприятия – слогов. В этом факте кроется продолжение ответа на вопрос о развитии у индивида языка и речи в онтологии и о его дальнейших артикуляторных и слухо-перцептивных особенностях в зависимости от национальной принадлежности.

Рассмотрим этот вопрос с учетом того, что важнейшей собственно слоговой характеристикой является *длительность*. Так, например, известно, что признак звонкости в слогах со смычными согласными связан с тем, что начало колебания голосовых связок по отношению ко взрыву наступает раньше у звонких согласных [b – d – g], чем у глухих [p – t – k]. С точки зрения акустической, достаточно изменить расстояние между формантами F1 и началом F2 и F3, чтобы получить другое впечатление о вокализации. Это расстояние, называется *время голосового интервала VOT* (Voice Onset Time) (рис. 1.1).

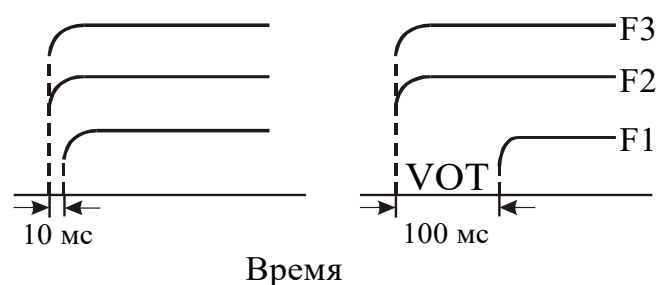

Рис. 1.1. Схематическое представление сонограмм, дающее основание для восприятия слогов [pa] и [ba] [Alegria]

Как видно из рис. 1.1, в случае [ba] F1 начинается через 10 мс после F2 и F3 (VOT = 10 мс), тогда как в случае [pa] задержка F1 составляет 100 мс (VOT = 100 мс). Если показатель звонкости VOT ниже или равен 25 мс, т.е. если отставание F1 от F2 и F3 не превышает 25 мс, англоговорящий индивид воспринимает слог со звонким согласным, например [ba].

Лица, владеющие разными языками, имеют неодинаковые голосовые интервалы. Так, если англичане обнаруживают порог различения по признаку глухости/звонкости, равный 25 мс голосового интервала, то взрослые испанофоны оба звука воспринимают как два глухих [pa]. Это обусловлено более близким расположением к нулю времени их голосового интервала.

Отсюда ясно, почему именно слог выступает носителем фонематических единиц. Для однозначного опознания фонемы и адекватной их последовательности в слоге необходимо не только иметь соответствующим образом подготовленное восприятие, но и не исказить в нем тонкость соотношения по длительности его составляющих частей.

1.2. Перцептивная этнограмма как показатель принадлежности индивида к национальной лингвокультуре

Проведенный анализ дает возможность постулировать положение, ценное для прикладного аспекта языкознания – иноязычной лингводидактики.

Оно состоит в том, что для каждой лингвокультуры существует своя перцептивная этнограмма – канал проводимости звучащей речи, который можно представить в виде средних значений частот, специфических для восприимчивости уха в зависимости от национальной принадлежности индивида, т.е. от той культурной коммуникативной среды, в которой формировалась его языковая перцептивная база.

Представим иллюстративные аргументы к доказательству его правомерности.

Согласно исследованиям французского теоретика-изобретателя в области аудиотерапии А. Томатиса [Tomatis], французское ухо имеет пропускной канал 1000–2000 герц (рис. 1.2).

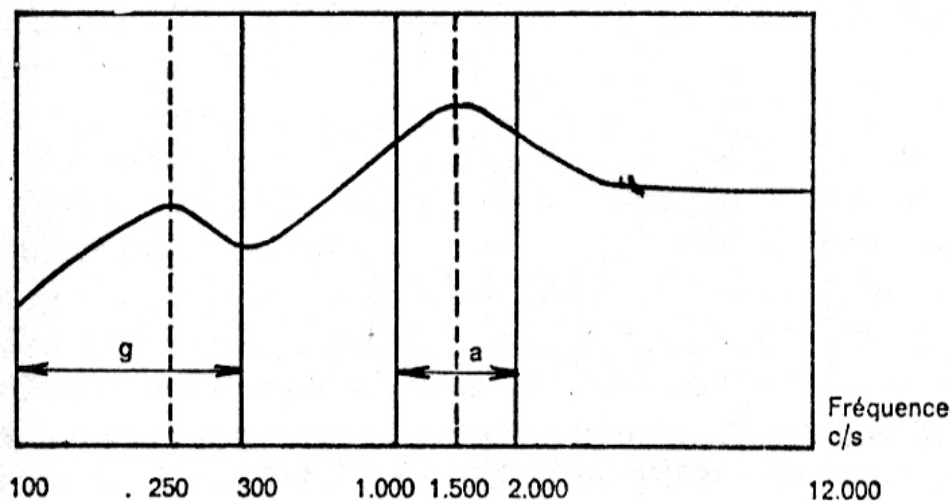

Fig. 6. Courbe française.

Рис. 1.2. Представленность диапазона слухо-перцептивного канала лиц французской национальности [Tomatis]

Ухо лиц итальянской национальности специфицируется на частотах 2000–4000 герц (рис. 1.3).

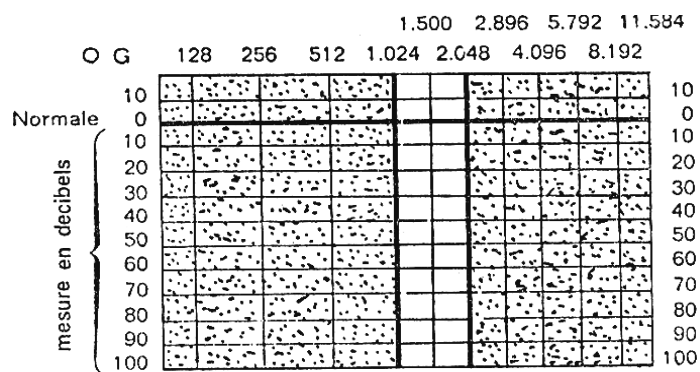

FIG. 7. Bande de sélectivité d'une oreille type française, limitée entre 1 000 et 2 000 c/s.

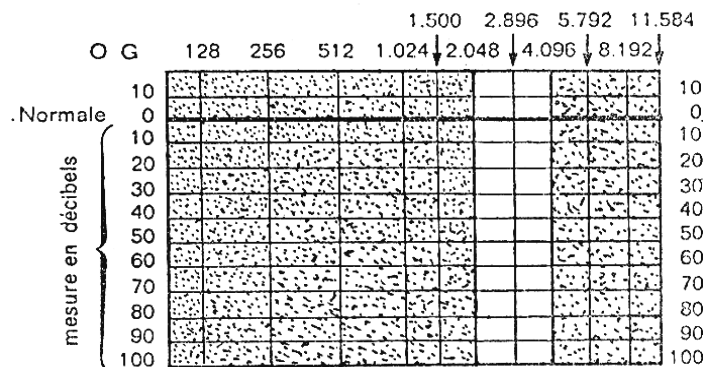

FIG. 8 Sélectivité d'une oreille italienne. La bande passante s'inscrit entre 2.000 c/s et 4.000 c/s.

Рис. 1.3. Слухо-перцептивная избирательность лиц итальянской национальности в сравнении с французской [Tomatis].

Что касается испанцев, то они проявляют аудиочувствительность к низким частотам, выражающимся значениями в диапазоне 100–500 герц, а также к более высоким, но следующим через некоторый промежуток: 1500–2500 герц (рис. 1.4).

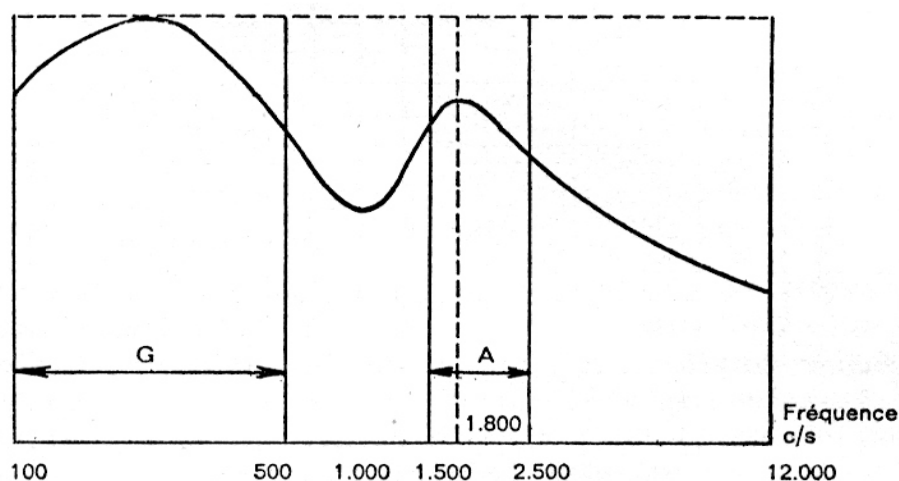

FIG. 5. Courbe espagnole.

Рис. 1.4. Представленность диапазона слухо-перцептивного канала лиц испанской национальности [Tomatis]

Немцы по сравнению с испанцами обнаруживают более широкую перцептивную область с показателями в 250–3000 герц (рис. 1.5).

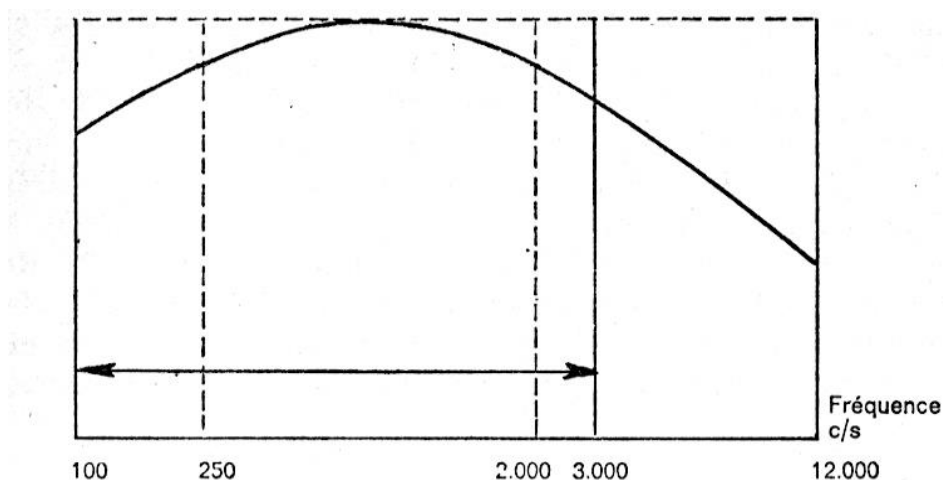

FIG. 4. *Courbe allemande.*

Рис. 1.5. Представленность диапазона слухо-перцептивного канала лиц немецкой национальности [Tomatis]

Английское ухо хорошо селекционирует частоты звучащей речи в диапазоне 2000–12 000 герц (рис. 1.6), в сравнении с ним американское дает больше возможностей для восприятия, поскольку допускает канал с точкой отсчета на 1500 герц.

LANGUE ANGLAISE

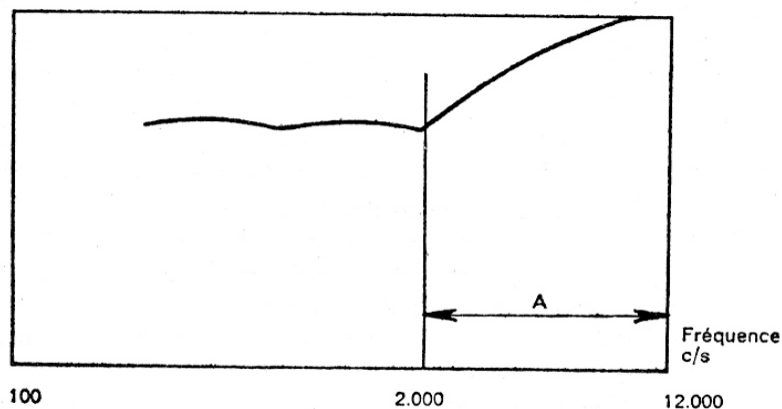

FIG. 3. *Courbe anglaise.*

Рис. 1.6. Представленность диапазона слухо-перцептивного канала лиц английской национальности [Tomatis]

На фоне всех перечисленных национальных лингвокультур наиболее широкими этноаудитивными данными характеризуется перцепция лиц славянских национальностей, имеющая сплошной пропускной канал для обработки частот речи от самых низких до экстравысоких в диапазоне 100–8200 герц (рис. 1.7).

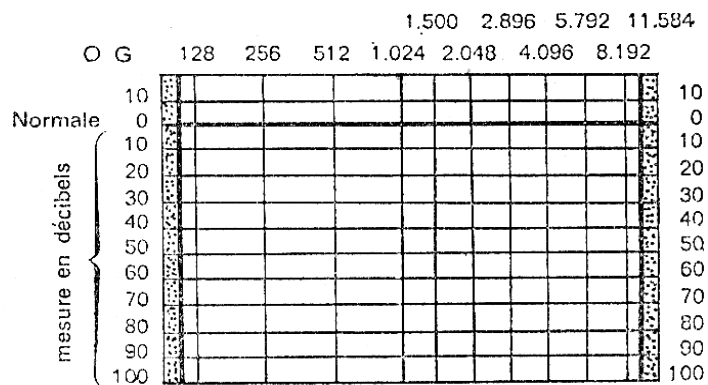

FIG. 9. *Champ sélectif d'une oreille slave s'étendant des sons graves aux sons extrêmes aigus.*

Рис. 1.7. Представленность диапазона слухо-перцептивного поля лиц славянской национальности [Tomatis]

Слухо-перцептивное поле, которое по своим данным больше всего приближается к славянскому, – португальское. И действительно, наблюдения показывают, когда русский слышит португальскую речь, он больше других обращает на нее внимание, так как ему представляется, что он узнает свой родной язык, т.е. звучание на португальском языке автоматически контролируется славянской перцептивной базой.

Полученные сведения дают основание для вывода о том, что «языковой дар» следует понимать прежде всего как способность не столько говорить на языке, сколько как способность его слышать.

1.3. Своеобразие перцептивной обработки просодии французской речи лицами белорусской национальности

Представим использование славянской этнограммы для исследования слухо-перцептивных особенностей лиц белорусской национальности при обработке ими материи иностранного – французского – языка.

Перцептивный аспект акта коммуникации в силу своей скрытости от прямого наблюдения является по сравнению с артикуляторным менее изученным. Однако, как показали наши исследования, совершенно определенной как в теоретическом, так и в прикладном плане, является необходимость изучать работу органов речи, ставя вопрос об управлении ими и об интеграции процесса и результатов их двигательной деятельности с процессом и результатами восприятия речевой цепи. Такая постановка вопроса имеет под собой нейропсихофизиологическую основу, поскольку изучение работы речедвигательного анализатора свидетельствует о том, что возникающие при повторении укладов артикуляционные, т.е. двигательные обобщения взаимодействуют с сенсорными, благодаря которым они практически и возникают. Именно в эти моменты взаимодействия образы сенсомоторного мышления индивида трансформируются в понятийную форму. Происходит это в виде специфически результирующих мыслительных операций – языковых обобщений, которые закрепляются в памяти, выстраиваясь в систему языковых

знаков – кодов/эталонов и формирующихся правил сличения с ними – языковую перцептивную базу, которая выступает как *основа* дальнейшей лингвистической деятельности индивида, направленной на *понимание речи*.

Отсюда правомерна постановка проблемы для исследования своеобразия формирования перцептивной базы французского языка у белорусов, которые по показателям аудиоэтнограмм, следует полагать, приближены к носителям русского языка. Важно выявить достаточность перцептивного канала в его обычном лингводидактическом использовании в сравнении со специальными упражнениями, центрированными на формирование перцептивной базы французского языка в области специфики его мелодических характеристик. Ориентация анализа на мелодическую структуру обоснована тем, что она теснейшим образом связана со смысловой сегментацией, т.е. с членением на смысловые единицы, и значительно влияет на адекватность их опознания в речевой цепи.

Опыт преподавания просодии говорит о том, что обучение адекватной мелодии, т.е. компоненту, обладающему наибольшей информативностью, приводит одновременно к нормализации тесно с нею связанных, в известной мере обусловленных ею, других просодических компонентов: длительности и интенсивности. В литературе, посвященной научному анализу проблемы освоения просодии иностранного языка, указывается, что осознаваемость мелодии особенно необходима для исправления фонологических и фонетических ошибок. При этом подчеркивается, что в общем процессе опознания речевых единиц существенным является не только общий характер движения частоты основного тона, но и степень его приближения к конкретным показателям мелодии свойственным произношению изучаемого языка [Вопросы просодики]. Правильность опознания звучащих речевых единиц прямо пропорционально соотносится с их интонированием.

Несомненно, живая речь носителей языка является наилучшим эталоном для освоения его тональной структуры со свойственными ей показателями обеспечения устной коммуникации.

В эксперименте, который проходил в три этапа, участвовало две группы студентов-белорусов МГЛУ (36 человек), изучающих французский язык в качестве специальности для будущей профессиональной деятельности. Одна группа – основная – осваивала учебную программу второго курса через технологию «Полисенсорный лингвотренинг», предназначенный для тренировки произношения через достижение максимально точной и практически тождественной носителям французского языка артикуляции смысловых единиц. Вторая группа, выступавшая в качестве контрольной, осваивала ту же учебную программу традиционным способом, то есть без столь детального тренинга артикуляции.

Показатели высокой степени адекватных опознаний мелодии у основной группы – 91,2 %, достигнутые на завершающей стадии (тест 27), были сопоставлены с показателями контрольной группы – 39,2 % адекватных опознаний, полученных на том же материале (тест 27-к). В 5,6 раза менее успешный результат восприятия французской мелодии дает основание

квалифицировать ее в терминах средней степени адекватности и признать, что она соответствует той, которую испытуемые основной группы имели на начальной стадии эксперимента (рис. 1.8).

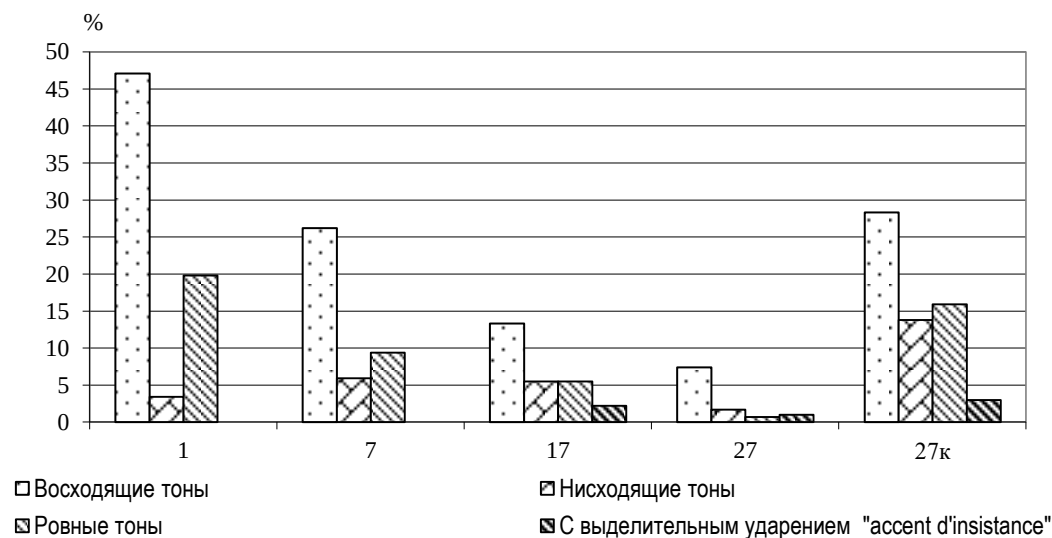

Рис. 1.8. Динамика восприятия тонов французского языка лицами белорусской национальности из состава основной группы (тесты 1–27) в сравнении с показателями контрольной группы (тест 27к), % неадекватных случаев к эталону

Анализ неадекватно воспринятых случаев по признаку направления движения тона показал, что наиболее трудными для идентификации на всех этапах эксперимента оказались восходящие тоны, хотя число их последовательно уменьшается от теста 1 к тесту 27 (47,1 %; 26,2 %; 13,3 % и 7,4 % соответственно) составившие 50–68 % от общего числа неадекватных опознаний (рис. 1.9).

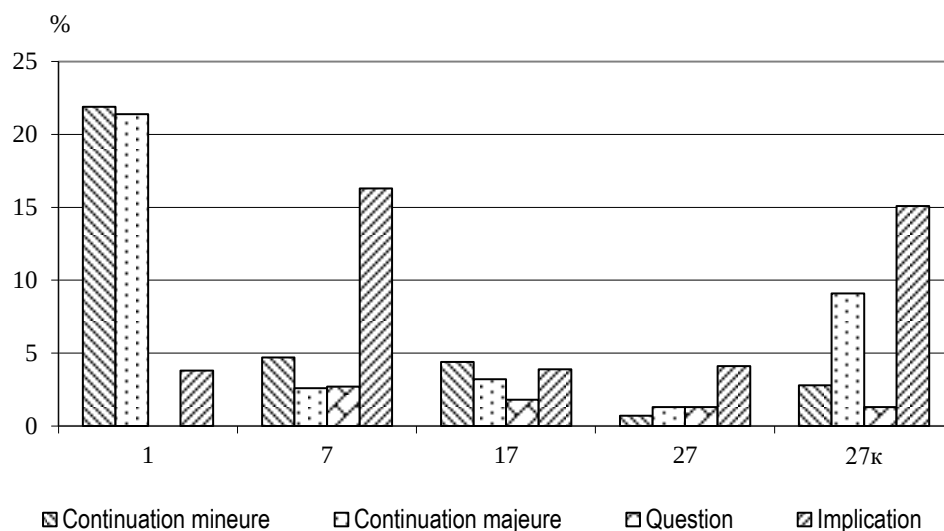

Рис. 1.9. Динамика идентификации восходящих тонов лицами белорусской национальности из состава основной группы (тесты 1–27) в сравнении с контрольной группой (тест 27к), % неадекватных случаев к эталону

Перцептивные данные студентов-белорусов контрольной группы характеризуются той же общей тенденцией, что и в основной группе: хуже всего воспринимаются восходящие тоны и среди них – имплицативные, тогда как нисходящие и ровные тоны – лучше и примерно одинаково. Однако по количественным показателям их расхождение с основной группой выглядит весьма существенным: восходящие тоны в контрольной группе восприняты менее успешно в 4 раза (28,2 %), нисходящие – в 8 раз (13,6 %), ровные – в 23 раза (15,9 %). Имплицативные остаются с наибольшим процентом неопознания до конца эксперимента в основной группе (4,0 %) и при сходной тенденции в контрольной группе – превышают показатели контрольной в 3,6 раза (15,2 %).

Возникает закономерный вопрос, почему восходящие тоны французского языка составляют трудность при восприятии? Это связано с их параметровыми характеристиками, которые в большей степени отличаются от тонов данного направления в родном языке, чем, например, нисходящие тоны. Во французском языке восходящему тону соответствует набор перцептивно дифференцируемых структур, различающихся функционально-семантическими свойствами [Karnevskaya, Morozova; Пинчук]. Поскольку анализ мелодии фразы в терминах дискретных единиц выходил за рамки настоящего исследования и подавался преподавателем в виде комментария, эти трудности у испытуемых имели место, но были преодолены в основной группе.

По завершении эксперимента в контрольном аудиотесте высокой фоностилистической сложности (темп речи говорящих составлял 5,3 слога/сек) результаты понимания смысловых единиц французского языка студентами-белорусами из состава основной группы оказались лучшими в 4,6 раза по сравнению с контрольной.

Проиллюстрируем результаты непонимания 9,1 % смысловых единиц французской спонтанной речи испытуемыми белорусами из основной экспериментальной группы.

Наблюдается субституция слов и словосочетаний иными: малосходными и несходными в функциональном отношении. Обе категории перцептивных ошибок относятся к коммуникативно релевантным.

Малосходные частично меняют смысл фразы (ЧН).

Эталон: *C'est pour aider à calmer ton banquier.*

Перцептивный вариант ЧН: ***Ca pourrait aider à calmer ton banquier.***

Эталон: *N'aie aucune inquiétude.*

Перцептивный вариант ЧН: ***Il n'y a aucune inquiétude.***

Эталон: *Tu crois que c'est un contrat ça.*

Перцептивный вариант ЧН: ***Il sait que c'est un contrat ça.***

Несходные субституции существенно влияют на содержание (ПН):

Эталон: *Le facteur a apporté ça ce matin pour toi.*

Перцептивный вариант ПН: ***Sa soeur a apporté ça ce matin pour toi.***

Эталон: *Tu pourras mieux voir avenir.*

Перцептивный вариант: *Tu pourras **me voir à venir.***

Tu pourras mieux voir unir.

Проиллюстрируем результаты непонимания 42,0 % смысловых единиц французской спонтанной речи студентами-белорусами из контрольной экспериментальной группы.

У испытуемых контрольной группы трансформации, как правило, связаны с полным искажением смысла.

Эталон: *'Ah, ça y 'est.*

Перцептивный вариант ПН: *'Ah, **une 'feuille.***

Эталон: *Le fac'teur à appor'té...*

Перцептивный вариант ПН: ***Chaque 'soir à par'tir...***

Эталон: *'Oui, je vais te dire 'ça tout de 'suite.*

Перцептивный вариант ПН: *'Oui, **hier 'ça tout de 'suite.***

*'Oui, **hier c'est pe'tit.***

Эталон: *Tu me les ren'dras quand tu pou'rras.*

Перцептивный вариант ПН: *On **ve'rra comme** tu pou'rras.*

Таким образом, исследование слухо-перцептивных особенностей лиц белорусской национальности показало, что высокая разрешающая способность перцептивной этнограммы у белорусов как представителей лиц славянской национальности не снимает необходимости выполнять специальный лингводидактический тренинг при перцептивно-артикуляторной обработке ими материи иностранного языка.

Целевая установка на достижение артикуляции смысловых единиц, тождественной аутентичному иностранному языку, позволяет снять максимум проявлений перцептивно-иноязычных признаков и, в конечном итоге, оправдывается достижением у лиц белорусской национальности адекватного уровня понимания текстов высокой фоностилистической сложности с первого предъявления.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ЗВУКОВ В УСЛОВИЯХ НЕДОСТАТОЧНОЙ СФОРМИРОВАННОСТИ АРТИКУЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ У БЕЛОРУСОВ

Экспериментальными исследованиями выявлено, что фонологическое развитие индивида проявляется в смене трех иерархических этапов: доречевого, речевого и собственно языкового. Обучение иностранным языкам вне языковой среды характеризуется отсутствием доречевого этапа фонологического развития индивида. Исходным в освоении языка становится речевой этап. Его всестороннее формирование стимулируется широким использованием письма, чтения, заучиванием лексических единиц и запоминанием речевых образцов, анализом и пересказом прочитанных текстов и т.п. Отсутствие этапа оперирования слогом как основной лингвистической единицей при овладении иноязычной речью приводит к тому, что формирование иноязычных автоматизмов опирается на использование в качестве фоновых и вспомогательных движений, сопровождающих артикуляцию родного языка, поскольку они реализуются на бессознательном уровне. Результатом их использования будет проникновение общенациональных и региональных особенностей в реализацию слога на иностранном языке.

В работах, посвященных проблемам становления фонематических обобщений, имеет место их исследование с использованием уже сформированного механизма речи в целом. Задача заключается в том, чтобы переместить центр внимания с анализа статического состояния фонематических обобщений на их эволюцию, поскольку процесс формирования языковых единиц в перцептивно-артикуляционной системе индивида является невыясненным до настоящего времени. Незнание динамики и закономерностей становления фонематических обобщений в сознании развивающейся языковой личности ограничивает содержание и сдерживает развитие лингвистической теории в целом.

2.1. Русско-белорусское двуязычие на территории Беларуси

Некорректное произношение тех или иных звуков является следствием недостаточно хорошо сформированной артикуляционной базы индивида.

Несовершенства артикуляционной базы можно обнаружить как при использовании родной речи, так и при овладении иноязычной речью. Когда мы начинаем учить иностранный язык, артикуляционная база иностранного языка опирается на артикуляционную базу родного языка, что приводит к неизбежному контактированию двух языков.

На уровне артикуляции возникновение интерференции обуславливается, в первую очередь, сложным строением двигательного навыка. Согласно Н. А. Бернштейну, индивид, формируя двигательный навык, артикуляторный в том числе, выстраивает целый двигательный комплекс, в котором

каждый элемент движения фрагментируется и состоит не только из основных движений, но из вспомогательных, фоновых и корригирующих [Бернштейн]. Если основные речедвижения могут контролироваться мозгом на сознательном уровне, то выбор фоновых и корригирующих движений происходит бессознательно. Обслуживающие движения выбираются мозгом из ранее приобретенных индивидом навыков, то есть, как правило, из автоматизированных навыков родного языка. Данное обстоятельство, с одной стороны, объясняет стойкость фонетических интерферентных явлений, а с другой стороны, указывает на необходимость проведения компаративных исследований с привлечением белорусского языка, поскольку ранее сформированные автоматизмы белорусского языка будут использоваться в качестве фоновых и корригирующих при овладении иноязычной артикуляцией белорусами.

Отдельно следует подчеркнуть, что на территории Беларуси сложилось двуязычие. Это значит, что белорусы владеют одновременно двумя языками – русским и белорусским. У одних из них языком активного владения выступает русский язык, у других – белорусский. Вторые, как показывают исследования, оказываются в меньшинстве [Норман]. Большинство русскоязычных белорусов переходит на белорусский язык лишь в случае необходимости, например, урок в школе или в университете или общение с белорусскоязычным, не говорящим или не желающим говорить по-русски. Несмотря на активность русского языка в повседневном общении, русскоязычные белорусы прекрасно понимают белорусский язык, кроме того, их русский язык окрашивается содержанием, как русских, так и белорусских черт [Там же]. Эти особенности проявляются на всех уровнях языка – в лексике, грамматике, фонетике.

Русский язык в Беларуси представлен несколькими вариантами. Литературный русский в своих письменной и разговорной формах распространен повсеместно, однако степень владения им варьирует от хорошего литературного языка, максимум с легкой белорусской интонацией, до сильно смешанной интерферированной речи [Коряков].

Наравне с русским и белорусским языками в Республике Беларусь существует промежуточная форма смешанной речи – так называемая трасянка. Трасянка имеет, как правило, белорусскую фонетику и интонацию, смешанную морфологию и двойной набор лексики. Определить основу трасянки – русскую или белорусскую – реально очень сложно из-за близости языков и большого количества отклонений от нормы. «Считается, что смешанная относится к тому языку, к какому относится грамматический строй речи, но на практике бывают случаи, когда, используется белорусский предлог и русское окончание (*аб чалавеке*) или, наоборот, союзы белорусские, что затрудняет использование этого принципа» [Цыхун].

Черты белорусского варианта русского языка уже давно описываются исследователями на сегментном фонетическом уровне. Общепринятым является констатация так называемого дзеканья, цеканья, наличия диссимилятивного или недиссимилятивного аканья, в зависимости от региона

происхождения белоруса [Норман]. В русский язык могут проникать диалектные черты – округление [а] жителями Полесья или Брестчины, значительно реже – появление нетипичной твердости у звуков [ч] или [р] [Там же].

Следует отметить, что это особенности сегментного уровня – это только верхушка айсберга. Гораздо большие отклонения существуют на просодическом уровне. Прежде всего, они обусловлены сохранением белорусского ритма в русском варианте языка. В российском варианте русского языка имеет место динамическое ударение, где явно выражено преобладание количества децибел на ударном слоге. Белорусы реализуют ударный слог посредством значительного изменения длительности. В силу этого в российском и белорусском вариантах присутствует неодинаковый характер редукации безударных гласных [Лебедева 2008].

Второй просодической особенностью является строение ритмической структуры, белорус сохраняет акцентное эхо практически одинаковой силы на начальном и на первом предударном слоге, например: станция метро **Про-ле** **та**р-ская или **нес**-на-**дзя**-ва-на-я [Там же].

Кроме акцентно-ритмических, исследователи отмечают мелодические особенности, например, при реализации вопросов [Норман].

Сказанное позволяет предположить, что имеющие место в белорусском варианте русского языка черты будут активно проявляться и в интерферированном варианте иностранного языка в процессе его освоения.

2.2. Подходы к понятию артикуляционной базы языка

«Система произносительных инструкций и адресов, соответственно которой в органы речи направляются произносительные приказы-импульсы, приводящие к произносительным движениям» [Рапанович, с. 14], получила название артикуляционной базы языка. На данный момент существует несколько подходов к трактованию понятия артикуляционной базы.

Согласно историческому подходу, а р т и к у л я ц и о н н а я б а з а языка представляет собой совокупность укладов и движений органов речи, установившуюся и ставшую привычной для каждого народа в историческом процессе общения на родном языке [Гируцкий]. Это означает, что языковым коллективом исторически вырабатывается языковой код, стоящий из знаков и правил их функционирования, где языковой знак имеет уникальный план содержания и план выражения. Уникальность плана выражения, согласно историческому подходу, проявляется в том, что каждый языковой коллектив привык использовать определенные работы органов речи для дифференциации значений языковых знаков. Другими словами, существующие в языке дифференциальные признаки звуков вычленяются исторически для обеспечения коммуникации внутри языкового коллектива. Более того, историческое видение артикуляционной базы как совокупности укладов и речедвижений не исключает существование парадокса: языки могут использовать сходные

работы органов речи, то есть различать звуки по сходным дифференциальным признакам, но иметь неодинаковые уклады органов речи. Ярким примером тому является реализация признака переднеязычности согласных во французском и белорусском языках: французские [t], [d], [n], [l] апикальны, а белорусские – дорсальны (рис. 2.1) [Лебедева 2008; Падлужны, Чэкман].

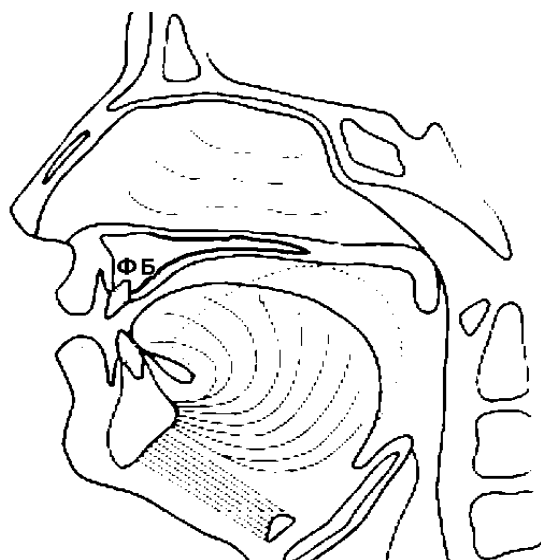

Рис. 2.1. Артикуляторные зоны, используемые для реализации согласных [t], [d], [n], [l] во французском и белорусском языках

Примечание: Ф – место образования французских переднеязычных согласных, Б – белорусских.

Согласно физиологическому подходу, артикуляционная база языка – это преимущественно усвоенный для звукообразования уклад органов речи, привычный для всех членов данного языкового коллектива и обеспечивающий коммуникацию между членами сообщества [Евчик, 2000]. Таким образом, двигательный высокоавтоматизированный комплекс, с одной стороны, обеспечивает реализацию звуков и их последовательностей при постоянно изменяющихся речевых переменных (темп, мелодия, тембр и т.д.), а с другой стороны, все эти реализации строго детерминированы принимающей стороной: при отклонении от нормы речь становится непонятной для собеседника.

В рамках физиологического подхода логичным представляется формирование у каждого члена языкового коллектива единой функциональной системы, обеспечивающей коммуникацию на данном языке [Бернштейн]. Физиологический подход не объясняет следующего противоречия: уклады органов речи при контактировании двух языков могут быть сходными, но вследствие разницы в степени напряженности, в силе выдоха, в характере работы голосовых связок и т.п. говорящий не воспринимается в качестве

полноправного члена данного языкового сообщества, поскольку в его речи присутствует иноязычный акцент. Речь идет в первую очередь о контактировании языков в случае субординативного билингвизма, когда под влиянием корригирующего признака в родном языке полезный признак изучаемого языка претерпевает изменения и модифицируется в интерферирующий признак (рис. 2.2) [Норман].

Рис. 2.2. Взаимодействие признаков в интерферированной речи билингва

Например, при контактировании французского и белорусского языков только на уровне ротовых гласных возможны замены [i], [u], [a] соответствующими эквивалентами из другого языка, однако, как видно из рис. 2.3, ни один из этих гласных не обнаруживает совпадения формант F_1 и F_2 , а следовательно, будет отличаться по признакам ряда и подъема.

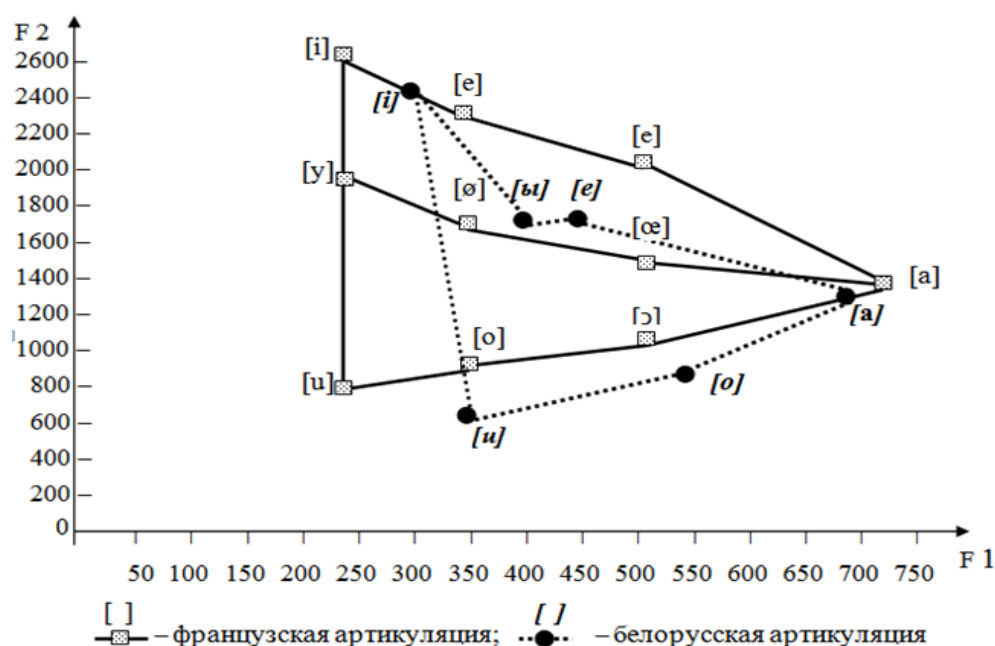

Рис. 2.3. Сопоставление формантных частот ротовых гласных французского и белорусского языков [Лебедева 2006]

По мнению А. А. Метлюк, интерферирующие признаки могут быть количественными и качественными, позитивными и негативными, смысловыми и кодовыми [Метлюк]. Количественные интерферирующие признаки приводят к сокращению звука, но не меняют его качества. Позитивные признаки говорят о реализации качеств из родного языка, негативные — проявляются в гиперкорректных реализациях иноязычных звуков. Кодовые признаки обуславливают нарушения языковых форм, а смысловые искажают адекватную интерпретацию языкового знака.

Лингвист А. А. Метлюк различает четыре степени интерференции: первая степень характеризуется кодовыми нарушениями вследствие негативной интерференции; вторая — кодовыми нарушениями вследствие позитивной интерференции; третья — кодовыми и частично смысловыми нарушениями; четвертая степень характеризуется смысловыми нарушениями, что приводит к потере высказыванием коммуникативной ценности [Там же].

Таким образом, при интерференции первой и частично второй степени, когда присутствуют количественные, негативные и кодовые интерферирующие признаки в артикуляционной базе индивида можно говорить о том, что такая артикуляционная база обеспечивает коммуникацию между членами языкового сообщества, но не является совершенной.

Проблема совершенства/несовершенства артикуляционной базы поднимается в рамках психологического подхода, согласно которому в процессе онтогенеза у каждого индивида формируется и развивается речевая функциональная система. Итоговым результатом ее работы является формирование когнитивной реальности, существование и развитие которой обуславливается нейрпсихофизиологической и социальной природой человека, а также свойственной ему коммуникативно-познавательной деятельностью [Евчик 2000].

По мнению В. Б. Касевича, каждое этноязыковое сообщество имеет «излюбленные артикуляционные уклады», составляющие его артикуляционную базу, и «настроенность на определенные психо-акустические эталоны», образующие его перцептивную базу [Касевич, с. 140]. Следует отметить, что автор отдельно выделяет семантическую базу, представленную семантическими кластерами сем, типичных для данного языка [Там же]. На наш взгляд, подобное дробление может быть оправданным с точки зрения теоретической методологии — артикуляционная фонетика, перцептивная фонетика, семантика представляют собой разные науки с разным исследовательским аппаратом. Наряду с этим трудно представить, что не получивший лингвистического образования индивид способен производить такие разграничения, кроме того возникает резонный вопрос, как взаимодействуют базы. По мнению Н. С. Евчик, этой когнитивной реальностью, обеспечивающей все лингвистические действия индивида (понимание, производство речи, запоминание, чтение), является речевая функциональная система [Евчик 2000]. Еще в младенческом возрасте при благоприятных социальных условиях происходит

последовательная смена двух генетически запрограммированных доречевых периодов – гуления и лепета. Они завершаются у младенца со здоровым слухом появлением сначала псевдослов, а затем уже и собственно слов.

Постепенно у каждого индивида в результате интегративной деятельности мозга формируется речевая функциональная система, являющаяся образованием со сложной уровневой иерархией [Евчик 2000]. Низшие иерархические уровни выполняют функции восприятия и воспроизведения речевых сигналов, а высшие обеспечивают операции с языковыми символическими обобщениями.

В речевой функциональной системе каждый механизм выполняет свою специфическую роль: речевая и связанная с ней ситуативная информация синтезируется; принимается решение об артикуляторной программе; прогнозируется результат перцептивно-артикуляционного действия; принятое решение воплощается в конкретной артикуляции; его выполнение контролируется слухом, при этом по определенным правилам происходит сличение реализуемого с хранящимися в памяти эталонами [Там же]. Эталоны, сформированные речевой функциональной системой, полимодальны по своей природе и представлены речедвигательными, кинестетическими, акустическими и зрительными обобщениями ритмических, ритмико-мелодических и слоговых структур языка (рис. 2.4). Полимодальность эталонов означает, что каждая артикуляция, помимо ведущих моторных движений, включает в себя еще мышечные ощущения при реализации звука, его акустический и зрительный образы. И наоборот, каждое восприятие звука, помимо собственно акустических обобщений, активирует у слушающего скрытые моторные, кинестетические и зрительные образы. В силу того, что у любого хорошо слышащего человека преобладает восприятие речи на слух, зрительные образы могут отодвигаться на задний план, но они всегда активируются в случае плохой слышимости собеседника.

Рис. 2.4. Полимодальность эталонов в речевой функциональной системе

Примечание: В качестве примера зрительных обобщений взяты виземы французских гласных [a], [ɛ], [œ], [ɔ].

Таким образом, с точки зрения психологического подхода артикуляционная база представляет собой часть цельной речевой функциональной системы индивида, последовательно формирующейся у него в результате его фонологического развития. Она воплощается посредством хранящихся в памяти индивида моторных программ, обеспечивающих речепроизводство на данном языке. Моторные программы образуют крепкие неразрывные связи с кинестетическими, зрительными и акустическими обобщениями. Кроме того, моторные программы артикуляционной базы обладают гибкостью и обеспечивают реализации различных контекстных и темповых условий. Моторные программы развиваются и совершенствуются по мере овладения родным или иностранным языком. Критерием совершенства артикуляционной базы является автоматическое соблюдение индивидом произносительных норм данного языка.

У индивида столько артикуляционных баз, сколько языков он знает. Артикуляционная база родного или ранее изученного языка будет оказывать интерферирующее влияние на изучаемый язык и приводить к появлению разного рода модификаций.

2.3. Сравнение механизмов звукообразования во французском и белорусском языках

Слоговые структуры

В системе единиц языка роль минимальной произносительной единицы закрепила за слогом, поскольку членение речи на единицы, меньшие, чем слог, лишает ее связности. Произносительная целостность слога проявляется в том, что, как бы ни была замедлена речь, далее, чем на слоги, она не распадается. По данным физиологов, даже в случаях тяжелой афазии распада речи на отдельные звуки не происходит [Лепская; Лурия]. Экспериментально-фонетическими исследованиями выявлено, что артикуляция гласного в слоге (согласный + гласный) начинается одновременно с артикуляцией согласного, а сочетание двух согласных часто реализуется почти синхронно [Дукельский]. Состав слога предопределяет артикуляцию каждого звука в его пределах. Так, согласный [s] в слогах [su], [stu] и т.п. произносится с обязательным участием губ, в слогах [sa], [sta] – без этого участия. Огубленность [s] – результат активной подготовки артикулирующих органов к произнесению гласного. Возможно и влияние свойств предшествующего звука, например, в слоге *тут* конечный согласный значительно озвончается на участке, примыкающем к гласному, что объясняется инертностью голосовых связок, которые «не успевают» полностью выключиться после окончания артикуляции гласного [Там же]. Все существующие модели взаимодействия артикуляции звуковых элементов в слитной речи указывают на тот факт, что речь не является линейной цепочкой статичных участков. По мнению Л.А. Чистович, слог артикулируется как цельный комплекс, заданный единым блоком нейрофизиологических команд к мышцам, а не как последовательность составляющих его звуков [Чистович, Венцов, Гранстрем].

Из сказанного следует, что характеристики фонемы вычленяются не в конкретном звуковом сегменте, соответствующем данной фонеме, а в слоговом сочетании. Таким образом, слог является базовой единицей в том смысле, что, с одной стороны, на сегментном уровне слог является местом реализации дифференцирующих языковые знаки признаков, а с другой стороны, на просодическом уровне, именно слог есть носитель темпоральных, акцентных, ритмических и мелодических характеристик, позволяющих простым языковым знакам объединяться и образовывать более сложные единицы.

Сравнительно-сопоставительное изучение языков позволило установить, что специфика фонологической системы каждого языка определяется не столько различием в составе фонем и их функциональном использовании, сколько законами дистрибуции фонем в структуре слога. Эти законы определяют виды функционирующих в языке языковых структур, их возможное положение в слове и характер слогосочетания, в результате чего даже в родственных языках отмечается наличие значительно различающихся по числу согласных слоговых типов [Евчик, Лебедева 2019].

При сравнении структуры слогов во французском и белорусском языках выявляется, что в двух языках наблюдается наличие четырех возможных типов слогов: полностью открытый, полностью закрытый, прикрытый в начале, прикрытый в конце. Общее количество структурных разновидностей слогов: в белорусском языке – 14, во французском – 16. Совпадающими во всех языках слоговыми структурными подтипами являются:

1. V	5. CCVC	9. CV
2. CVC	6. CCCVC	10. CCCV
3. CVCC	7. CCVCC	11. VC
4. CVCCC	8. CCVCCC	12. CCV
		13. VCC

Во французском языке нет структур типа CCCCVC (усплеск), а в белорусском CVCCCC (*dextre*). Практически четыре пятых из наиболее употребительных французских слоговых структур – заканчиваются на гласный, а количество слогов, завершающихся согласным – меньше одной пятой (табл. 2.1). Это существенно противопоставляет белорусский язык французскому, где одна треть слогов – закрытая.

Т а б л и ц а 2.1

Наиболее распространенные слоговые структуры французского, русского и белорусского языков, %

Слоговые структуры	Язык		
	французский	белорусский	русский
CV	64,9	62,8	71,6
CVC	17,1	30,8	22,2
CCV	14,2	2,6	2,5
VC	1,9	2,6	2,5
Другие	1,9	1,3	1,2
Всего:	100	100,0	100,0

Следует отметить, что конечные французские слоги становятся подвижными в речи за счет явления связывания: в результате консонантного связывания структуры перераспределяются в сторону увеличения количества открытых слогов, например: $VCC + V = V + CCV$ (*entre à la maison*) [Рапанович]. В белорусском языке происходит небольшое увеличение количества согласных в начале слога, поскольку гласный [u] в позиции перед гласным чередуется с согласным [w] (*zajdzi ŭ xatu*), хотя в целом белорусские слоги отличаются относительной устойчивостью [Выгонная].

Кроме того, характер примыкания конечного согласного к гласному в слогах типа CVC не совпадает в двух языках. Для французского языка характерно постепенное нарастание мускульного напряжения к концу акцентной единицы. Это является причиной того, что французские согласные в финальной позиции произносятся так, будто они начинают слог. Данный факт обуславливает подвижность слоговых границ, стремление финальной согласной внутри сложной акцентной единицы переместиться в начало следующего слова. В белорусском языке ничего подобного не происходит, поэтому следует ожидать, что при контактировании двух языков адекватное формирование слоговых структур изучаемого языка – это первая трудность, которую следует преодолеть.

Для проверки данного предположения была отобрана экспериментальная группа из 10 коренных белорусов, студентов 1 курса, которые начали впервые изучать французский язык в университете. Во время вводного курса в течение двух месяцев ежедневно производилась запись их произношения на цифровой носитель. В общей сложности анализу было подвергнуто 10 часов записи.

Как показали результаты анализа, самым главным нарушением является искажение времени реализации высказывания. В зависимости от способностей обучаемых скорость артикуляции отставала от скорости модели в целом в 1,5–3 раза.

Следующей трудностью являлись модификации акцентного членения фраз: перенос словесного ударения из родного языка, появление заударных слогов, нарушение иерархии ударений.

Модель: *Leur fille Ni'cole a si''x ans. Ils ha'bitent dans le Mi'di de la France.*

Вариант: *Leur 'fille Nicole 'a si''x ans. Ils ha'bitent dans le Mi''di de la France.*

Как видно из примеров, акцентные модификации могли приводить к искажениям в мелодическом оформлении фразы, хотя в целом во время вводного курса происходит отработка мелодии основных коммуникативных типов фраз, не создающих значительных трудностей для белорусов.

В речи испытуемых регулярно отмечались модификации дифференциальных признаков гласных и согласных, однако судить о наличии потенциальных трудностей в их становлении было бы ошибочным на данном экспериментальном материале, поскольку темпы их эволюции не равномерны.

Среди массовых и регулярно встречающихся ошибок следует отметить искажение слоговых структур в случае подвижности слоговых границ. Так, практически все испытуемые испытывали трудности в воспроизведении фраз типа *Elle a 'mal à la 'tête*. Причем в первых трех из 12 текстов испытуемые либо нарушали слоговые границы, но осознавали смысл высказывания, либо наоборот, имитировали механически фразу, не осознавая ее значения. Подвижность слоговых границ формируется одновременно с навыком произнесения на выдохе сложных акцентных единиц.

Особенности гласных и согласных

Французскую артикуляционную базу отличают три основные особенности, накладывающие значительный отпечаток на реализацию как вокалического, так и консонантного компонентов слога: напряженность, наличие раннего отступа и переднеязычность [Евчик, Лебедева 2019].

Напряженный характер артикуляции обуславливает неизменность качества звука на протяжении всей фонации, отсутствие дифтонгов, дифтонгоидов и редукции при реализации гласных, аффрикат при реализации согласных, энергичную артикуляцию щелевых и стремительное протекание смычки у смычных.

Ранний отступ является причиной отсутствия оглушения согласных на абсолютном конце акцентной единицы. Мускульное напряжение нарастает к концу акцентной единицы, в результате чего согласные в закрытом ударном слоге, являясь сильноконечными, окрашиваются призвуком [э] либо образуют сцепления с последующим словом, начинающимся с гласного.

Переднеязычный характер артикуляции проявляется в том, что 17 из 20 согласных и 9 наиболее частотных гласных из 15 возможных артикулируются в передней части рта. В задней части рта реализуется только 3 согласных и 6 гласных, причем французские заднеязычные гласные характеризуются как выдвинутые вперед, поскольку при их произнесении язык остается продвинутым вперед и только его кончик несколько отходит от нижних зубов [Рапанович].

Белорусскую артикуляционную базу, напротив, отличает ненапряженный характер слоговых реализаций, наличие позднего отступа и преобладание средне-заднеязычных артикуляций.

Общая ненапряженность органов речи во время звукообразования обуславливает изменения качества звука во время фонации. Данные рентгенограмм свидетельствуют о наличии изменений внутри одной фонации. В результате белорусские гласные [э], [о], [а] приобретают дифтонгоидную окраску. Например, реализация белорусского гласного [о] напоминает последовательность из трех гласных [у→о→а] [Падлужны, Чэкман]. При реализации консонантного компонента слога ненапряженность артикуляции имеет своим следствием наличие аффрикат; изменений качества согласного во время фонации (например, конечный [j] может реализовываться как [j^h]); возникновение специфического [i] – образного глайда при переходе от мяг-

кого согласного к последующему гласному; вялое протекание смычки при реализации смычных; сильную фрикацию щелевых; ш-образную окраску белорусских переднеязычных [s] и [z].

Поздний отступ является причиной отсутствия четкости размыкания согласных в финальном слоге акцентной единицы, что воспринимается как их перцептивное затухание. В белорусском языке на абсолютном конце акцентной единицы отсутствует четкость размыкания конечных согласных, употребляются сильноначальные формы.

Анализ места образования согласных во французском и белорусском языках выявил использование различных артикуляторных зон для реализации консонантного компонента слога.

Оба языка используют губно-губную артикуляцию для образования согласных, однако в белорусском языке она сопровождается незначительной активностью верхней губы и несколько большей активностью нижней. Французскую артикуляцию, напротив, характеризует энергичная и напряженная работа обеих губ.

При образовании губно-зубных белорусских согласных ненапряженная нижняя губа только слегка касается верхних зубов, а при артикуляции французских – нижняя губа сильно прижимается к верхним зубам и несколько подворачивается, приводя к тому, что эти согласные отличаются четкой и напряженной артикуляцией.

Сопоставляемые системы имеют 8 близких по месту образования переднеязычных согласных; 6 из 8 переднеязычных французских согласных являются апикальными (табл. 2.2). Они реализуются при активном контакте кончика языка с альвеолами верхних зубов. При артикуляции предорсальных переднеязычных [s], [z] образование щели происходит между передней частью спинки языка и твердым нёбом от альвеол до зубов [Рапанович; Падлужны, Чэкман].

Т а б л и ц а 2.2

Сравнительная характеристика переднеязычных согласных
во французском и белорусском языках

Сопоставляемые языки				
французский		белорусский		
Согласные				
апикальные	предорсальные	дентальные	передне-средненёбные ¹	
			предорсальные	дентальные
[t], [d], [n],	[s], [z]	[t], [d], [n],	[nʹ]	
		[s], [z]	[šʹ], [žʹ]	
[l], [ʃ], [ʒ]		[l], [lʹ]		
		[ts], [dz], [R]	[tšʹ], [džʹ]	

* Для характеристики белорусских переднеязычных используются термины, предложенные А. И. Подлужным [Падлужны, Чэкман, с. 253].

В белорусском языке 14 из 19 переднеязычных согласных являются дентальными, при этом реализация смычных характеризуется наличием широкой смычки, обусловленной ненапряженным характером артикуляции. Смычка начинается с касания кончиком языка верхних зубов, после чего язык по инерции продолжает продвигаться вперед, прижимаясь всей своей передней частью к заальвеолярной зоне. При артикуляции дентальных [j], [ʒ], [tʃ], [dʒ] отмечается некоторое смещение артикуляции в палатальную зону, что дает основание для их определения как передне-средненёбных. Передне-средненёбными являются также [nʲ], [ʃʲ], [ʒʲ], [tʂʲ], [dʒʲ], однако их артикуляция характеризуется размытостью зоны образования вследствие ненапряженности органов речи [Падлужны, Чэкман].

При сравнении заднеязычных отмечается более заднее место образования смычки белорусских [k], [g] по сравнению с французскими эквивалентами.

Характерными чертами белорусской артикуляционной базы, в отличие от французской, являются также неиспользование маленького язычка для образования характерного шума согласных звуков.

Для артикуляционной базы языка существенным является сочетание работ произносительных органов при образовании звуков. Сопоставляемые языки отличает возможность использования для реализации гласных нёбной занавески и носовой полости, а также переднего положения языка и огубленности. Огубленность в белорусском языке создается слабым выдвижением губ вперед. Огубленность во французском языке предполагает значительное выдвижение губ и сохранение однородной артикуляции на протяжении всей фонации.

Ведущим компонентом, предопределяющим коартикуляцию французского слога, являются гласные. В белорусском языке гласные также оказывают влияние на качество согласного в слоге, но при этом зависимость качества гласного от реализуемого согласного является большей. Сравнение рентгенограмм гласных показывает, что в позиции перед мягкими согласными любой белорусский гласный изменяет степень своего подъема в начальной фазе, поскольку значительная часть языка принимает участие в создании сужения в ротовой полости. Изменения подъема, имеющие место в центральной фазе, менее существенны [Выгонная].

Проведенный анализ артикуляционных баз французского и белорусского языков позволяет сделать вывод об отличиях, проявляющихся по трем основным признакам: характеру образования звуков, использованию артикуляторных зон и особенностям протекающей в слоге коартикуляции (табл. 2.3).

Особенности артикуляционных баз белорусского и французского языков

Анализируемые признаки	Сопоставляемые языки	
	французский	белорусский
Характер артикуляции	напряженный	расслабленный
Особенности реализации гласных	• отсутствие редукции; • чистый тембр гласных; • передняя артикуляция; • сильно огубленная артикуляция	• наличие редукции; • наличие дифтонгоидов; • средне-задняя артикуляция; • слабо огубленная артикуляция
Особенности реализации согласных	• сильноконечная артикуляция; • отсутствие аффрикат; • отсутствие изменений качества во время фонации; • отсутствие палатальных; • энергичная реализация смычных и щелевых; • преобладание передней апикальной артикуляции	• сильноначальная артикуляция; • наличие аффрикат; • наличие изменений качества во время фонации; • наличие палатальных; • вялое протекание смычки, сильная фрикация щелевых; • наличие дентальной переднеязычной артикуляции и смещение места артикуляции переднеязычных; в среднепалатальную зону
Ведущий элемент коартикуляции	• гласные при аккомодирующем влиянии на согласные	• согласные при аккомодирующем влиянии на гласные

Исследованиями ряда авторов была доказана зависимость скорости артикуляторных движений от массы, размеров и формы активного артикуляторного органа. Наибольшей скоростью обладает кончик языка, а наименьшей – губы и нёбная занавеска [Евчик, Лебедева 2019].

На материале различных языков были отмечены следующие закономерности:

- длительность гласного обусловлена перемещением языка по горизонтальной и вертикальной осям, участием губ и нёбной занавески в образовании звука и общей напряженностью органов речи во время фонации. Перемещение языка по вертикальной оси снизу-вверх способствует уменьшению времени фонации, то есть закрытые гласные обладают меньшей длительностью по сравнению с открытыми. Перемещение языка назад также способствует сокращению длительности гласного, поскольку задний ряд связан с более кратким интервалом звучания. Следовательно, максимальной длительностью обладают открытые гласные переднего ряда. Участие работы губ и нёбной занавески в артикуляции гласного связано с увеличением объективной длительности гласного [Там же];

- длительность согласного определяется способом его образования, степенью мягкости и степенью участия голоса – длительность аффрикат и щелевых согласных превосходит длительность смычных, мягкие согласные обладают большей длительностью по сравнению с твердыми, а уменьшение степени звонкости связано с увеличением времени фонации. Таким образом, в одинаковых фонетических условиях длительность поступательно убывает в следующем порядке: мягкая аффриката – твердая аффриката – глухой согласный – звонкий согласный – сонант – носовой согласный, то есть [ts']>[ts]>[s]>[t]>[d]>[n] [Лебедева 2006].

Различное распределение мускульного напряжения в сопоставляемых языках (энергичное во французском и вялое в белорусском) указывает на несовпадение времени реализации как вокалических, так и консонантных составляющих слога. Тот факт, что скорость кончика языка превосходит скорость его центральной части [Лебедева 2008], позволяет утверждать, что использование разных артикуляторных зон при реализации французского и белорусского слогов (переднеязычной во французском, среднеязычной в белорусском) отразится на времени их реализации. Это приводит к логическому выводу о том, что длительность слогов со сходными звуками в сопоставляемых языках не будет совпадать.

Следовательно, перенос в иностранный язык свойственных родному языку качеств ингерентного состава слога вызовет смещение нормативного времени его реализации и будет служить признаком недостаточной сформированности артикуляционной базы.

С целью установления характера модификаций французских гласных и согласных в развивающейся артикуляционной базе у белорусов, изучающих этот язык, было проведено экспериментальное исследование с привлечением в качестве испытуемых, продолжающих изучать французский язык после средней школы. Их речь записывалась еженедельно на цифровой носитель в течение пятого семестра. От испытуемых был получен экспериментальный материал размером в 12 часов записи. К исследованию было привлечено 12 студентов 3 курса, являющихся коренными белорусами. Их речь была подвергнута аудитивному анализу, направленному на выявление интерферентных модификаций. Выявленные модификации классифицировались и обрабатывались статистически.

2.4. Модификации звуков в условиях недостаточной сформированности артикуляционной базы

Модификации французских согласных у белорусов

Анализ модификаций французских согласных в реализации испытуемых позволяет сделать следующие выводы.

1. В наибольшей степени проблемными в становлении французского слога являются переднеязычные согласные. Они чаще других подвергаются трансформациям, затрагивающим дифференциальные признаки палатальности и степени участия голоса.

2. Отличительной особенностью модификаций, выявленных по признаку степени участия голоса, является противоположный характер трансформаций в ударном и предударных слогах:

- в ударном слоге наиболее частотными трансформациями являются реализация сильноначальных согласных, оглушение звонких согласных и вокализация сонантов. Обращает на себя внимание тот факт, что все перечисленные изменения обуславливают реализацию более длительных по сравнению с эталоном согласных;

- в безударных слогах практически единственными трансформациями являются вокализация глухих согласных и консонантные замены полугласных.

3. Выпадение и вставка согласных, модифицируя слоговые ритмические структуры, являются следствием погрешности в распределении длительности французского слога. Преобладание вставки согласных над числом их выпадения в I предударном, ударном, а также III, IV предударных слогах позволяет думать о тенденции к увеличению длительности этих слогов в артикуляции испытуемых.

Модификации французских гласных у белорусов

1. Модификации вокализма свидетельствуют о трудностях испытуемых в реализации артикуляторных программ французского языка. Данные трудности проявляются в:

- предпочтении заднеязычной артикуляции в ударном и в предударных слогах;

- замене высокого по подъему ударного гласного более низким;

- редукции гласных и предпочтении вариантов с нейтрализацией тембра в предударном слоге.

2. Потенциально резистентными к становлению являются вокалические признаки ряда и подъема, составляя наиболее яркие характеристики недостаточно сформированной артикуляционной базы французского языка.

3. Потенциальную предрасположенность к становлению обнаруживают дифференциальные признаки назальности и огубленности гласных. При становлении признака назальности в ударном слоге преобладает смещение тембров носовых гласных, а по мере удаления от него возрастает частотность случаев деназализации. Отличительной особенностью становления признака огубленности является его пониженная активность в безударных слогах.

4. Явления выпадения и вставки гласных влияют на модификации слоговых ритмических структур. Число выпадений гласных значительно в III и V предударных слогах. Основное количество вставки гласных выполняется в ударном, II и IV предударных слогах французской акцентной единицы.

Динамика становления артикуляции

1. Первоначально имеющие место модификации ингерентного состава французского слога указывают на недостаточную степень сформированности артикуляционной базы языка.

2. Выявленная эволюция вокалических и консонантных элементов слога по дифференциальным признакам палатальности и степени участия голоса согласных, подъема, огубленности, назальности и ряда гласных имеет следствием нормализацию длительности как отдельных сегментов, так и слога в целом.

3. Становление внутренней структуры слога находит свое воплощение в создании адекватных артикуляторных программ слоговых последовательностей. В них потенциально положительным к становлению является консонантный компонент при наиболее активной нормализации признаков степени участия голоса, выпадения и вставки согласных. В своем развитии от них отстает дифференциация по признаку палатальности, где максимально резистентной является эволюция переднеязычных согласных.

4. Вокалический компонент слога реагирует на становление французской фонологии в 2 раза менее активно. Лидирующим в процессе эволюции вокализма являлось восстановление регулярно выпадающих и вставочных гласных, а наиболее проблемными оказались эволютивные процессы по становлению признака переднеязычности. Именно гласные переднего ряда наиболее резистентны при становлении других дифференциальных признаков: [œ] ([ə]) при нормализации признака огубленности; [e], [ɛ] – подъема; [ẽ] – назальности; [y], [œ], [ø] – ряда. Слоги с предшествующими переднеязычными согласными представляют наибольшую трудность для дифференциации признака ряда гласных как ротовых, так и носовых.

5. Эволюция параметров дифференциальных признаков консонантного и вокалического компонентов французского слога у испытуемых происходит под влиянием нормирования реализации ритмически выделенных слогов и резистентности к изменениям слогов ритмически не выделенных.

* * *

1. Обладая характерными для системы языка нормативными/ненормативными параметрами признаков ингерентных составляющих на артикуляторном, акустическом и перцептивном уровнях, слог является маркером степени сформированности языковой артикуляционной базы.

2. Артикуляционным базам французского и белорусского языков свойственны противоположные условия для реализации ингерентного состава слога в речевой цепи: различное распределение мускульного напряжения (возрастающее к завершению во французском и убывающее в белорусском), использование разных артикуляторных зон (переднеязычной во французском и среднеязычной в белорусском), неодинаковый характер артикуляции (напряженный во французском и ненапряженный в белорусском). Перенос этих характеристик из родного языка в иностранный явится маркером недостаточной сформированности перцептивно-артикуляционной базы и влечет за собой модификации длительности ингерентного состава слога.

3. Французской артикуляционной базе свойственна изохронность безударных слогов, значительное удлинение ударного и частичное – каждого

непарного безударного слога, считая от конца акцентной единицы. Белорусскую артикуляционную базу отличает большая длительность ударного слога и неоднородное сокращение длительности разных по качеству предударных и заударных слогов, при этом максимальное ее проявление имеет место в начальном слоге многосложной акцентной единицы и в первом предударном слоге. В каждом из языков в качестве основополагающего компонента просодической организации ритмической структуры выступает длительность. Перенос распределения длительности внутри акцентной единицы из родного языка в иностранный является маркером недостаточной сформированности перцептивно-артикуляционной базы.

4. Недостаточная сформированность артикуляционной базы французского языка у белорусов находит отражение на уровне слога в нарушении времени, отводимом для его реализации, что обуславливает явления выпадения, вставки и модификации дифференциальных признаков составляющих его сегментов.

5. Последовательность процесса эволюции слога в артикуляционной базе индивида проявляется в сокращении до минимума отклонений длительности, в выработке чувствительности к ритмической выделенности слога и способствует становлению адекватных параметров дифференциальных признаков слоговых составляющих.

6. Эволюция французского слога в артикуляционной базе осваивающего язык индивида находит воплощение в качественных преобразованиях его структуры.

7. Динамика совершенствования артикуляции дифференциальных признаков составляющих французского слога в реализации белорусов имеет следующую закономерность: наиболее удаленным от нормативного как у гласных, так и у согласных постоянно оказывается признак переднеязычности. Его низкий потенциал к трансформациям в условиях нарушенной длительности обуславливает устойчивость артикуляторных модификаций французского слога на протяжении всего периода совершенствования артикуляционной базы индивида.

Глава 3. ИМЯ СОБСТВЕННОЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Теория имени собственного берет свое начало в философских трудах Платона, Аристотеля, стоиков, Демокрита. С конца XIX до середины 70-х годов XX века проблемы ономастики активно разрабатываются лингвистами, внимание которых направлено на решение вопроса наличия/отсутствия значения у имени собственного с точки зрения двух основных позиций: имя собственное рассматривается как наиболее значимый языковой знак (М. Бреаль) или как знак, не имеющий значения (А. В. Суперанская, В. Брёндаль, К. Тогебю). В современных исследованиях проблема значимости получает новое обоснование: имя собственное определяется как знак, значение которого проявляется в конкретной ситуации общения (И. Э. Ратникова, Ж. Клейбер).

Исследователями ономастики собран и обобщен богатый материал, однако, несмотря на всю глубину проведенного анализа, остаются открытые вопросы. Так, до настоящего времени не эксплицирован феномен семантической подвижности культурно значимых имен собственных, раскрывающий этнокультурные особенности их закрепления в энциклопедическом словаре. В предлагаемой работе предстоит выяснить онтологическую природу и пути семантической динамики имен собственных разных подклассов во французском и белорусском языках, а также установить универсальные закономерности и специфику процесса их лексикализации в каждом из анализируемых языков.

3.1. Культурно значимые имена собственные во французском и белорусском языках

Начиная с конца XIX века, лингвисты неоднократно поднимали вопрос наличия/отсутствия значения у имени собственного, решение которого они предлагали с точки зрения двух диаметрально противоположных позиций: имя собственное рассматривалось как наиболее значимый лингвистический знак или как знак, не имеющий значения.

С середины 70-х годов XX века проблема значимости получила новое обоснование: исследователи установили, что поскольку имя собственное употребляется в речи, то оно имеет значение, хотя и «глубоко отличное» от имени нарицательного [Щерба]. Исходя из того, что имя собственное «приобретает вполне реальный смысл, как только мы узнаем скрывающиеся за ним социальные отношения» [Старостин, с. 36], определить его значение невозможно без обращения к экстралингвистической информации. В рамках такого подхода ученые обратились к анализу связи семантики имени собственного со знаниями человека.

Так, философ-логик С. Крипке отмечает, что корректное использование имени собственного требует знания *причинной цепочки*, или *цепочки событий, соотносящихся с его референтом*. Формирование значения имени включает два этапа: исходный – акт наречения, в процессе которого дается имя

референту – жесткий десигнатор как основа для включения сведений; и последующий этап – передача референтной компетенции в ходе коммуникативных актов. Оба этапа тесно взаимосвязаны: «Un bébé naît, ses parents lui donnent un nom. Ils parlent de lui à leurs amis. D'autres personnes font sa connaissance. A travers des conversations de toutes sortes, le nom est transmis comme par une chaîne, de maillon en maillon» 'При рождении родители дают имя ребенку, говорят о нем со своими друзьями. Другие люди знакомятся с ним. В ходе такого рода общения имя передается словно по цепочке от звена к звену' (здесь и далее перевод наш. – А. К.) [Kripke, p. 36]. Как видим, при жизни человека объем сведений о нем активно расширяется и обновляется. Известность распространяемой информации не только в узком кругу лиц (семья, друзья, коллеги по работе и т.д.), но и в определенном лингвокультурном сообществе становится предпосылкой для последующей фиксации имени в энциклопедическом словаре.

Будучи онтологически экстралингвистическим параметром, цепочка событий, связанных со знаменитой личностью, входит в дефиницию значения ее имени через *пучки дескрипций* регулярного и непрерывного изменения во времени сведений о референте. Термин *пучок дескрипций*, предложенный Дж. Серлем, обозначает совокупность знаний, которые непосредственно соотносятся с именем собственным и являются истинными лишь при условии, если есть индивид, отвечающий данному набору описаний [Van Langendonck 2000].

Поступательное смещение социальной роли человека является определяющим фактором подвижности значения имени собственного, которое проходит в своем развитии три ступени: *знакомое лицо* как значение обиходного имени; *известная личность* как значение актуального имени, потенциально способного приобрести культурную значимость; *знаменитая личность, вошедшая в историю* как значение культурно значимого *исторического имени*. Общий механизм динамики семантики имени человека заложен в подвижности сигнификативного компонента в силу стабильности и неизменности денотативного компонента – *лицо мужского/женского пола* (рис. 3.1):

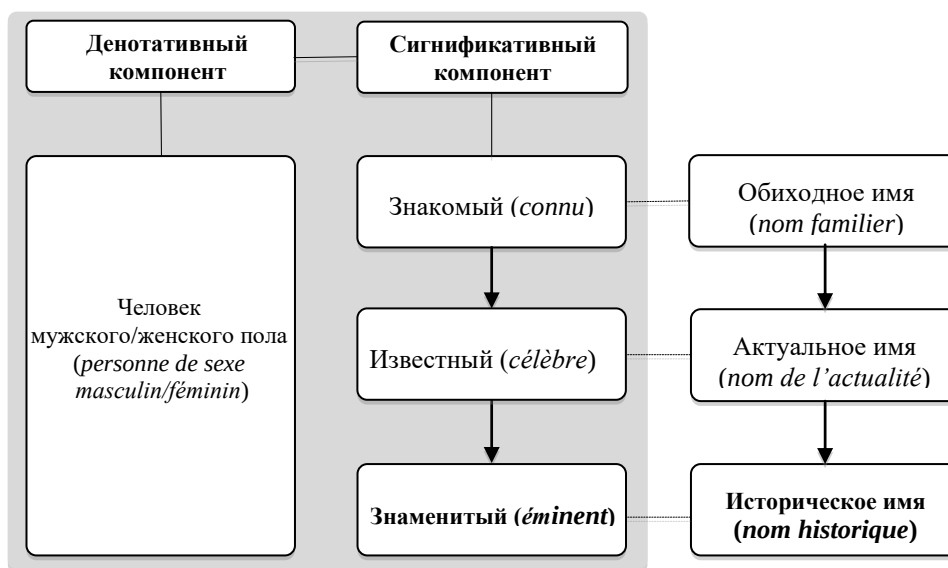

Рис. 3.1. Этапы развития значения имени собственного человека

Семантический объем имени на ступенях обиходного и актуального постоянно увеличивается в связи с социальной активностью его носителя, что сопровождается расширением сигнификативного компонента путем распространения объективных сведений о референте и появления субъективных оценок его деятельности. Таким образом, исходя из положения М. В. Никитина о наличии *когнитивной* и потенциально возможной *прагматической* составляющих в сигнификативном компоненте языкового знака [Никитин], значение имени на ступенях обиходного и актуального включает обе составляющие, представленные дескрипциями объективных и субъективных сведений о его носителе.

Степень **исторического имени** предполагает «закрытость» сигнификативного компонента – значение сводится к наиболее важным с позиций социума сведениям о знаменитой личности, включенным в словарную дефиницию.

Анализ дефиниций из энциклопедических словарей *Le petit Larousse* и *Беларускай энцыклапедыі* позволил систематизировать значение французских и белорусских исторических имен. Каждая представленная дефиниция дает пучок дескрипций места, даты рождения и смерти исторической личности. Затем следует *ключевое звено* – социально наиболее значимая для общества роль носителя имени, или его социально наиболее значимое *временное/постоянное проявление лица*. Поскольку имя собственное лица однозначно лишь для адресанта, а для адресата оно многозначно, то назначение ключевого звена состоит в уравнивании общих знаний собеседников: *About, Edmond – écrivain français* ‘Абу, Эдмон – французский писатель’ [Le petit Larousse, p. 1106]; *Adélaïde, Marie – princesse française* ‘Аделаида, Мария – французская принцесса’ [Там же, p. 1108]; *Тэтчер Маргарэт – брытанскі паліт. дзеяч* [Беларуская энцыклапедыя, т. 16, с. 146].

Формирование ключевого звена исторического имени является результатом смещения потенциально меняющихся во времени социальных ролей носителя имени – временных проявлений лица: *Ailly, Pierre d’ – chancelier de l’Université de Paris, évêque du Puy (1395), puis de Cambrai (1397), cardinal en 1411* ‘Пьер д’Айи – канцлер парижского университета, епископ Пуи (1395), затем Камбре (1397), кардинал в 1411 году’ [Le petit Larousse, p. 1114]; *Aguesseau, Henri François d’ – procureur général au parlement de Paris (1700), chancelier (1717)* ‘Анри Франсуа д’Агессо – генеральный прокурор в парламенте Парижа (1700), канцлер (1717)’ [Там же, p. 1112]; *Тэтчер Маргарэт – дэпутат палаты абшчын (1959–92), лідэр апазіцыі з 1975, у 1970–74 міністр Асветы і навукі* [Беларуская энцыклапедыя, т. 16, с. 311] и др.

Дефиниции отдельных имен открываются двумя и более временными проявлениями лица, составляющими единое ключевое звено, что закономерно объясняется особой активностью носителей этих имен в нескольких социально важных сферах: *Abélard, Pierre – philosophe, poète et musicien français* ‘Абеляр, Пьер – французский философ, поэт и музыкант’ [Le petit Larousse, p. 1106]; *Alembert, Jean Le Rond d’ – mathématicien et philosophe*

français ‘Жан д’Аламбер – математик и французский философ’ [Le petit Larousse, p. 1118]; *Уайтхед* – *англійскі логік, філосаф і матэматык* [Беларуская энцыклапедыя, т. 16, с. 154]; *Фальскі Усевалад Сцепанавіч* – *бел. грамадска-паліт., дзярж. і культ. дзеяч, акцёр* [Там же, с. 311] и др.

Передавая объективные знания, пучки дескрипций временных проявлений лица и формируют когнитивную составляющую сигнификативного компонента значения исторического имени, указывая на ступенчатое расширение его объема.

Описанный выше механизм динамики значения исторического имени вполне очевидно раскрывается в дефиниции имени *Abellio, Georges Souless (Toulouse 1907 – Nice 1986)* ‘Абеллио, Жорж Сулес (Тулуза 1907 – Ницца 1986)’, в которой выделяются дескрипции: *il est dégrisé dès 1942 et prend contact avec la Résistance. Après la guerre, il renonce à la politique et, « initié » par Pierre de Combas, se lance dans une réflexion ésotérique* ‘с 1942 года, будучи отстраненным от руководства [Национальным революционным фронтом], он входит в контакт с движением Сопротивления. После войны прекращает политическую деятельность и, следуя за Пьером де Комба, обращается к философии эзотеризма’ [Le petit Larousse, p. 1106].

Эти дескрипции формируют временные проявления лица: *polytechnicien, directeur du Front national révolutionnaire* ‘инженер, руководитель Национального революционного фронта’. Открывается же дефиниция ключевым звеном: *écrivain et homme politique français* ‘писатель и французский политический деятель’.

Энциклопедические словари фиксируют имена политических деятелей, писателей, скульпторов, архитекторов, епископов, монархов, императоров, путешественников, людей военных профессий, деятелей искусства, научных деятелей (физиков, математиков, химиков, биологов и т.д.) и др.

Если речь идет о деятелях искусства, литературы или философах, то словарная дефиниция обобщает информацию о направлении, в рамках которого они работали, об их произведениях и звании – принадлежности носителя имени к академии наук (если данный факт имеет место в его биографии): *About, Edmond (Dieuze 1828 – Paris 1885) – écrivain français. Journaliste célèbre pour son esprit parisien et voltairien, il passa de la satire à l’humour tendre. [Académie française, 1884]* ‘Абу, Эдмон (Дьез 1828 – Париж 1885) – французский писатель. Известный беллетрист, пронизанный духом Парижа и свободомыслия, прошедший путь от сатиры к легкому юмору. Член академии наук Франции с 1884 года’ [Там же]; *Фолкнер Уільям Катберт* – *амерыканскі пісменнік, найбуйнейшы прадстаўнік л-ры «плыні свядомасці»* [Беларуская энцыклапедыя, т. 16, с. 434]; дефиниции имен генералов или людей, имеющих воинские звания, включают сведения об их профессиональной деятельности, участии в военных кампаниях: *Adrets, François de Beaumont, baron des (Isère 1513–1587) – homme de guerre français, colonel des légionnaires du Dauphiné (1558). Il abjura le catholicisme en 1562, dévasta le midi de la France, puis revint au catholicisme, et combattit*

les protestants ‘Франсуа де Бомон, барон Адретский (деп. Изер 1513–1587) – французский военачальник, полковник легионеров в Дофине (1558). В 1562 году он отрекся от католицизма, опустошил юг Франции, после чего вновь вернулся в католицизм и разбил протестантов’ [Le petit Larousse, p. 1108]; *Убарэвіч Еранім Пятровіч* – сав. ваенны дзеяч, палкаводзец. Камандарм І-га рангу, камандаваў рэв. палком у баях супраць рум. і аўстра-германскіх войск [Беларуская энцыклапедыя, т. 16, с. 155]; политических деятелей – сведения об их государственной деятельности: *Amboise, Georges d’ (Chaumont-sur-Loire 1460 – Lyon 1510) – prélat et homme d’État français. Archevêque de Rouen (1494), cardinal (1498), légat du pape en France (1501), principal ministre de Louis XII de 1498 à 1510* ‘Жорж д’Амбуаз (Шомон-сюр-Луар 1460 – Лион 1510) – французский прелат и государственный деятель. Архиепископ Руана (1494), кардинал (1498), папский легат во Франции (1501), главный министр Людовика XII (1498–1510)’ [Le petit Larousse, p. 1127]; *Маішэраў Пётр Міронавіч* – партыйны і дзярж. дзеяч Беларусі, адзін з арганізатараў і кіраўнікоў патрыят. падполля і партыз. руху на Беларусі, камандзір партызанскага атрада, сакратар ЦК КПБ, канд. у чл. ЦК КПСС з 1964 г. [Беларуская энцыклапедыя, т. 10, с. 240].

Значение имен личностей, имеющих наследственное или присвоенное пожизненно почетное звание, титул (например, король, граф, герцог) – постоянное проявление лица, которым обычно как ключевым звеном открывается дефиниция, – содержит дескрипции сведений о происхождении их носителей. Потенциально такие имена приобретают культурную значимость не в связи с меняющимися событиями жизни, а через факт получения титула их носителями: *Adélaïde, Eugénie Louise (Paris 1777 – Paris 1847) – princesse d’Orléans, sœur de Louis-Philippe, roi des Français, dont elle fut la conseillère* ‘Аделаида, Евгения Луиза (Париж 1777 – Париж 1847) – принцесса Орлеанская, сестра и советник французского короля Луи-Филиппа’ [Le petit Larousse, p. 1108]; *Юрый Радзівіл (Ежы, 31.5.1556 – Вільня, 23.1.1600) – сын Мікаля Чорнага, каад’ютар (памочнік-намеснік) біскупа віленскага В. Пратасевіча. Біскуп Віленскі* [Беларуская энцыклапедыя, т. 13, с. 216].

В дефинициях значения имен знаменитых ученых, специалистов в определенной области, которые проявили себя как изобретатели чего-то нового, не известного прежде, содержится в основном только дескрипция этого изобретения, открытия или созданного объекта: *Antoine, Jaques Denis (Paris 1733–1801) – architecte français, auteur de l’hôtel de la Monnaie de Paris* ‘Антуан, Жак Дени (Париж 1733–1801) – французский архитектор, по проекту которого было построено здание Парижского монетного двора’ [Le petit Larousse, p. 1138]; *Michelin (les frères) – industriels français. Ils ont lié leur nom à l’application du pneumatique aux cycles et à l’automobile* ‘Мишлен (братья) – французские производители. Они дали свое имя процессу применения пневматики в велосипедах и автомобилях’ [Там же, p. 1536]; *Сухі Павел Восіпавіч* – савецкі авіяканструктар, адзін са стваральнікаў рэактыўнай і звышгукавой авіяцыі. З 1932 г. узначальваў праектаванне самалётаў РД (АНТ-25) і Радзіма [Беларуская энцыклапедыя, т. 15, с. 297].

В ходе анализа дефиниций на французском языке субъективные сведения о носителях знаменитых имен выявлены не были, что указывает на отсутствие прагматической составляющей в сигнификативном компоненте значения на завершающем этапе семантического развития – на ступени исторического имени. Когнитивная составляющая сигнификативного компонента включает в себя, как правило, темпоральные и событийные дескрипции и/или результат социальной или творческой активности носителя имени. Тем самым приводимые в пучках дескрипций сведения имеют отношение не столько к жизни самой знаменитой личности, сколько к тому вкладу в развитие общества, который ею был сделан. При этом ни одна из дефиниций не дает дескрипцию, например, внешнего вида знаменитой личности. Такое положение дел позволяет утверждать о том, что фиксация исторического имени во французском энциклопедическом словаре является пределом семантического объема его значения, при котором когнитивная составляющая «закрывается», а прагматическая постепенно ослабевает вплоть до ее полного исчезновения. Последующее изменение объема возможно лишь в сторону его сужения (рис. 3.2):

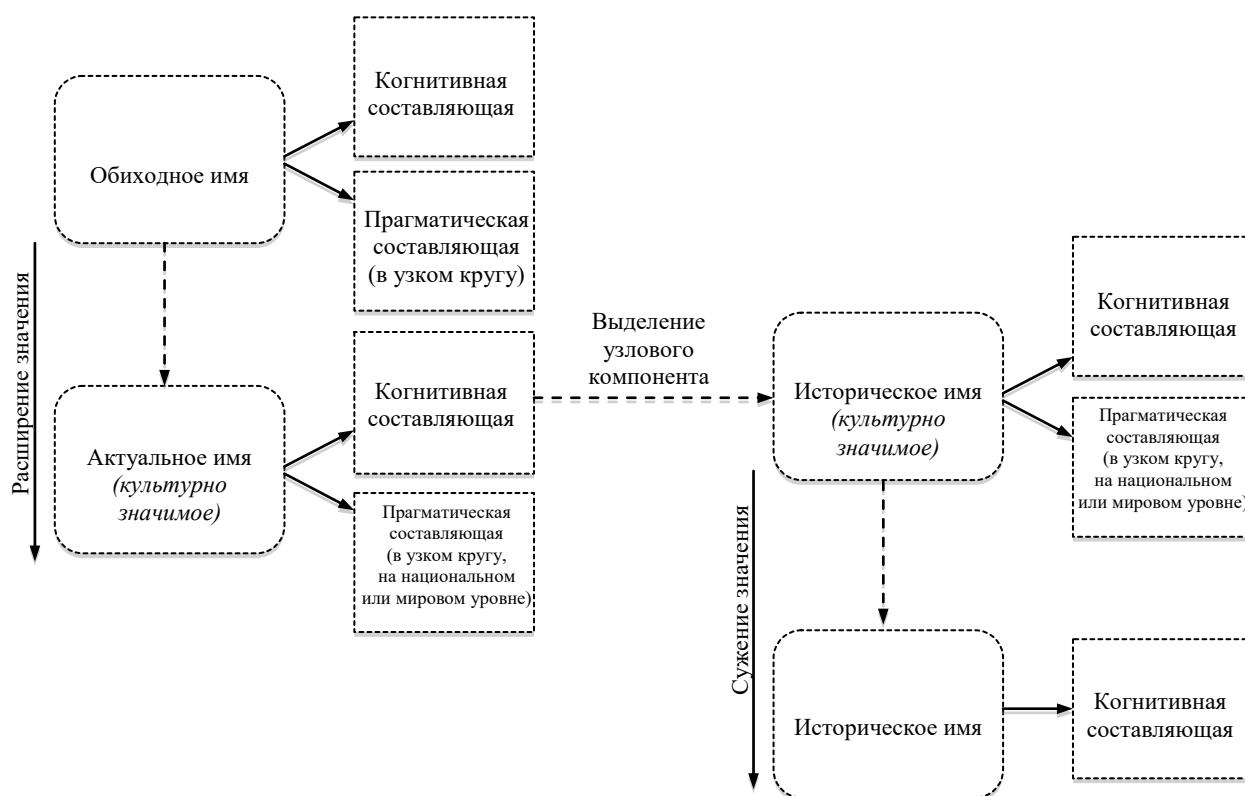

Рис. 3.2. Динамика сигнификативного компонента исторического имени

О наличии прагматической составляющей в сигнификативном компоненте французского исторического имени, память о носителе которого еще жива в сознании лингвокультурного сообщества, и ее постепенной утрате свидетельствует следующий факт. Понадобились многие десятилетия, чтобы из дефиниции имени *Marat* (Марат), данной в словаре *Le petit Larousse*

1905 года издания, исчезли субъективные дескрипции «известный демагог, инициатор массовой резни и жестоких мер». В современном словаре Le petit Larousse он «французский врач, писатель, политический деятель, сторонник крайних мер».

В отличие от французского энциклопедического словаря в дефинициях издания «Беларуская энцыклапедыя» субъективная оценка не исключена: *трагічная смерць Кейстута азначала крах імкненняў жамойцкай знаці заняць вядучае месца ў ВЛК* [Беларуская энцыклапедыя, т. 8, с. 221] или *Меншыкаў А. Д. пры Кацярыне фактычна кіраваў дзяржавай* [Там же, с. 193]. Наличие прагматической составляющей не только дает дополнительную информацию о контексте жизни исторической личности, но и указывает на национальные различия при восприятии значения исторического имени: сужение значения в двух лингвокультурных сообществах фиксируется на разных уровнях. Для французов прагматическая составляющая оказывается нерелевантной, и на первый план выходят объективные сведения о носителе имени. В значении исторических имен, интерпретируемом белорусским энциклопедическим словарем, прагматическая составляющая ослабевает, но продолжает оставаться составной частью сигнификативного компонента.

Денотативный компонент **литературных имен** – *персонаж* – является стабильным и неизменным. Сигнификативный компонент формируется скрытым ассоциативным фоном и определяется связью имени с прецедентным текстом, широко известным каждому представителю нации, обращение к которому возобновляется неоднократно в ситуации общения. Социальный статус носителя имени в тексте теряет свое доминирующее положение и не отмечается в словарной дефиниции: *Rastignac – personnage créé par Balzac dans le Père Goriot. Type de l'arriviste élégant, il reparait dans la plupart des romans de la Comédie humaine qui ont pour cadre la société parisienne* 'Растиньяк – персонаж, созданный Бальзаком в произведении «Отец Горио». Элегантный карьерист, который появляется в большинстве романов о парижском обществе из цикла сочинений «Человеческая комедия»' [Le petit Larousse, p. 1640].

Кроме рассмотрения общих сведений о персонаже, следует обратить внимание на признаковый компонент, несущий ярко выраженную смысловую нагрузку – *элегантный карьерист (l'arriviste élégant)*, которая сохраняется в коллективной памяти. Тем самым специфика денотативно-сигнификативной структуры литературных имен, представленной во французском энциклопедическом словаре, проявляется в утрате доминирующего положения когнитивной составляющей, значимой для уточнения прецедентного источника (текста) или некоторого события из жизни персонажа. Прагматическая же составляющая, напротив, становится определяющей частью сигнификативного компонента в силу стабильности, однозначности и устойчивости авторского образа.

В белорусском энциклопедическом словаре анализируемые французские литературные имена не представлены. Нет в нем и имен известных белорусских персонажей. В словаре языка Янки Купалы имеются дефиниции

имен из произведений этого автора. Однако указана только общая информация: *Быкоўскі, Адольф – персанаж камедыі «Паўлінка»* [Слоўнік мовы Янкі Купалы, т. 6, с. 37], *Паўлінка – персанаж п’есы «Паўлінка»* [Там же, с. 167]. То есть, несмотря на известность литературных персонажей Янки Купалы, в памяти носителей белорусского языка их имена не связаны с однозначно воспринимаемыми образами, которые бы предопределили их значение и позволили бы его фиксацию в энциклопедическом словаре.

Значение **мифологических имен** так же, как и литературных, устанавливается через связь с прецедентным текстом – мифом.

Денотативной компонент *мифический персонаж* этого класса имен реализуется в четырех проявлениях: 1) *существо, почитаемое человеком* (*Aphrodite* ‘Афродита’, *Zeus* ‘Зевс’ и др.); 2) *существо, превосходящее человека* (*Atlas* ‘Атлас’, *Circé* ‘Цирцея’ и др.); 3) *существо, подобное человеку* (*Achille* ‘Ахилл’, *Sisyphé* ‘Сизиф’ и др.); 4) *существо фантастическое, необычное для человека* (*Argus* ‘Аргус’, *Minotaure* ‘Минотавр’ и др.).

Выявлено, что сигнификативный компонент мифологических имен совмещает когнитивную и прагматическую составляющие, представленные как во французском, так и белорусском энциклопедических словарях. Прагматическая составляющая передает устойчивое восприятие человеком существа почитаемого, превосходящего, подобного или необычного: *Minotaure – monstre* ‘Минотавр – чудовище’ [Le petit Larousse, p. 1539]; *Мінатаўр – пачвара-людзеад* [Беларуская энцыклапедыя, т. 10, с. 379]. Когнитивная – формируется дескрипциями сведений, раскрывающих такое восприятие: *почему* почитаемый, *почему* превосходящий, *почему* подобный или *почему* необычный (*Minotaure a un corps d’homme et une tête de taureau* ‘У Минотавра тело человека, а голова быка’ и *Мінатаўр мае галаву быка і цела чалавека*).

Дело обстоит иначе с **библейскими именами**. Существует мнение, что библейские повествования складываются на стыке подлинного мифа и исторического предания. Именно поэтому имена библейских персонажей включаются в мифологические словари. Однако, если мифология – это система фантастических представлений о мире, что указывает на более тесную связь мифологических имен с вымышленным миром литературных, то существование библейских персонажей не опровергнуто: это то, во что верили и продолжают верить в силу своего культурного развития люди. То есть библейские имена занимают промежуточное положение между историческими, с одной стороны, литературными и мифологическими – с другой, формируя свою культурную значимость в библейском тексте.

Анализ дефиниций библейских имен позволил выявить три варианта денотативного компонента *библейский персонаж*: 1) *человек реальный* (*Abraham* ‘Авраам’, *saint Luc* ‘Св. Лука’ и др.); 2) *духовное существо* (*Gabriel* ‘Архангел Гавриил’, *Michel* ‘Архангел Михаил’); 3) *верховное существо* (*Jésus-Christ* ‘Иисус Христос’).

Когнитивная составляющая сигнификативного компонента имен с денотативным компонентом *человек реальный* представляет собой дескрипции:

- сведений о происхождении, семейном положении и социальном статусе библейского персонажа: *Abel – deuxième fils d'Adam et Ève, berger nomade* 'Авель – второй сын Адама и Евы, кочевой пастух' [Le petit Larousse, p. 1106]; *Авель – поводле біблейская міфалогіі, сын Адама і Евы, пастух авечак* [Беларуская энцыклапедыя, т. 1, с. 60];

- сведений о проявлениях, результате деятельности и поступках библейского персонажа: *Judas Iscariote – apôtre de Jésus. Il le livra à ses ennemis pour trente deniers et, pris de remords, se pendit* 'Иуда Искарот – апостол, который передал Христа врагам за тридцать сребреников и, замученный угрызениями совести, повесился' [Le petit Larousse, p. 1106]; *Іўда Іскарыёт – адзін з 12 вучняў Ісуса Хрыста, які прадаў свайго настаўніка за 30 сярэбранікаў* [Беларуская энцыклапедыя, т. 7, с. 365].

Когнитивная составляющая имен с денотативным компонентом 'духовное существо' основана на дескрипциях, дающих информацию о последующем развитии событий всего библейского текста: *Gabriel – ange messenger de Dieu, qui explique à Daniel le sens de ses visions, annonce à Zacharie la naissance de Jean-Baptiste et à Marie la naissance de Jésus* 'Архангел Гавриил – посланник Бога, который объясняет Даниилу смысл его видений, приносит весть Захарии о рождении Иоанна Крестителя, Марии – о рождении Иисуса' [Le petit Larousse, p. 1355]; *Гаўрыіл – адзін з вышэйшых анёлаў, які наведміў дзеве Марыі, што ў яе народзіцца сын божы Ісус Хрыстос* [Беларуская энцыклапедыя, т. 5, с. 47].

Когнитивная составляющая имени *Jésus-Christ* с денотативным компонентом 'верховное существо' содержит дескрипции сведений о его носителе как основателе христианства и Мессии от Бога: *Jésus-Christ – fondateur du christianisme, Messie consacré par l'onction de Dieu* 'Иисус Христос – основатель христианства, Мессия, помазанник Божий' [Le petit Larousse, p. 1441]; *Хрыстос, Ісус – месія, намазанік, заснавальнік Хрысціянства* [Беларуская энцыклапедыя, т. 17, с. 68].

Прагматическая составляющая в сигнификативном компоненте библейских имен, дефиниции которых даны во французском энциклопедическом словаре, отсутствует. В белорусской же энциклопедии субъективные сведения имеют место: *Авель – бязвінная ахвяра жорсткасці, правобраз усіх праведнікаў, якія церпяць ганенні* [Там же, т. 1, с. 60] или *Хрыстос, Ісус – дабраахвотна прыняў пакуты і смерць на крыжы дзеля збаўлення ад першароднага граху... Тварыў цуды... Большасць сучасных вучоных прызнаюць гістарычнасць Хрыстоса* [Там же, т. 17, с. 68].

3.2. Лексикализация культурно значимых имен собственных (на материале французского и белорусского языков)

Выделение в сигнификативном компоненте культурно значимых имен собственных двух составляющих (когнитивной и прагматической) позволяет по-новому описать **механизмы развития вторичного значения** исследуемых имен во французском и белорусском языках.

Имена нарицательные как результат лексикализации **исторических имен** представляют особый слой в лексике французского языка.

Нарицательное *неодушевленное* имя *napoléon* ‘наполеондор’, образованное от *исторического* имени *Napoléon (Bonaparte)* ‘Наполеон (Бонапарт)’, обозначает *pièce d’or de 20 francs, à l’effigie de Napoléon I ou de Napoléon III* ‘золотая монета Франции стоимостью 20 франков с изображением Наполеона I или Наполеона III’ [Dictionnaire Hachette encyclopédique, p. 1097]. Связь значения производной лексемы с семантикой исходного имени собственного находит свое подтверждение в дефиниции как ссыла на знаменитую личность.

Со временем любая золотая монета в 20 франков, даже не несущая изображения императора, стала называться *napoléon*. В частности, известны наполеондоры Людовика XVIII (*Louis XVIII*), Шарля X (*Charles X*), Луи-Филиппа (*Louis-Philippe*). То есть что связь производной лексемы с референтом имени собственного сохраняется лишь этимологически в понимании того факта, что монета впервые была введена в быт французского общества в эпоху правления Наполеона I. См. также: *louis* ‘луидор’.

Связь с именами собственными, от которых были образованы такие нарицательные имена, как *bélinographe* ‘белинограф (фототелеграфный аппарат)’, *bottin* ‘каталог Боттена’, *braille* ‘рельефно-точечная система письма’, *daguerreotype* ‘дагерротип’, *guillotine* ‘гильотина’, *micheline* ‘автопоезд (мишлин)’, *montgolfière* ‘монгольфьер (воздушный шар)’, *nicotine* ‘никотин’, *pasteurisation* ‘пастеризация’ и *silhouette* ‘силуэт’, отмечается в энциклопедическом словаре дважды: через перенос дескрипции из дефиниции имени самой личности в значение производной.

Ср.: *Bottin (Sébastien) (1764–1853)¹ – administrateur et staticien français. Il a donné son nom à un annuaire du commerce et de l’industrie* ‘Боттен – французский управляющий и инженер-строитель. Он дал свое имя каталогу торговли и промышленности’;

bottin – (de Sébastien Bottin, qui publia le premier annuaire en France). 1. Annuaire téléphonique. 2. Bottin mondain: répertoire des gens du monde, de l’aristocratie ‘каталог Боттена – 1. Телефонный справочник. 2. Светский каталог: справочник об известных людях, аристократии’.

Такие имена собственные, как *Béchamel* ‘Бешамель’, *Bégon* ‘Бегон’, *Godillot* ‘Годийо’, *Poubelle* ‘Пубель’ и *Plessis-Praslin* ‘Плесси-Праслен’, отсутствуют в энциклопедическом словаре Le Petit Larousse. Однако их этимологическая связь с производными отмечена в начале каждой словарной дефиниции нарицательных имен:

béchamel – (du nom de son inventeur). Sauce blanche composée à partir d’un roux blanc additionné au lait ‘бешамель – (от имени его создателя). Белый соус на основе смеси муки с жиром и молока’;

bégonia – (de Bégon, intendant général de Saint-Domingue). Plante originaire de l’Amérique et de l’Asie méridionales, cultivée pour son feuillage

¹ Здесь и далее дефиниции на французском языке, используемые в качестве примеров, взяты из энциклопедического словаря Le petit Larousse.

décoratif et ses fleurs vivement colorées ‘бегония – (от имени генерала-интенданта Санто-Доминго Бегон). Оригинальное растение Южной Америки и Азии, выращиваемое из-за его декоративных листьев и ярких цветов’;

godillot – (du nom d’un fournisseur de l’armée). 1. *Ancienne chaussure militaire à tige courte*. 2. *Fam. Grosse chaussure de marche*. 3. *Fam. Parlementaire inconditionnel d’un homme ou d’une parti politique* ‘годийо (берцы) – (от имени армейского поставщика). 1. Старинная военная обувь с низким голенищем. 2. Разг. Обувь для ходьбы. 3. Разг. Верный сторонник кого-либо или политической партии’;

poubelle – (du nom du préfet de la Seine qui en imposa l’usage) 1. *Récipient destiné à recevoir les ordures ménagères*. 2. *Lieu où s’entassent des choses regetées; dépotoir* ‘пубель (урна, мусорный ящик) – (от имени префекта Сены, который ввел ее в использование). 1. Контейнер для хозяйственных отходов. 2. Место скопления ненужных вещей, свалка’;

praline – (du comte du Plessis-Praslin, dont le cuisinier inventa cette confiserie). 1. *Amande ou noisette grillée enrobée de sucre cuit et glacé*. 2. *Belgique. Bouchée au chocolat fourrée de praliné ou d’autres garnitures* ‘пралине – (от имени графа Плесси-Праслена, повар которого изобрел это кондитерское изделие). 1. Обжаренные миндаль или фундук, покрытые сахарной глазурью. 2. В Бельгии. Сладость из шоколада, заполненная пралине или другой начинкой’.

Лексема *praline* образована от имени личности, не имеющей отношения к изделию (его «придумал» повар, работающий у графа), что обосновано актуальностью имени графа в обществе (но не его повара).

Тот факт, что основой для анализируемых нарицательных лексем послужили фамилии объясняется их очевидной знаковой природой: патроним более информативен, чем имя (имена *Louis* ‘Луи’, *Michel* ‘Мишель’, *Eugène René* ‘Эжен Рене’ и др. может иметь множество людей). Тем не менее для современного общества известность как «информативность» этих имен сведена к минимуму знания о некогда знаменитых их носителях или его полному отсутствию.

Как видим, для этих имен значимость исторической личности уступает значимости результата ее изобретения, о чем свидетельствует отсутствие темпорального и событийного признаков в их сигнификативном компоненте. Образованные от них *неодушевленные* существительные полностью абстрагируются от семантики исходных имен собственных. Связь их признака и денотата становится прочной и однозначной.

Имя (*Jules*) *César* ‘(Юлий) Цезарь’ дало основу двойного образования *одушевленным именам лица*: *césar* – 1. *Titre affecté aux successeurs de Jules César*. 2. *Empereur, souverain autocrate* ‘кесарь – 1. Титул, даваемый последователям Юлия Цезаря. 2. Император, самодержец’. Как видим, второе значение отличается более высокой степенью обобщенности: референция имени выходит за пределы последователей Юлия Цезаря. Подтверждающим

фактом становятся предлагаемые синонимы *empereur, souverain autocrate* и перевод: в русском языке наряду с ‘цезарь’ и ‘цезаризм’ имеет место перевод ‘государь’ и ‘диктатура’ соответственно.

Таким образом, переход французских исторических имен в имена нарицательные приводит к образованию преимущественно неодушевленных лексем (*guillotine, montgolfière, silhouette* и т.д.). Узкая область употребления терминологических производных (*barème*) или, наоборот, активное использование в языке производных, обозначающих хорошо известные для социума предметы (*poubelle, béchamel*), способствуют утрате связи таких лексем с исходным историческим именем и исключению его дефиниции из энциклопедических словарей.

Белорусский язык новые нарицательные имена от исторических имен не производит. Этот язык заимствует из французского уже готовые лексикализованные единицы:

гільяціна – пралада для пакарання смерцю шляхам адсякання галавы асуджанага [ТСБЛМ 2005, с. 150];

сілуэт – аднаколернае плоскае адлюстраванне прадмета на фоне ініага колеру [Там же, с. 597].

При этом данные лексемы настолько прочно входят в белорусский язык, что указание на заимствование в толковом словаре не отмечается.

В основе перехода **литературного имени** *Don Juan* ‘Дон Жуан’ в нарицательное имя *Don Juan – séducteur libertin* ‘Дон Жуан – распутник’ лежит прагматическая составляющая. Лексикализация стала возможной благодаря *узловому образу* персонажа: *Don Juan – séducteur impie et cruel* ‘Дон Жуан – нечестивец и жестокий соблазнитель’.

От патронима центрального персонажа романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» (G. Flaubert «Madame Bovary») образованы лексемы *bovary – prototype de la femme romanesque et sentimentale* ‘бовари – прототип романтической и сентиментальной женщины’ и *bovarysme – comportement qui consiste à fuir l’insatisfaction éprouvée dans la vie* ‘боваризм – поведение, при котором человек пытается убежать от неудовлетворенности, испытываемой в жизни’. Значения этих двух имен определяются прагматической составляющей исходного имени собственного – авторским образом мечтательницы с нереализованными желаниями.

Созданный Ж.-Б. Мольером (J.-B. Molière) индивидуальный образ Тартюфа специфичен для особого типа людей, имеющих место в любом обществе и времени. То есть уже изначально задуманный образ персонажа предполагает способность к обобщению, что и дает рождение имени нарицательному *tartufe – 1. Faux dévot. 2. Personne fourbe, hypocrite* ‘тартюф – 1. Лживый набожник. 2. Лживый, лицемерный человек’.

Зафиксированный в дефиниции словаря образ персонажа романа В. Гюго «Отверженные» (V. Hugo «Les Misérables») по имени *Gavroche* ‘Гаврош’ – *gamin de Paris, railleur* ‘парижский мальчишка, насмешник’ –

становится основой образования *одушевленного имени лица*: *gavroche* – *gamin de Paris, malicieux et effronté* ‘гаврош – уличный мальчишка, озорной и дерзкий’.

Белорусская литература богата интересными именами (*Быкоўскі, Мудрамер, Паўлінка, Сарока* и др.), за которыми скрываются самобытные персонажи. Однако их лексикализация в языке не отмечается, что связано с отсутствием однозначно воспринимаемого и известного каждому представителю лингвокультурного сообщества образа. Как и в случае с историческими именами, белорусский язык заимствует лексикализованные литературные имена из других языков. При этом обращает на себя внимание тот факт, что написание заимствованного имени может изменяться в силу специфики белорусского языка:

Донкіхот – фантазёр, які змагаецца за адцягнутыя ідэалы дабра [ад імя героя рамана іспанскага пісьменніка Сервантаса] [ТСБЛМ, 2005, с. 182];

Донжуан – шукальнік любоўных прыгод, спасуснік жаночы [на імя літаратурнага героя] [Там же, с. 181].

Переход французских имен *gavroche* и *bovary* в нарицательные в словаре белорусского языка не отмечен.

Таким образом, *одушевленные имена лица* (*don juan, bovary, Донкіхот, Донжуан*) являются результатом лексикализации литературных имен, сопровождаемой смещением денотативного компонента (*персонаж* ⇒ *человек*) и переносом прагматической составляющей исходного имени персонажа в значение производной лексемы.

В **мифологии** известна печальная судьба прекрасного юноши – носителя имени *Narcisse* ‘Нарцисс’, который, влюбившись в свое отражение, не смог вынести печали и покончил с собой. Лексикализуясь, это имя реализует два значения: 1. *Herbe vivace et bulbeuse, aux feuilles allongées, aux fleurs printanières blanches <...> ou jaunes*. 2. *Homme amoureux de sa propre image* ‘1. Многолетнее растение с удлинёнными листьями и белыми или желтыми цветками’. 2. Человек, влюбленный в свое отражение’.

Эталон мужской красоты обозначают имена нарицательные *adonis* – *jeune homme d’une beauté remarquable* ‘адонис – молодой человек необычайной красоты’ и *apollon* – *homme d’une grande beauté* ‘аполлон – очень красивый мужчина’. Имя *apollon* используется и в другом значении, называя бабочку.

Как видим, во французском языке мифологические имена способны получать два значения, одно из которых развивается как переносное, метафорическое обозначение лица на основе узлового образа или прагматической составляющей исходного имени собственного, второе – как обозначение нелица, неодушевленного объекта или явления на основе дескрипции когнитивной составляющей. Ср. также: *furie* ‘фурия’ (*женищина в ярости и гнев*), *harpie* ‘гарпия’ (*сварливая женищина и орел тропических лесов*), *titan* ‘титан’ (*очень сильный человек и одной из самых крупных насекомых в мире*), *volcan* ‘вулкан’ (*вспыльчивый человек и земной рельеф*).

Дескрипции когнитивной составляющей формируют также значения неодушевленных имен *céréale* ‘зерновые’, *dédale* ‘лабиринт’, *flore* ‘флора’, *méduse* ‘медуза’, *morphine* ‘морфин’, *orphéon* ‘орфейон’, *pluton* ‘плутонические породы’; узловые образы прагматической – имен *cassandre* ‘кассандра’, *centaure* ‘кентавр’, *mentor* ‘ментор’.

Мифологические имена создают термины и отдельно оформленные единицы: лексема *complexe d'Edipe* ‘эдипов комплекс’ получила статус медицинского термина, который используется для диагностики болезненного состояния человека, влюбленного в свою мать. См. также термины: *éros* ‘эрос’, *hermaphrodite* ‘гермафродит’, *hermès* ‘(бюст) гермеса’, *neptunisme* ‘нептунизм’.

Белорусский словарь в дефиниции имени нарицательного *нарцыс* дает только одно значение, образованное на основе когнитивной составляющей, – *шматгадовая цыбульная расліна з белымі або жоўтымі кветкамі* [ТСБЛМ, 2005, с. 374]. Одно значение, но на основе прагматической составляющей, отмечается и в дефиниции имени *фурия* – *злая сварлівая жанчына [ад імя багіні помсты ў старажытнагрэчаскай міфалогіі]* [Там же, с. 715].

Тем не менее стоит отметить, что наличие двух составляющих (когнитивной и прагматической) в сигнификативном компоненте значения мифологических имен эксплицирует их активность в процессе лексикализации в обоих анализируемых языках, в результате которого образованы три лексико-грамматических разряда нарицательных: 1) *одушевленные имена лица* при смещении денотативного компонента *персонаж* $\Rightarrow$ *человек* и обобщении признаков образа персонажа как свойственных неопределенному количеству референтов: *narcisse*, *фурия*, *ментар* и др.; 2) *одушевленные имена нелица* при замене денотативного компонента *персонаж* $\Rightarrow$ *птица/бабочка/насекомое* и др. на основе объективных и субъективных знаний внешнего вида персонажа: *argus*, *apollon* и др.; 3) *неодушевленные имена* при замене денотативного компонента *персонаж* $\Rightarrow$ *предмет/объект* и обобщении когнитивной составляющей исходного имени собственного: *atlas*, *морфій* и др. При этом одно и то же имя в процессе лексикализации способно к образованию от него лексем двух разрядов.

Основу значения имен нарицательных *le benjamin* и *le moïse*, образованных от **библейских имен**, во французском языке формируют дескрипции объективных сведений о происхождении Вениамина (он был самым младшим в семье) и о спасении младенца Моисея от воинов фараона в плетеной корзине, отправленной по реке: *benjamin (de Benjamin, n. pr.) – le plus jeune enfant d'une famille, la plus jeune personne d'un groupe* ‘вениамин (от имени Вениамин) – самый младший ребенок в семье, самый молодой человек в группе’; *moïse (de Moïse, n. pr.) – berceau portatif en osier* ‘моисей (от имени Моисей) – переносная плетеная колыбель’.

В белорусском языке факт лексикализации этих имен не установлен. Объективное знание о Вениамине как о самом младшем ребенке в семье

не является значимым для представителей белорусской нации, а для обозначения плетеной переносной колыбели используется выражение *кошык Майсея*, в котором имя собственное сохраняется.

В белорусском языке отсутствуют и неодушевленные лексемы, образованные от имен *Мафусаил* и *Навуходаносар*. В словарях французского языка нарицательные имена *le mathusalem* и *le nabuchodonosor* эксплицированы: признаки обеих единиц включают указание на количественность (*gros* ‘большой’), но ее объем для каждой из лексем разный: *mathusalem* (*de Mathusalem, n. pr.*) – *grosse bouteille de champagne d’une contenance de huit bouteilles champenoises ordinaires* ‘мафусаил (от имени *Мафусаил*) – большая бутылка шампанского, содержащая по объему восемь традиционных бутылок этого напитка’; *nabuchodonosor* (*de Nabuchodonosor, n. pr.*) – *grosse bouteille de champagne d’une contenance de vingt bouteilles champenoises ordinaires* ‘навуходаносор (от имени *Навуходаносор*) – большая бутылка шампанского, содержащая по объему двадцать традиционных бутылок этого напитка’.

Образование лексемы *le mathusalem* эксплицируется через объективное знание продолжительности жизни библейского патриарха – 969 лет. Связь же нарицательного имени *le nabuchodonosor* с исходным именем собственным *Nabuchodonosor* остается неясной: можно высказать предположение, что в основе лексикализации лежат объективные сведения об экономическом и военном могуществе Вавилона во времена правления Навуходаносора II (*il embellit Babylone*).

Появление во французском языке одушевленного имени лица: *nicodème* (*de Nicodème, n. pr.*) – *homme simple, borné, niais* ‘никодим (от имени *Никодим*) – простой, ограниченный и глупый человек’ – имеет в своей основе сведение о принадлежности Св. Никодима к религиозно-общественному течению фарисеев. Их учение отличалось демонстративным и лицемерным проявлением добродетели и благочестия (*manifestation ostentatoire et hypocrite de vertu ou de piété*). При этом французская лексема *le pharisien* и аналогичная ей белорусская *фарысей* стали употребляться по отношению к человеку, добродетель и благочестие которого только внешние (*personne dont la piété, la vertu sont purement extérieures*). По сути, нарицательное имя *le nicodème* переносит на неопределенное количество референтов обобщенные, а не сугубо индивидуальные качества носителя исходного имени *Nicodème* как сторонника движения фарисеев. Употребление имени *Нікадзім* для обозначения простого и глупого человека для белорусской культуры не свойственно.

Имя нарицательное *le judas* во французском языке получило двойное означивание: *judas* (*de Judas, n. pr.*) – 1. *Traître*. 2. *Petite ouverture ou système optique aménagés dans une porte, pour voir ce qui se passe de l’autre côté sans être vu* ‘иуда (от имени *Иуда*) – 1. Предатель. 2. Небольшое отверстие или оптическое приспособление в двери, предназначенное для того, чтобы наблюдать за происходящим по ту сторону, оставаясь при этом незамеченным’.

Одушевленное (в значении *le traître*) и неодушевленное (в значении *la petite ouverture ou système optique qui permet de voir sans être vu en « trahissant » ainsi la confiance* ‘«предавая» тем самым доверие’) имена образовались через переосмысление одного и того же поступка Иуды, предавшего Иисуса. В белорусском языке имя *Юда* в процессе лексикализации получает только одно значение и используется по отношению к человеку-предателю [Беларуская энцыклапедыя, т. 7, с. 365].

Производная лексема от библейского имени *Caïn* отсутствует во французском языке. В белорусском же языке лексикализованное имя переносится на человека-преступника, что связано с переосмыслением сведения об убийстве Каином своего брата Авеля: *kaïn* – *злачынец*.

Библейское имя *Adam* участвует в образовании раздельно оформленной лексемы – *la pomme d’Adam* ‘адамово яблоко’ – верхняя часть щитовидного хряща, выступающая на передней поверхности шеи мужчины.

Семантику раздельно оформленной лексемы *la pomme d’Adam* эксплицирует следующий факт из библейского текста: *le nom vient de fruit défendu, que selon la Bible, Ève fait consommer à Adam, fruit (en français le mot «pomme») qui lui serait « resté en travers de la gorge »* ‘имя происходит от названия запретного плода (во французском языке – яблоко). Согласно Библии, Ева дает плод Адаму, и он застревает в его горле’. Форма застрявшего яблока, создает видимость «выступа». В белорусском языке отмечается использование аналогичной раздельно оформленной лексемы *адамаў яблык*, что может быть эксплицировано одинаковой значимостью события, описанного в Библии, для белорусской и французской культур.

Таким образом, результатом лексикализации библейских имен во французском языке являются два лексико-грамматических разряда нарицательных, образованных на основе *обобщения* или *переосмысления* когнитивной составляющей исходного имени: *неодушевленные имена* и *одушевленные имена лица*. При этом очевидна тенденция французского языка к образованию неодушевленных имен. Для белорусского языка, напротив, характерно использование одушевленных имен лица при переосмыслении когнитивной составляющей. Неодушевленные имена, образованные при обобщении когнитивной составляющей библейского имени, в белорусском языке отсутствуют.

3.3. Случайная и патронимическая торговые марки в белорусском и французском языках

При анализе культурно значимых имен собственных и процесса их лексикализации нельзя обойти вниманием **торговые марки**. Статус этих лингвистических знаков в языке четко не обозначен: одни исследователи определяют их в класс имен собственных, другие относят к нарицательным. Существует и альтернативная точка зрения, сторонники которой выделяют торговым маркам промежуточное положение [Введенская, с. 12].

Структура значения торговой марки традиционно может быть представлена двумя компонентами – *денотативным* и *сигнификативным*.

Денотативное значение – *продукт труда, изготовленный для обмена, продажи*, – неоднородно. Продукт труда может быть результатом деятельности человека в области автомобильной промышленности, легкой промышленности и т.п. То есть с этих позиций наблюдается определенное сходство в структуре значения торговой марки и имени нарицательного, денотативный компонент которого является доминирующим: «*стол* – это и тот, и этот, и в нашем городе, и в другом – предмет, относящийся к разряду мебели» [Суперанская, с. 59].

Основное же назначение торговой марки заключается в *идентификации* производителя в качестве владельца изготавливаемого им продукта и информатора о его наличии [Mollerup], что возможно только при условии установления специфических признаков товара. Значит, в функциональном плане, первостепенная роль отводится, как и в именах собственных, сигнификативному компоненту.

В современном мире названия торговых марок многообразны. Они представлены именем реального/вымышленного человека в патронимической системе или оказываются «результатом случая» вне всякой системы. В отличие от последней, патронимическая торговая марка кроме функции идентификации товара приобретает еще две – *отличить* (установить коммуникацию с потребителем на основе уникальности своего имени) и *гарантировать* (отвечать за качество своей продукции своим именем) [Logié].

Сигнификативный компонент **случайной торговой марки**, как и сигнификат имени собственного, зафиксирован не в толковом, а в энциклопедическом словаре, что обусловлено его лингвистической природой – необходимостью не обобщить, а реализовать референцию к конкретному товару или производителю – индивидуализировать: *Vittel – premier producteur français d'eaux minérales plates. Vittel est une marque du groupe Nestlé* 'Виттель – первый французский производитель негазированной минеральной воды. Торговая марки группы «Нестле»'. В дефиниции представлена совокупность дескрипций объективных знаний о торговой марке, или когнитивная составляющая ее сигнификативного компонента.

Уже на этапе создания торговой марки сигнификативный компонент ее значения потенциально может включать субъективные восприятия, знания или отношения говорящего/слушающего к предлагаемому товару, или прагматическую составляющую.

Так, например, указывая на целевое назначение и преимущества товара при его использовании, торговые марки *Vittel* (= *vie* 'жизнь'), *Fortifiance* (= *fort* 'сильный'), *Vigocéane* (= *océan* 'океан'), *Aquavital* (= *aqua* 'вода', *vie* 'жизнь') призваны создать у потребителя образы, связанные со здоровым телом, хорошей физической формой, крепким организмом без лишнего жира и токсинов. Такие названия, как *Orangina* (= *orange* 'оранжевый') и *Banania* (= *banane* у *a* 'содержит банан'), напоминают характеристики товара – цвет,

форму, содержимое. Связь с известными объектами и предметами окружающего мира помогает позиционировать торговую марку в результате быстрого запоминания (*Apple*).

Белорусские производители при выборе торговой марки делают акцент не на качество товара, а на местонахождение компании-производителя: «*Белкельме*» (= *Беларусь* и название испанской компании-соучредителя «*Kelme*»), «*Белита*» (= *Беларусь* и *Италия*). Имя «*Санта-Бремор*» (= *Брест* и *море*) передает не только географическое положение, но и информацию о специализации компании (товары, связанные с морем). В названии *Керамин* также прослеживается связь с продаваемым товаром (*кера* = керамика).

В основе торговой марки «*Савушкин*» лежит старославянское имя *Савушка*, символизирующее человека-хозяина, труженика, доброго хранителя традиций (в данной случае, традиций производства молочных продуктов). А появление на рынке белорусского производителя *Conte* имеет отношение к французскому языку, в переводе с которого *conte* обозначает сказку. Как видим, в самом имени уже заложена субъективная информация и отношение.

Таким образом, структура значения случайной торговой марки включает варьируемый денотативный компонент и подвижный сигнификативный. Появление прагматической составляющей эксплицируется желанием производителя указать с помощью имени на качество, характеристики или местоположение предлагаемого товара.

При выборе случайной торговой марки необходимо иметь в виду возможное появление в будущем отрицательных образов, связанных с ней, при продвижении товара на международный рынок, которые следует исключать. Так, модель автомобиля *Pajero*, выпускаемая компанией *Mitsubishi*, названа в честь панпасской кошки (*Leopardus pajeros*), которая обитает в южной Аргентине. Но слово *pajero* в испанском языке имеет отрицательно окрашенное значение, что послужило причиной замены названия этого автомобиля в Испании, Индии и некоторых странах Латинской Америки на *Montero*, означающее воин-горец. В Великобритании стали использовать сочетание *Mitsubishi Shogun* (*сёгун* – титул правителей Японии в 1192–1867, при котором императорская династия была лишена реальной власти). Выходя за пределы денотативно-сигнификативной структуры значения торговой марки, такие образы формируют лингвокультурный компонент.

Отрицательно влияет на распространение товара и ярко выраженные национальные названия. Учитывая данный факт, японская марка *Matsushita*, адаптированная к потребностям азиатского рынка, на мировом рынке выходит под именем *Panasonic* для обозначения большого спектра товаров в разных странах, а исключительно для американского рынка эта же марка получает наименование *Technics*. В данном случае все изменения имени отвечают цели маркетологов найти марку «*passe-partout*» и стать лидером не только на национальном уровне, но и на мировом. Как видим, учет специфики лингвокультурного компонента является одним из условий успешного продвижения товара на мировом рынке.

С точки зрения своего появления в языке **патронимическая торговая марка** является результатом поэтапной лексикализации актуального имени собственного (имени, носитель которого выполняет социально значимую роль в жизни современного общества): фамилия известной на данном историческом этапе личности $\Rightarrow$ название компании-производителя $\Rightarrow$ отличительный знак продукции: *Peugeot* (семья) $\Rightarrow$ «*Peugeot*» (торговая марка) $\Rightarrow$ «*Peugeot 202*» (имя конкретной модели). Патроним может становиться и объектом игры со стороны своего носителя. В этом случае образование торговой марки происходит по следующим правилам:

1) на стыке имени и фамилии: *Adi* (уменьшительное от *Adolph*) *Dassier* способом «сложения» создал мировую марку *Adidas*; торговая марка «*Витэкс*» «собрана» из букв фамилии, имени и отчества учредителя компании Терещенко Виктора Алексеевича;

2) фамилия производителя/изобретателя «обрезается»: торговые марки *Bic* и *Lip* образованы от патронимов их создателей *Bich* и *Lipmann*, а в имени *Марко* использованы начальные буквы фамилии владельца Мартынова Николая Васильевича;

3) используются оба вышеуказанных способа: всемирно известная сеть магазинов *Wal-Mart* получила свою торговую марку от фамилии ее создателя *Sam Walton*, к которому он присоединил род своей деятельности – *le marché* ‘рынок’.

На основе игры лексических и математических элементов (созвучие фамилии учредителя (*Центер*) и названия метрической единицы измерения массы, равной 100 килограммам (*центнер*), образовано название группы компаний *A-100*.

Согласно статистическим данным патронимическую торговую марку имеют двадцать восемь из ста первых наиболее прибыльных промышленных предприятий или двадцать шесть из первых тридцати французских производителей [Logié]. Популярность французской фамилии объясняется, с одной стороны, прозрачностью, а с другой, тем, что патроним непосредственно отвечает правилам выбора торговой марки: за ним стоит семья, иногда целая династия со своей историей и гарантией качества.

Патронимические торговые марки доминируют в:

- *гастрономии* для гарантии свежести и качества продуктов питания: швейцарская торговая марка *Maggi* связана с патронимом производителя бульонов *Julius Maggi*; немецкая *Knorr* – с создателем промышленного предприятия в Германии *Karl Heinrich Knorr*; британские *Twinnings* и *Lipton* – с именами импортеров чая *Richard Twinnings* и *Sir Thomas Lipton* соответственно; патроним *Henri Nestlé* дал рождение швейцарской торговой марке *Nestlé*;

- *производстве автомобилей*: лишь небольшое число автомобилей, к которым относятся итальянский *Fiat* (*Fabrica Italiano Automobile Torino*), немецкие *BMW* (*Bayerrische Flugzeug Werke*) и *Volkswagen* («la voiture du peuple» ‘народная машина’), получили «случайную» торговую марку. В основном производители дают свой патроним названию автомобиля (*Citroën*, *Ferrari*, *Ford*, *Peugeot*, *Porsche*, *Renault* и т.д.);

- *косметической продукции* (Bourjois) и *парфюмерии* (Eau de Givenchy, Eau de Guerlain), при этом чаще всего торговая марка указывает непосредственно на создателя. Для привлечения большего внимания предлагают звуковые варианты: так *Nina Ricci* помимо торговой марки *Nina* использует более выразительные названия – как *Capricci*, *Signoricci*, образованные от патронима *Ricci*;

- *мире книг и издательств*: известны французские словари *Larousse* (Pierre Larousse) и издательский дом *Hachette* (его создатель француз Louis Hachette);

- *производстве одежды и обуви*: французская *Lacoste* – от патронима чемпиона по теннису *René Lacoste*; британская *Burberry* (Thomas Burberry – производитель одежды для охоты);

- *винно-водочной продукции*: сложно найти такой вид шампанского (*Mercier*, *Pommery*, *Taittinger*) или виски (*Chivas*, *Jack Daniel's*), которые бы не носили патронима своего производителя.

Сигнификативный компонент патронимической торговой марки, как и случайной, представлен в дефиниции энциклопедического словаря когнитивной составляющей: *Peugeot – société française dont l'origine remonte à la création, en 1810, de la fonderie des frères Jean-Pierre et Jean-Frédéric* 'Пежо – французская компания, появление которой связано с созданием литейного цеха братьями Жан-Пьером и Жан-Фредериком в 1810 году'. Но, в отличие от случайной торговой марки, за патронимической стоит конкретная личность, чаще всего известная не только на национальном, но и мировом уровне. Значит *прецедентные образы*, связанные с ее именем, способны наложить свой отпечаток на формирование прагматической составляющей и лингвокультурного компонента. Так, исследования французских специализированных институтов показали, что годовой доход, полученный от продажи продуктов питания «Mozart» 'Моцарт', превышает прибыль торговой марки «Napoléon» 'Наполеон' [Bihan]. Данный факт вполне объясняется неоднозначным отношением жителей Франции к личности своего императора, о чем свидетельствуют проведенные в этом направлении экспериментальные исследования.

На белорусском рынке выбор патронима в качестве торговой марки не представляет собой столь распространенное явление: белорусские производители отдают предпочтение случайным именам.

Став маркой известного товара, патроним закрепляется именно за этим продуктом, приобретая образы, приписываемые ему покупателем в силу своей лояльности. В этой связи расширение значения патронимической торговой марки, или выпуск новой продукции с аналогичным брендом, чаще всего обречен на неудачу. Так, компания *Harley Davidson*, изначально ассоциируемая с производством мотоциклов, попыталась использовать чувства потребителей по отношению к бренду, выпустив лосьоны после бритья и парфюмерию. Образы силы, мужественности и некоторой грубости, формирующие прагматические составляющие значения *Harley Davidson*, дополнились новыми, связанными с запахом туалетной воды, и отошли на

второй план. Такое положение дел привело к маркетинговому поражению: туалетная вода *Eau de Harley Davidson* в силу уже устоявшегося индивидуализирующего значения торговой марки *Harley Davidson* изначально не могла получить должного распространения.

Особую роль в создании субъективного отношения к торговой марки (случайной и патронимической) играет реклама. Так, например, специфика словесного знака «Peugeot 202», в отличие от нарицательного имени *автомобиль*, раскрывается через потребность производителя в активном продвижении своего товара благодаря созданию положительных образов, связанных с ним. Наиболее успешно это реализуется рекламными слоганами, которые исторически являются своего рода дескрипциями устоев страны. К этому следует добавить параметр актуальности, призванный обеспечить постоянное обновление сведений в сознании потребителей о качествах товара.

В 1938 году компания «Peugeot» через рекламный слоган четко определила свою национальную целевую аудиторию: *Elue par vous, construite pour vous... la 202 est la nouvelle voiture de tous les Français* ‘Избрана вами, создана для вас... Пежо 202 – новый автомобиль всех французов’. Подобная тенденция наблюдается и в слогане компании «Renault» 1957 года: *Sur toutes les routes de France* ‘На всех дорогах Франции’.

Стремительное развитие общества во Франции в конце 50-х – начале 60-х годов XX века связано с открытием большого количества новых магазинов, супермаркетов. Потребности французов сразу же отразились в рекламных проспектах через изображение автомобиля в виде контейнера для покупок и слоган «Renault»: *La Renault 4. Elle supermarche bien* ‘«Рено 4». Хорошо делает покупки’ (слоган основан на игре слов: *supermarche bien* = ‘хорошо делает покупки’ и *super + marche + bien* = ‘хорошо передвигается’).

Кризис французской семьи конца 1960 годов отмечен рядом слоганов «Peugeot 104»: *Recherche vie familiale harmonieuse* ‘Ищу гармонию семейной жизни’, *Robuste et fidèle cherche relations durables* ‘Сильный и верный, ищу прочные отношения’ и т.п.

Реклама «Citroën» исторически всегда была направлена на субъективные визуальные ощущения. Так, начиная с 1925 года, в течение нескольких лет для привлечения покупателей к своей продукции компания использовала Эйфелеву башню, которая служила ее рекламным носителем.

При распространении марки на мировом рынке отмечается интернационализация и унификация рекламных слоганов: *Quand une voiture amortit aussi bien les chocs, c'est une Citroën* ‘Если автомобиль так хорошо смягчает удары, то это Ситроен’ (1968 г.); *Peugeot. Toujours partante* ‘Пежо. Всегда на ходу’ (1987 г.); *Peugeot. Pour que l'automobile soit toujours un plaisir* ‘Пежо. Пусть автомобиль всегда будет удовольствием’ (1995 г.); *Renault = confort* ‘Рено = комфорт’ (2002 г.). Центральный слоган «Peugeot» 2012 года передает информацию о *движении* и порождающей им *эмоции*: *Motion et émotion* ‘Движение и эмоция’; «Citroën» в 2012 году призывает просто *сменить автомобиль*: *C'est le moment de changer de voiture* ‘Наступило время

сменить машину', а слоган компании «Renault» *Drive the change* 'Управляй переменами' стал полностью интернациональным, о чем свидетельствует его оформление на английском языке на официальных сайтах компании в разных странах мира. Не исключается и особое внимание к потребностям нации-покупателя: модель «Peugeot 408» на российском рынке вышла со слоганом *Большой седан для большой страны*.

Итак, с одной стороны, патронимическая торговая марка является знаком товара, лексическое значение которого дается в лингвистических словарях, но с другой – индивидуальным знаком – именем собственным, требующим обращения к энциклопедическому словарю. К этому следует добавить параметр актуальности, призванный обеспечить постоянное обновление сведений в сознании потребителей о качествах товара, что и реализуют слоганы разных типов.

* * *

Таким образом, анализ культурно значимых имен собственных позволил установить общие тенденции развития и национальную специфику их использования во французском и белорусском языках. Подводя итог вышесказанному, следует отметить следующие положения.

1. Структура значения *исторического имени* включает два компонента: неизменный денотативный, обозначающий *лицо мужского/женского пола*, и подвижный во времени сигнификативный. Динамика сигнификативного компонента обеспечивается увеличением его объема на ступенях обиходного и актуального имен (от значения *знакомый человек* к значению *личность, известная в обществе*). При этом отмечается как подвижность когнитивной составляющей, так и потенциальное формирование прагматической.

Семантический предел (*знаменитая личность, вошедшая в историю*) ступени исторического имени свидетельствует о закрытости сигнификативного компонента, представленного в дефиниции энциклопедического словаря когнитивной составляющей. Исследование исторических имен с позиций каузальной теории С. Крипке и дескриптивной теории Дж. Серля дало возможность эксплицировать общий механизм динамики их семантики. В основе своего формирования когнитивная составляющая имеет причинную цепочку, или цепочку событий, соотносящихся с референтом, зафиксированную в дефиниции пучками дескрипций объективных сведений о носителе имени. Каждый отдельный пучок дескрипций образует социальную роль носителя имени как его постоянное или временное проявление. Самое значимое в обществе временное/постоянное проявление лица открывает словарную дефиницию и становится ключевым звеном значения исторического имени.

Сигнификативный компонент исторического имени, вошедшего во французский энциклопедический словарь, исключает онтологически сложившуюся прагматическую составляющую: подвижность значения объясняется поступательным развитием когнитивной составляющей в сторону сужения ее объема, с одной стороны, и утратой прагматической составляющей, с другой.

В дефинициях, представленных в белорусском энциклопедическом словаре, прагматическая составляющая в сигнификативном компоненте исторических имен остается релевантной.

2. В сигнификативном компоненте *литературных имен*, дефиниции которых представлены во французском энциклопедическом словаре, прагматическая составляющая является определяющей. «Белорусский энциклопедический словарь» не дает экспликацию значения этого подкласса имен.

3. Сигнификативный компонент *мифологических имен* в дефинициях французского и белорусского словарей идентичен и включает как объективные сведения о носителе имени, так и его субъективные восприятия.

4. Дефиниции *библейских имен*, как и исторических, французского энциклопедического словаря исключают прагматическую составляющую. В белорусском же энциклопедическом словаре субъективная оценка персонажа отмечается и является определяющей при последующем использовании имени в переносном значении.

5. В процессе лексикализации культурно значимые имена собственные дают образование лексемам трех лексико-грамматических разрядов: 1) *одушевленные имена лица*; 2) *одушевленные имена нелица*; 3) *неодушевленные имена*.

Лексикализация исторических имен во французском языке позволяет образовать лексемы первого и третьего разрядов (преобладает третий); литературных – лексемы первого и третьего. Процесс лексикализации имен этих двух подклассов для белорусского языка, в отличие от французского, не характерен. Белорусский язык заимствует уже лексикализированные единицы из других языков.

Мифологические имена дают рождение лексемам всех трех типов и проявляют наибольшую активность при переходе в нарицательные в обоих анализируемых языках.

Библейские имена во французском и белорусском языках дали основу образования немногочисленным нарицательным лексемам. Во французском языке отмечается преобладание неодушевленных имен (*moïse – berceau portatif*), в белорусском – одушевленных (*Каін – злачынца, Авель – ахвяра жорсткасці* и т.д.).

6. Проведенный анализ семантической структуры торговой марки во французском и белорусском языках позволил выявить специфику ее неоднородного денотативного и подвижного сигнификативного компонентов. Языковая сущность исследуемого знака раскрывается не только в графической форме (сохранение написания с заглавной буквы), но и в необходимости активного поддержания компанией-производителем субъективных положительных образов, связанных в сознании потребителя с приобретаемым им товаром.

Во французском языке наряду со случайной торговой маркой отмечается широкое использование патронимической. Производители белорусских товаров отдают предпочтение случайной торговой марке.

Глава 4. СПЕЦИФИКА ШИРОКОЗНАЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГЛАГОЛОВ

В настоящей главе рассматривается проблема соотношения понятий широкозначности и многозначности, основные критерии их разграничения. Анализируются основные признаки широкозначных слов. Рассматриваются особенности семантики и функционирования широкозначных глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць* во французском и белорусском языках. Приводятся данные сопоставительного анализа их словарных значений в разные периоды эволюции французского и белорусского языков. Исследование показывает, что значение каждого из указанных глаголов остается практически неизменным, растет только сфера их употребления. Подтверждается мысль о том, что глаголы широкой семантики актуализируются не в виде лексико-семантических вариантов (как это наблюдается в случае с многозначными лексемами); в речи реализуется широкое значение глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць*, которое принадлежит уровню языка.

4.1. Проблемы изучения структуры значения слова

В числе центральных проблем современной лексической семантики продолжают оставаться проблемы изучения структуры значения слова. Эти исследования принимают разные формы, однако (несмотря на различия в определении значения словесного знака) во всех современных научных направлениях предпринимаются попытки выделения в нем постоянных и переменных компонентов. Лингвисты сходятся во мнении, что семантическая структура слова имеет иерархическую организацию. В содержательное ядро значения входит ограниченный набор наиболее существенных признаков, в то время как другие признаки образуют периферию лексического значения. В работах разных исследователей представлен различный состав семантического ядра слова. Тем самым вопрос о том, что же в действительности представляет собой содержательное ядро слова, какие первичные и вторичные признаки оно включает, до сих пор не получил однозначного ответа.

Лексическое значение слова сопоставляется с философской категорией понятия. Проблема того, в чем состоит различие между понятием и значением, продолжает вызывать оживленную полемику среди исследователей языка. В энциклопедическом словаре по языкознанию лексическое значение слова определяется как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Это продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова носит обобщённый характер» [Языкознание, с. 261]. Понятие (иначе – концепт) определяется как «явление того же порядка, что и значение

слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [Языкознание, с. 261–262].

Слово во всех своих движениях, в своей материальной форме и своем идеальном отображении сливается с понятием, образуя с ним неразрывное единство. Понятие, лежащее в основе лексического значения, характеризуется нечеткостью, размытостью границ: оно имеет *четкое ядро*, обеспечивающее устойчивость лексического значения слова и взаимопонимание между коммуникантами, и *нечеткую периферию*. Благодаря такой «размытости» понятия лексическое значение слова может «растягиваться», что позволяет использовать имеющиеся в реестре языка слова для обозначения предметов, еще не имеющих специального обозначения. Именно *подвижностью границ понятия* объясняется тенденция слова к многозначности [Шабает 2011].

Слово является двусторонней единицей, в которой связь значения и звучания (графической формы) общественно, психически и исторически обусловлена и предполагает как само существование, так и постоянную эволюцию языка. Традиционно считается, что лексическое значение «выражает в противоположность грамматическому значению слова вещественное значение, отличающее слова друг от друга и придающее им их индивидуальные свойства» [Ахманова, с. 216].

По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «мир значений, запечатленный в формах языка, имеет в разных системах свои законы связей, свои принципы построения». Значение слова и круг его употребления обусловлены лексической системой языка. Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях. Отдельные слова как смысловые структуры существуют лишь в контексте этих систем; в их пределах они по-разному обнаруживают свои смысловые возможности. Все слова в составе лексической системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Полное раскрытие смысловой структуры слова (т.е. не только его вещественного отношения, но и всей системы его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм) возможно лишь на фоне всей лексической системы языка и в связи с ней [Виноградов 1985, с. 6–8].

Различные концепции лексического значения затрагивают проблему иерархической организации признаков в составе значения слов. Как уже отмечалось выше, не все компоненты, входящие в структуру лексического значения, обладают одинаковым статусом. Одни из них являются наиболее существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие носят периферийный характер и подвержены изменениям. Таким образом, лексическое значение слова характеризуется наличием содержательного ядра и периферии семантических признаков. Понятие о семантическом центре (ядре/«стержне») лексемы введено в лингвистику В. В. Вино-

градовым для описания значения многозначного слова [Виноградов 1972]. Исследователь выделяет в слове *основное номинативное* значение, *производное номинативное* значение и *экспрессивно-стилистическое* значение. Номинативно-непроизводное значение зависит от окружения; производное значение образуется в результате переноса или специализации основного значения [Там же]. Таким образом, **семантическая структура слова представляет собой совокупность отдельных вариантов лексического значения, среди которых выделяются *основные значения* и *производные переносные и специализированные***. Каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) представляет собой иерархически организованную совокупность сем (минимальных содержательных единиц). В его структуре выделяется интегрирующее родовое значение (*архисема*), дифференцирующее видовое (*дифференциальная сема*), а также *потенциальные* семы, отражающие дополнительные свойства предмета, существующие реально или приписываемые ему языковым коллективом. Эти семы важны для создания переносных значений слов.

Одним из очевидных свойств любого языка является его неоднозначность. В действительности очень многие слова обладают более чем одним лексическим значением; характеризуются полиреферентной отнесенностью, либо выполняют более чем одну синтаксическую функцию. *Неоднозначность* является результатом развития языка, свидетельством его богатства, гибкости и образности. Прежде всего, она обусловлена особенностью нашего мышления, отраженной в обобщающем характере слов, их способностью соотноситься не только с единичными предметами, но и с классами явлений, выделяемых по разным критериям. Такая способность слова зачастую связана с трудностью дать название каждому предмету и нецелесообразностью поиска такого названия, поскольку возможности человеческой памяти ограничены. Неоднозначность языковых единиц – исключительно многоаспектное явление, находящее свое отражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность.

4.2. О соотношении широкозначности и многозначности

Широкозначные единицы привлекают безусловный интерес исследователей и как имеющие отношение к промежуточной области лексики и грамматики и в силу этого способные к совмещению различных функций и значений. Такие слова обнаруживаются в лексике любого языка и соотносятся с различными частями речи. Так, во французском языке в качестве широкозначных рассматривают существительные *chose* (*truc*, *machin* – в разговорной речи), *affaire*, глаголы *avoir*, *être*, *faire*, *aller*, *venir*, указательные нейтральные местоимения *cela*, *ça*, *ceci*, неопределенно-личное местоимение *on*, в английском – существительные *thing*, *fact*, *place*, *man*, *person*, *body*, *ground*, глаголы – *to have*, *to be*, *to give*, *to take*, *to make*, в немецком – существительные *Ding*, *Sache*, глаголы *sein*, *machen*, *haben*, *geben*, *nehmen*,

kommen, gehen, bringen, führen, в русском языке к широкозначным относят существительные *место, дело, предмет* и т.п. [Девкин; Степанова, Кистанова; Гак 1998; Кудинова; Авдеев; Караулов]. Возможность их употребления в качестве полнозначных, полуслужебных и служебных слов, а также исключительная функциональная подвижность в синтаксическом плане чрезвычайно расширяют диапазон использования данных слов, делает их поистине универсальными.

Термин *широкозначность* был введен Н. Н. Амосовой [Амосова], а понятие *эврисемия* предложено позднее В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом [Плоткин, Гросул]. Лингвисты противопоставляли данное явление многозначности и квалифицировали его как особого рода лексико-семантическое варьирование. Исследователи эврисемии по-разному определяют широкозначность. В современной лингвистике одновременно используются термины *слова с широким значением* [Амосова], *слова широкой семантики* [Арнольд; Барсук], *слова с широкой понятийной основой* [Уфимцева], *номинация широкого семантического охвата* [Антрушина, Афанасьева, Морозова], *диффузы* [Девкин], *слова-губки* [Земская, Китайгородская, Ширяев].

Предложенная Н. Н. Амосовой концепция легла в основу исследований многих лингвистов. Разграничивая широкозначность и многозначность, она отмечает, что в семантической структуре изолированного многозначного слова сосуществуют различные значения [Амосова]. Вне контекста слово находится либо в памяти человека, либо в словаре, то есть слово рассматривается на уровне языка. Эта проблема представляет сугубо лингвистический интерес, поскольку обычный носитель языка никогда не задумывается, какое из значений многозначного слова актуализируется при его использовании в речи. Н. Н. Амосова отмечает далее, что при употреблении многозначного слова в речи все эти значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое же значение в *контексте только конкретизируется, но не изменяется и не исчезает* и остается основой любого своего суженного варианта (или *подзначения*). Н. Н. Амосова определяет широкое значение как «содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Там же]¹.

¹ Данное определение уже не раз подвергалось в исследованиях критике. Так, С. Н. Димова пишет, что оно «оставляет нераскрытой специфику широкого значения как *особого типа* лексических значений» [Димова, с. 128]. Б. Д. Джоламанова также считает, что оно не обеспечивает отграничения широкозначности от смежных с ней явлений абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает», неизбежно сужаясь, конкретизируясь в речи и делая тем самым коммуникацию возможной [Джоламанова, с. 6]. В. Г. Шабаев отмечает: «несмотря на твердое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение. Причина всегда одна – чрезвычайная абстрактность и обобщенность инварианта, не позволяющая четко выразить его словами. Видимо, это убеждение идет еще от Н. Н. Амосовой» [Шабаев 2014, с. 201].

Практически все исследователи сходятся во мнении, что широкозначности присуще закрепление в сигнификате минимального количества признаков, которые далее невозможно разложить на дифференциальные признаки в обычном смысле. Это формирует необходимые условия для соотнесения данного минимума признаков с практически неограниченным кругом денотатов. При этом во всех разнообразных и многочисленных употреблениях слова широкой семантики сохраняется единое очень обобщенное значение. Явление широкозначности зачастую рассматривается в тесной связи с многозначностью (или полисемией).

Под многозначностью принято понимать «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [Бенвенист, с. 335]. В семантической структуре многозначного слова в качестве основной единицы выступает ЛСВ, который соотносится со всеми остальными значениями многозначного слова. Один ЛСВ может быть связан с другим на основе одних общих признаков, с третьим – на основе других общих признаков.

Следовательно, у многозначного слова существует несколько значений, между которыми существуют иерархические отношения [Загородняя].

Как отмечает А. А. Авдеев, в современной лингвистике отчетливо обозначились два направления в исследовании проблемы соотношения данных лексико-грамматических категорий. Представители первого направления признают сосуществование данных явлений в рамках одной языковой единицы (Б. Д. Джоламанова, С. Н. Димова, А. А. Уфимцева и др.). Они трактуют широкозначность и многозначность как корреляцию широкозначных и узких лексико-семантических вариантов в семантической структуре многозначной языковой единицы. Представители второго направления (Н. Н. Амосова, Л. Я. Гросул, В. В. Елисеева, В. К. Колобаев, Е. И. Малютина, В. Я. Плоткин) рассматривают широкозначность как особую лексико-семантическую категорию, объединяющую специфическую группу слов.

Сторонники первого подхода сходятся во мнении, что многозначное слово включает в себя множество значений, в то время как широкозначное слово обладает единственным обобщенным значением, которое конкретизируется и изменяется в зависимости от контекста. Именно в речи происходит выбор одного из множества его значений. Эврисемичное же слово, напротив, вне контекста однозначно, однако его единственное (широкое) значение соотносится с разными объектами мысли. Тем самым слово имеет широкую семантическую референцию, его понятийный объем велик, а конкретное содержание уточняется (но не меняется) в условиях речи, т.е. в контексте¹. А. М. Плотникова отмечает в указанной связи, что понятия *широкозначность* и *широко развитая многозначность* не являются синонимами. Термин *широкозначность* указывает на семантический аспект явления (обобщенный

¹ Это согласуется с известной в семасиологии закономерностью, сформулированной Г. В. Колшанским: «Чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [Колшанский, с. 35].

характер семантики, широкую референцию, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями), а термин *широко развитая многозначность* – на количественный аспект (наличие у слова множества значений) [Плотникова]. Таким образом, широкозначное слово обладает единственным предельно обобщенным, сигнификативным значением, в то время как многозначное слово включает в себя множество значений (а не одно сигнификативное), которые актуализируются в конкретных ситуациях.

Интересна в этой связи точка зрения С. Н. Димовой, которая, изучая английское многозначное слово *way*, приходит к выводу, что в его семантической структуре широкие значения сосуществуют с неширокими. Тем самым автор трактует широкозначность и многозначность как «корреляцию» широкозначных и узких ЛСВ в семантической структуре многозначной языковой единицы [Димова]. Таким образом, широкозначность сопутствует многозначности, перекрещивается с ней.

Аналогичной трактовки указанных явлений придерживаются Б. Д. Джоламанова и А. М. Аралов. Они рассматривают широкозначность в качестве базиса для развития полисемии, а обе языковые категории, по их мнению, предстают как соотношение широкой понятийной основы с узкоспециальными значениями. Так, многозначное имя существительное – это некое целое, состоящее из определенного количества ЛСВ, в то время как широкое значение присуще тому или иному ЛСВ [Джоламанова; Аралов].

Как было отмечено выше, семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность определенного количества ЛСВ, которые связаны деривационной связью с основным номинативным значением слова [Уфимцева]. Причем любой ЛСВ обладает как сигнификативным, так и денотативным значением. Семантика каждого из них достаточно конкретна, в отличие от диффузного, размытого значения вариантов широкозначного слова, конкретизация которых происходит лишь в речевом употреблении. Именно поэтому вряд ли правомерно представлять структуру слова широкозначного значения в виде совокупности ЛСВ. Не случайно лингвисты, исходя из различий семантической парадигмы многозначных и широкозначных лексем, термину ЛСВ предпочитают понятия *конкретизированный вариант* [Амосова], *ситуативное употребление* [Джоламанова], *смысловой вариант* и т.п. Тем самым фактически отрицается наличие ЛСВ в семантической структуре широкозначных слов.

Главное отличие полисемии от эврисемии В. К. Колобаев видит в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое оказывается настолько широким, что охватывает ряд понятий» [Колобаев 1983а, с. 11]. При функционировании широкозначного слова в речи его значения конкретизируются. «Слова широкой семантики, взятые вне текста, могут обозначать безграничное множество предметов и явлений окружающего мира, – отмечает исследователь. – Однако в изолированном виде

слова практически не встречаются. Контекст снимает любую возможность неправильного денотативного соотнесения слова, ведет к его конкретизации» [Колобаев 1983б, с. 10–11].

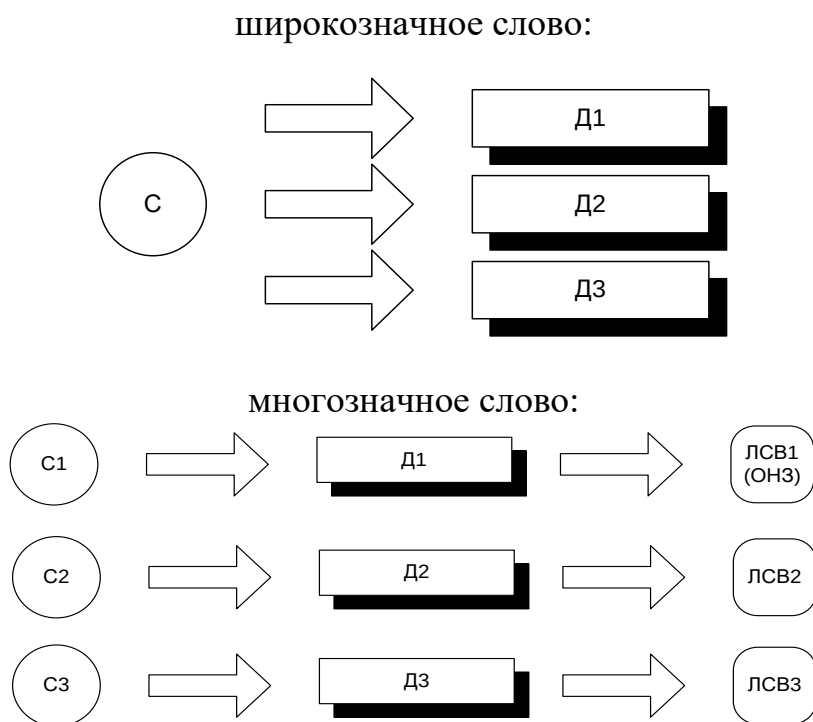
Таким образом, широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории, каждой из которых присущ ряд специфичных признаков:

1) многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению; широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях;

2) вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической однозначности, когда в широкозначных словах на первый план выходят не их лексические, а грамматические свойства, и они начинают выполнять служебную функцию;

3) важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст, ограниченный одним предложением, фрагментом текста или ситуацией общения.

Исходя из сказанного, структуру широкозначного и многозначного слова можно представить следующим образом:

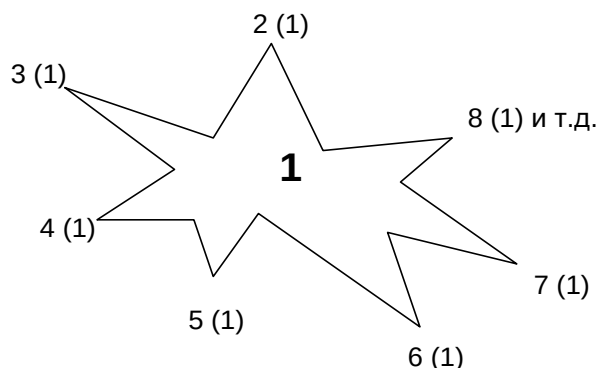

где *Д* – денотативное значение (под денотатом некоторой языковой единицы мы понимаем множество объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей),

С – сигнификативное значение (под сигнификатом понимается понятийное содержание языковой единицы, представляющее собой отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата),

ОНЗ – основное номинативное значение слова.

Семантику эврисемичного слова можно представить в виде открытого множества вариантов, так как его семантическая парадигма практически неограниченна. Все варианты единого значения связаны с единой основой, не выходя за ее рамки, что, впрочем, не исключает возможности их взаимосвязи:

4.3. Основные признаки широкозначности лексических единиц

Как и другие лексико-семантические категории языка, широкозначность обладает рядом признаков, которые определяют ее индивидуальность. Это понятие относится, прежде всего, к качественному аспекту значения лексической единицы и характеризует лексическое значение в плане уровня обобщения. Передавая понятие о классе разнородных явлений внеязыковой действительности, широкозначные слова реализуют синтетический тип номинаций: в их семантике фиксируется то общее, что свойственно целому классу референтов, все то, что связывает их в единое целое. Все конкретные проявления общего реализуются в соответствующих контекстах употребления словесной единицы и подчиняются в одинаковой степени этому общему.

Согласно исследованиям В. К. Колобаева [Колобаев 1983а] и Л. В. Барсук [Барсук], в число основных признаков широкозначных слов (рассматриваемых на примере имен существительных) входят следующие: полиденотативность; синкретизм (недифференцированность) значения; синсемантия; десемантизация (полная или частичная); полифункциональность; высокая частотность употребления; способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях. Все указанные признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности. Остановимся на них подробнее.

Под полиденотативностью понимается способность слов широкой семантики обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений. Поскольку в основе значения широкозначной лексической единицы лежит признак, указывающий на категорию предметов или явлений, то всё, что может быть отнесено к этой категории, оказывается семантически совместимым со значением такого слова. Так, количество денотатов у эврисемичного существительного практически не ограничено, а его конкретное денотативное значение может быть выявлено только в речи [Колобаев 1983б].

В значении любого слова находит отражение целый ряд дифференциальных семантических признаков, по которым выявляется денотативное значение слова; чем больше таких признаков, тем легче выявить денотат. В значении слова широкой семантики представлен только один признак, который указывает на принадлежность к какой-либо категории. Поэтому разложить значение такого слова на составляющие его дифференциальные семантические признаки оказывается практически невозможно. Таким образом, под **с и н к р е т и з м о м** эврисемичного слова подразумевается неразложимость его значения на составляющие, недифференцированность значения такой лексической единицы [Колобаев 1983б].

С и н с е м а н т и з м, то есть отсутствие определенного денотата у слова широкой семантики, рассматриваемого вне контекста, – еще одна отличительная характеристика эврисемичных единиц. Для конкретизации слов широкой семантики часто недостаточным является наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы. В некоторых случаях для того, чтобы понять их значение, необходимо знать содержание всего контекста. В результате подобной сочетаемости широкозначное существительное либо присоединяет к своему единственному признаку признаки других слов, либо (что наблюдается чаще) передает свой признак рядом стоящему слову и таким образом придает ему новое качество. При этом само слово зачастую теряет свое лексическое значение, десемантизируется [Конецкая]. Это означает, что для слова с широким значением синтаксическая сочетаемость с другими словами носит обязательный характер: слово требует обязательного присутствия синтаксического распространения.

Именно **д е с е м а н т и з а ц и я** признается особенностью широкозначных существительных. Это частичная или полная утрата словом широкой семантики своего лексического значения и превращение в строевой элемент, выполняющий грамматическую функцию. Как пишет В. К. Колобаев: «При частичной десемантизации значение слова широкой семантики сводится к простой указательности... При полной десемантизации такое слово переходит в разряд грамматических средств языка, приближаясь к формальным грамматическим и морфологическим показателям, становится полифункциональным» [Колобаев 1983б, с. 4].

П о л и ф у н к ц и о н а л ь н о с т ь составляет пятый признак слов, относящихся к разряду широкозначных. Это возможность слов широкой семантики выступать как в лексической, так и грамматической функции. Считается, что ослабление лексического значения или его полная утрата приводят к тому, что слово переходит из разряда лексических средств в разряд грамматических. Под термином *грамматикализация значения* понимается вытеснение лексического значения слова значением грамматическим и утрата полнозначным словом его лексической самостоятельности. В словах широкой семантики происходит процесс уравнивания объемов лексической и грамматической абстракций за счет возведения первой в высшую степень [Там же].

Плоткин В. Я. указывает на то, что широкозначность существенно отличается от многозначности тем, что полисемия складывается путем метафорических или метонимических переносов, а семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных, часто не связанных друг с другом значений; ей не свойственна внутренняя целостность. В конкретных употреблениях широкозначного слова устраняются все его значения, кроме одного актуализированного; а широкозначность речевых употреблений конкретизируется, но не теряет своей инвариантной природы [Амосова].

Широкозначность – явление универсальное, охватывающее различные части речи, так как она включает не только обобщенно-родовое значение, реализуемое прежде всего в существительных типа *человек, явление, факт, случай, вещь* и т.п., но и такое широкое значение, в котором в качестве понятийного компонента выступает понятие – категория. Этот тип широкозначности свойственен различным частям речи (именам, глаголам, местоимениям, предлогам и т.п.). Следует отметить, что именно в силу своей широкозначности глаголы и *être* более употребительны как вспомогательные: их относят к разряду служебных и в этой функции считают десемантизированными. Однако высказывается мнение и о том, что в грамматических функциях глаголы *avoir* и *être* сохраняют свое инвариантное очень обобщенное значение. Для глагола *être* таковым является ‘общее указание на состояние субъекта’: пространственное (*il est à Toulouse*), качественное (*il est intelligent et spirituel*), показателя агенса (*il est entré, il est sorti*) и пациенса (*il est écrit, il est admis*); для глагола *avoir* – ‘общее указание на наличие’: предметов (*il a une maison de campagne*), качеств (*il a du courage, il a de la patience*), действий потенциальных (*il a à faire, il a à écrire*), и осуществленных (*il a fait, il a pris*).

Широкозначность, как и другие языковые категории, характеризуется так называемой полевой структурой, обладающей ядром, где сосредоточены наиболее характерные, существенные признаки, и периферией, где эти признаки проявляются менее определенно. Во французском языке к «ядерным» широкозначным словам можно отнести существительное *chose* (*truc, machin* – в разговорной речи), глаголы *avoir, être, faire, aller, venir*, указательные нейтральные местоимения *cela, ça, ceci*. К другим словам широкой семантики, но с меньшей степенью обобщенности и функциональной универсальности относятся существительные, глаголы, указательные местоимения, притяжательные местоимения и т.п. Диапазон использования широкозначных слов настолько обширен (о чем свидетельствует их употребление в качестве полнозначных слов, полуслужебных и служебных), что встает проблема их десемантизации.

Таким образом, широкозначность может квалифицироваться как особая лексико-семантическая категория, свойственная части речи, основными дифференциальными признаками которой следует считать: в семантическом плане – чрезвычайно широкий понятийный объем, реализующийся в речи

преимущественно через сигнификативный компонент семантической структуры слова; в синтаксическом плане – исключительная функциональная подвижность, универсальность, синсемантия.

4.4. Специфика широкозначности глаголов *avoir* и *faire* и их белорусских аналогов *мець* и *рабіць*

Интерес представляет семантика и функционирование лексических единиц широкого значения на материале неродственных языков (французского и белорусского) в диахроническом аспекте. Анализу были подвергнуты лексические единицы *avoir* и *faire* и их белорусские аналоги – *мець* и *рабіць*, которые входят в число ядерных эврисемичных слов и определяются многими исследователями как основные, фундаментальные, полифункциональные. И это неслучайно, поскольку указывая в самом обобщенном виде на существование, местонахождение и отношение к признаку, названные глаголы занимают важное место в словаре многих языков (в том числе французского и белорусского) и активно используются для выражения целого ряда грамматических значений (временных, аспектуальных, залоговых, модальных), а также играют важную роль в создании языковой картины мира. Как пишет В. Г. Гак, полифункциональные и фундаментальные глаголы бытия и обладания выступают в качестве «двух важнейших типов структуры узла глагольного предложения» [Гак 1998, с. 594].

В словаре *Dictionnaire historique de la langue française* отмечается, что глагол *avoir* является одним из «наиболее рано зафиксированных слов французского языка», впервые появившимся на страницах «Кантилены о святой Евлалии» в 880 г. Это глагол, образованный от латинского *habere* со значениями ‘иметь/обладать’, ‘иметь/испытывать в сознании’ и ‘иметь в своем распоряжении’. Он восходит к индоевропейской основе на *gh-*, которая имеет множество производных в романских и германских языках, таких как верхненемецкий *haben* и производные от него или английский *to have* [*Dictionnaire historique...*, vol. 1, p. 276].

Словари современного французского языка [Le Petit Robert; Le grand Larousse...] фиксируют для глагола *avoir* в его употреблении в качестве самостоятельного 7 основных конкретизированных смысловых вариантов (КСВ): 1) иметь; обладать, владеть (*elle a deux enfants* ‘у нее двое детей’ (здесь и далее перевод наш. – А. Д.); *nous avons pour but* ‘нашей целью является’); 2) получить; достать; купить (*j’ai eu ce livre pour presque rien* ‘я купил эту книгу по дешевке’, *il est résolu à tout pour vous avoir* ‘он решился на всё, чтобы заполучить вас’); 3) справиться с...; одержать верх над... (*on les a eus!* ‘они попались!’; *il a juré de m’avoir* ‘он поклялся, что доберется до меня’); 4) (*qn*) обмануть, надуть, провести (*se faire avoir, se laisser avoir* ‘быть обманутым, попасться’); 5) попасть; поймать (*avoir son train de justesse* ‘едва успеть на поезд’, *je l’ai eu!* ‘попал (в цель)’); 6) быть не в порядке

(при выражении вопроса и сомнения) (*qu'est-ce qu'il a?* 'что с ним?', *il a sûrement qch* 'с ним что-то неладное'); 7) *avoir* входит в ряд устойчивых выражений (*en avoir pour son argent* 'не остаться в накладе', *avoir bon* 'получать удовольствие'; *j'en ai pour cinq minutes* 'мне нужно еще пять минут'). В словарях также указывается, что на основе конструкции «*avoir* + сущ.» образовано большое количество глагольных словосочетаний, выражающих какое-либо свойство, действие или состояние (*avoir qn en grande faveur* 'любить кого-либо', *avoir du courage* 'быть храбрым'). Конструкция «*avoir à* + инф. другого глагола» выражает долженствование (*j'ai à vous remercier* 'я должен вас поблагодарить'). Отмечается использование *avoir* в очень употребительном во французском языке безличном обороте *il y a* 'есть, имеется' (*il y a deux ans (de cela)* 'два года (тому) назад', *qu'y a-t-il de nouveau?* 'что нового?').

Исследуемому глаголу присущ широкий дистрибутивный диапазон. Так, он может выступать в качестве переходного (*il a une villa* 'у него есть/он имеет вилла/загородный дом'), непереходного (*il a à peser les pour et les contre* 'ему надо взвесить все «за» и «против»'. букв. *он имеет (необходимость) взвесить все «за» и «против»*), вспомогательного (*elle a tenu sa promesse* 'она выполнила свое обещание', букв. *она имеет свое обещание выполненным*), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотносительности с денотатом – идею обладания.

В словаре *Dictionnaire historique de la langue française* указывается, что глагол *faire* образован от латинского глагола *facere* 'делать' и впервые зафиксирован в 3-м лице единственного числа субжонктива *fazet* (842 г.). *Facere* восходит к индоевропейской основе на *dhé-* со значением 'размещать'. Так, в текстах религиозного содержания он встречается в выражении *sacrum facere* 'размещать/класть жертву/подношение (на алтарь)', откуда позже произошло *faire un sacrifice* 'делать/совершать жертвоприношение'. С общим значением 'делать/создавать' глагол *faire* употребляется на страницах величайшего произведения средневековья «Песни о Роланде» (1080 г.), в частности, в значении *constituer* 'основывать, устраивать; создавать', а в 1190 году впервые зафиксировано его употребление в безличных оборотах (*il fait soleil, beau, mauvais...*) для обозначения различных явлений природы. В словаре отмечается, что в первых своих употреблениях глагол *faire* выступает как заместитель другого глагола действия и в сочетании с инфинитивом используется для выражения значения *être cause de* 'быть причиной', *attribuer à* 'предоставлять, выделять, присуждать'. На основе значения *accomplir* 'совершать' (*faire une bonne action* 'делать благое дело') образовано множество устойчивых выражений, многие из которых сохраняются во французском языке вплоть до наших дней (*faire tant, si bien que* 'так хорошо все сделать', *n'en faire qu'à sa tête* 'делать/поступать как вздумается' и т.д.) [*Dictionnaire historique...*, vol. 2, p. 1390].

Для исследуемого глагола словари современного языка Le Robert, Le grand Larousse illustré фиксируют 32 значения. В числе основных конкретизированных смысловых вариантов выделяются: 1) делать/действовать (*c'est ce que je fais* 'именно это я и делаю', (*il n'y a rien à faire* 'ничего не поделаешь; ничего не выйдет'); 2) делать, создавать (*faire du maïs* 'выращивать кукурузу', *faire des vers* 'сочинять, писать стихи'); 3) делать, исполнять (*faire la commission* 'выполнить поручение'); 4) совершать (к.-л. действие) (*faire le tri* 'отбирать, производить отбор', *faire une promenade* 'совершить прогулку'); 5) заниматься чем-либо (*faire sa médecine* 'изучать медицину', *faire dans qch* 'работать в какой-либо области'); 6) приводить в порядок (*faire la vaisselle* 'мыть посуду'); 7) назначать (*on l'a fait cuisinier* 'его назначили шеф-поваром'); 8) вызывать, быть причиной, причинять (*faire du chagrin* 'огорчить', *faire des difficultés* 'чинить препятствия') и т.п. Отметим, что, как и глагол *avoir*, лексическая единица *faire* характеризуются необычайной широтой дистрибутивного диапазона, многообразием синтаксических моделей, в которых она используется. Так, указанный глагол может выступать в качестве переходного (*il fait cet exercice* 'он делает это упражнение'), непереходного (*il fait comme tous* 'он делает/поступает как все'), связочного (*elle fait jolie* 'она красавица'), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – активность субъекта действия.

Что же касается способности изучаемых глагольных единиц часто употребляться в устойчивых словосочетаниях, то по данным «Нового Большого французско-русского фразеологического словаря» под редакцией В. Г. Гака фразеологизмы с глаголом *avoir* составляют более 1 000 фразеологических единиц и занимают 8 страниц (с. 97–104) в указанном лексикографическом источнике. Так, со словами, начинающимися на букву «а», насчитывается 156 единицы, на букву «b» – 165, «с» – 266; «d» – 81, «е» – 74, «f» – 93 и т.д.). Например: *avoir faim* 'иметь/испытывать голод'; *il a la bougeotte* 'ему не сидится на месте'; *avoir ses carottes cuites* 'быть при смерти'; *avoir ses épines* 'иметь свои неприятные стороны'; *avoir son prix* '1) цениться, всегда быть в цене (о предмете) 2) иметь свои достоинства (о человеке)'; *avoir ses hasards* 'иметь свою собственную судьбу' и т.п. Очевидно, что при переводе на русский язык не всегда возможна дословная передача значения выражения. Однако семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях так или иначе актуализируется широкое значение исследуемого глагола 'иметь, обладать'. Так, в сочетаниях *avoir faim/soif/sommeil* 'иметь голод/жажду/желание уснуть' глагол передает значение обладания, а существительное описывает ситуацию, которая находится в сфере обладания.

В названном выше словаре фразеологизмы с глаголом *faire* представлены более чем 1 500 единицами и занимают 12 страниц (с. 617–628). В частности, со словами, начинающимися на букву «а», насчитывается

102 фразеологические единицы, на букву «b» – 255, «c» – 327, «d» – 156, «e» – 130, «f» – 168 и т.п. Например: *faire à pied* ‘обойти пешком’; *faire abstraction (de)* ‘оставить без внимания, пройти мимо’; *faire autruche* ‘прятать голову в песок как страус’; *faire attention* ‘1) быть осторожным 2) приложить усилия, постараться’; *faire banqueroute* ‘обанкротиться, разориться’; *faire carême* ‘поститься’ и т.п. Как видим, круг лексем, в сочетании с которыми употребляется исследуемый глагол, чрезвычайно широк и включает как слова конкретной, так и абстрактной семантики, одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные. Семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях так или иначе выражает обобщенную идею действия.

В издании «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» отмечается, что глагол *мець* (*маць, мятэ, мецца, мацца*) восходит к праславянскому *jьmĕti, jьmать* [Этымалагічны слоўнік..., т. 7, с. 28]. Анализ словарных статей издания «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» и данных сайта skarnik.by позволил установить для глагола *мець* 5 основных значений: 1) валодаць як уласнасцю (*мець каня, мець халадзільнік, мець грошы*), 2) валодаць чым-н. (*мець вопыт, мець прафесію, мець талент, мець сілы*); 3) лічыць каго-н. кім-н. (*мець за гаспадыню*); 4) (у спалучэнні з *В.* и *Р.* скл. назоўнікаў, якія абазначаюць уласцівасць або стан): а) дзеянне па значэнню гэтага назоўніка (*мець надзею – спадзявацца, мець клопат – клапаціцца, мець права – дазваляеца*); б) быць, знаходзіцца ў якім-н. стане (*мець непрыемнасці*); 5) у спалучэнні асабовых форм з інф. набывае значэнне ‘павінен або намерваецца што-н. зрабіць’ (*мець вушы ‘прыслухоўвацца’, мець на прыкмеце ‘браць на ўвагу’: Гаворка пра сесію, якая мела адбыцца, пачалася яшчэ ў машыне*). В этом последнем значении он созвучен глаголу *avoir* в конструкции «*avoir à* + инф.».

Во всех служебных функциях (в качестве связки, в аналитических формах, в модальных конструкциях) глаголы широкой семантики сохраняют свои лексические значения, т.е. их десемантизации не происходит.

В издании «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» отмечается, что глагол *рабіць* заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirtbi*, немецким *arbeiten*) и восходит к праславянскому корню **orb-* [Этымалагічны слоўнік..., т. 11, с. 11]. На основе данных издания «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» и электронного толкового словаря можно выделить 9 основных значений глагола *рабіць*: 1) займацца чым-н. (*рабіць доследы*); з аддзяслоўнымі назоўнікамі і з назоўнікамі са значэннем дзеяння (*рабіць выбар; рабіць вымову; рабіць памылку*); 2) вырабляць, майстраваць (*рабіць абутак; рабіць квас*); 3) працаваць дзе-н., кім-н. (*рабіць на заводзе*); на каго-што, працаваць, забяспечваючы або абслугоўваючы каго-н. (*рабіць на сям’ю*); 4) заказваючы, даручаць вырабляць што-н. для сябе (*рабіць абноўку*); 5) у спалучэнні з назоўнікам выражае дзеянне паводле значэння гэтага назоўніка (*рабіць памылкі (памыляцца)*); 6) аказваць, прычыняць што-н.

каму-н. (*рабіць дабро людзям*); 7) ператвараць у каго-н., у што-н. (*рабіць з хлопца камедыянта*); надаваць каму-, чаму-н. які-н. выгляд (*Валасы тырчалі на ім вожыкам, а русая, з рыжаватым адценнем барада рабіла .. [дзядзьку] смешным*); 8) каго (што) кім або якім (*рабіць чалавека шчаслівым*); 9) утвараць сабой (*рака рабіла круты паварот*).

Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы пад рэдакцыяй І. Я. Лепешева содэрыжыт 16 устойчывых сачэтаній с глаголом *мець*. Напрымер: *мець бога ў сэрцы* ‘быць сумленным’; *мець вока на каго-н.* ‘прыхільна ставіцца да каго-н.’ або ‘адчуваць непрыязнасць да каго-н.’; *мець гонар*; *мець ласку* ‘удастоіцца’; *мець зуб* ‘тайна ненавідзець каго-н.’; *мець на ўвазе* ‘падразумываць’; *мець месца* ‘быць у наяўнасці’; *мець мух у носе* ‘быць упартым, капрызным’; *мець рацыю* ‘правільна, абгрунтавана думаць, гаварыць’; *мець (сваю) галаву на плячах* ‘быць дастаткова разумным, кемлівым’ і т.п.

В указанном словаре представлено 11 фразеологизмов с глаголом *рабіць* (*зрабіць*). Это такие сочетания, как *рабіць выгляд* ‘ствараць пэўнае ўражанне’; *рабіць вялікія вочы* ‘выражаць крайняе здзіўленне’; *рабіць вясёлую (добраю) міну пры дрэннай гульні* ‘старацца схаваць за знешнім спакоем ці веселасцю сваё незадавальненне’; *рабіць з белага чорнае* ‘беспадстаўна перайначваць’; *рабіць з мухі слана* ‘беспадстаўна перабольшваць’; *рабіць пагоду* ‘мець рашаючае значэнне’ і т.п. В словаре отмечается, что данные глаголы употребляются, в основном, с существительными, обозначающими одушевленное лицо.

Даже беглый анализ представленных смысловых вариантов широкого значения данных глаголов, равно как и значений фразеологических единиц с их участием, позволяет констатировать, что каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* означает, что «субъект имеет предмет(ы) в своей сфере/ в сфере своего обладания». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить действие в самом широком смысле (как процесс, событие, состояние, отношение). Всякий раз семантика данных глаголов получает конкретизацию, своеобразное «сужение» в зависимости от значения сочетающихся с ними единиц. Например: *avoir la chance, avoir la décision, avoir la frousse, avoir la langue légère; faire affiche, faire déborder qn, faire des singeries; мець права, мець талент, мець слых; рабіць урокі, рабіць акцэнт на чым-н., рабіць вымову* и т.п.

Как следует из изложенного выше, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *мець/avoir* покрывает все возможные пространственные отношения

между субъектами или предметами: выявленные значения дают возможность обозначить, что предмет связан с каким-то другим предметом/предметами, то есть «имеет его/их в своей сфере», «при себе». Глагол *рабіць/faire* дают возможность представить все действия, а также процессы, события, состояния и отношения в виде «делания».

Как следует из изложенного выше, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Свободные от референтной соотнесенности исследуемые слова с широким объемом значения аккумулируют в себе содержание, уже заложенное в какой-либо лексической единице, сохраняя семантический инвариант во всех своих употреблениях. Динамический характер концептов «быть» и «иметь», равно как и других культурных концептов, определяется значимостью их ценностной составляющей для соответствующего социума в тот или иной период его исторического и социально-экономического развития. Национальный менталитет «направляет» динамику их развития. Имеющиеся в языковом сознании стереотипы влияют на содержание концептов, диктуют некоторые фиксируемые в них оценки явлений и событий.

* * *

1. Понятие, лежащее в основе лексического значения слова, характеризуется размытостью границ. Оно имеет четкое ядро, которое обеспечивает устойчивость лексического значения слова, и нечеткую периферию. Подвижность границ понятия порождает многозначность слова. Неоднозначность языковых единиц – многоаспектное явление, которое находит свое отражение в многообразии форм, одной из которых является широкозначность.

2. Широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории со своим набором специфичных признаков. Многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению. Широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях слова. Вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической полноточности, когда на первый план выходят не лексические, а грамматические свойства эврисемичного слова и оно начинает выполнять служебную функцию. Важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст.

3. К основным признакам широкозначных слов относятся следующие: *полиденотативность* – способность обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений; *синкретизм значения* – неразложимость значения на составляющие; *синсемантия* – способность выражать значение лишь непосредственно в контексте с другими языковыми единицами; *десемантизация* – явление частичной или полной утраты лексического значения и переход в служебный элемент, выполняющий грамматическую функцию; *полифункциональность* – способность выступать как в лексической, так и грамматической функции; высокая частотность употребления; способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях. Все эти признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности.

4. И во французском, и в белорусском языках глаголы *мець/avoir* и *рабіць/faire* ведут себя как единицы широкой семантики. Лексикографические источники обоих языков в качестве первого, основного значения фиксируют одно и то же значение: для глаголов *мець/avoir* ‘иметь; обладать, владеть’, для *рабіць/faire* ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом указанных широких значений. Степень сужения сигнификативного значения диктуется условиями каждой данной ситуации, в которой употреблены исследуемые слова. Глаголам *мець/avoir* и *рабіць/faire* свойственна высокая частотность употребления и способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях.

Исследование позволило констатировать, что смысловая и грамматическая реализация эврисемичных слов характеризуется максимальной контекстуальной (главным образом синтагматической) обусловленностью, в связи с чем в предложениях с эврисемичными словами краеугольной является проблема взаимосвязи лексического и грамматического, лексики и синтаксиса.

Думается, что развитие системно-синергетического представления языка предоставит новые возможности для анализа природы данных глаголов.

Глава 5. РЕАЛИЗАЦИЯ КВАЛИФИКАТИВНОГО ПРИЗНАКА В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Данная глава монографии посвящена описанию семи квалификативных признаков одушевленного носителя: внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние, отношение носителя признака к окружающим, психологические особенности личности, интеллектуальные способности, количество носителей признака – в текстах французских и белорусских повестей и рассказов. Определена зависимость направленности характеристики от соотношения квалификативного признака непосредственно с носителем (или частью тела). В зависимости от потребности говорящего представить признак и его носителя как единое целое или указать на обоих языках признак оформляется определением (статический признак), предикативом или признаковым модификатором (динамический признак). Полученные результаты убедительно свидетельствуют о том, что универсальный характер семи выявленных признаков не исключает национальную специфику их реализации. Франкоязычные повести и рассказы имеют более выраженный признаковый (описательный) характер, в то время как для белорусскоязычных повестей и рассказов свойственно сообщение о действиях персонажей.

В процессе познавательной деятельности человек воспринимает окружающий мир сквозь призму собственного сознания, устанавливая объективные и субъективные отношения между признаками и их носителями. Традиционно выделяют процессуальный и квалификативный признаки носителя. Процессуальный признак выражает действие (*Marc jeta un coup d'œil à sa montre* 'Марк бросил взгляд на свои наручные часы'; *У гэты самы час на гарадскім паштамце Міхал размаўляў на тэлефоне з Аксанаю*). Квалификативный признак выражает качество носителя или его свойство (*Tu es méchant* 'Ты злой'; *Мішка – чалавек не злосны, не паганы*). Оформленное по законам данного языка соотношение носителя и его признака служит для формирования мысли и ее передачи адресату, поскольку важнейшей функцией языка является коммуникативная.

Минимальной коммуникативной единицей языка является предложение [Гак 2000]. Как и слово, предложение не имеет автора: это своего рода обобщенная модель, существующая в сознании всех носителей языка. Выражая мысль говорящего в конкретной ситуации общения, предложение функционирует как высказывание [Бахтин]. С одной стороны, высказывание, используемое одним или несколькими говорящими, в полной мере соответствует нормам грамматики языка. С другой стороны, « *L'énonciation est l'acte individuel de production, dans un contexte déterminé <...> c'est l'acte de création du sujet parlant* » 'Высказывание – это индивидуальный речевой акт, создаваемый в определенном контексте <...> это акт творчества говорящего

субъекта' (здесь и далее перевод наш. – Н. М.) [Dubois, p. 180]. С этих позиций в создании высказывания одновременно действуют система языка и творчество говорящего.

Стремясь сделать свои мысли понятными для адресата, говорящий использует наиболее адекватные ресурсы языка. Г. Гийом, высказываясь о порядке следования слов, отмечает: « On dispose d'un nombre déterminé de mots. Rangés dans un ordre, ces mots expriment une idée, mais il suffit de changer cet ordre pour qu'ils en expriment une autre, toute différente, ou bien qu'ils n'aient plus de signification globale. L'ordre apparaît comme un moyen "intelligent" d'employer le langage » 'Говорящий всякий раз использует ограниченное число слов. Будучи выстроенными в определенном порядке, они выражают некую мысль. Однако достаточно изменить этот порядок, чтобы те же слова выражали совсем другую мысль или вообще не выражали таковой. Порядок слов проявляет себя как «интеллектуальный» способ употребления языка в речи' [Guillaume, p. 54]. Именно «интеллектуальный» способ использования языка в речи говорящего преобразует нормативную (системную) грамматику в «грамматику говорящего», которая, имея динамический характер, регулирует выбор определенных языковых средств и моделей построения предложений для выражения той или иной мысли. Потребность говорящего донести до адресата свою интенцию превращает, таким образом, строгость системы языка в подвижность системы речи.

Исследование «интеллектуального» способа использования языка в речи находится в русле актуального направления современной лингвистики, сочетающего строгий лингвистический подход к анализу языкового материала с учетом широкого спектра коммуникативно-прагматических факторов. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс» [Арутюнова, с. 360]. Адресат должен понять не только смысл отдельного высказывания, но и то, почему оно используется в конкретной коммуникативной ситуации. Другими словами, адресат должен правильно установить интенцию говорящего.

Простое высказывание репрезентирует либо процессуальную элементарную ситуацию, содержанием которой является действие, либо признаковую элементарную ситуацию, содержанием которой является признак носителя. *Объектом* настоящей главы монографии является квалификативный признак одушевленного носителя, формирующий в простом неосложненном предложении содержание элементарной признаковой ситуации.

Материалом исследования послужили 25 рассказов и повестей на французском и белорусском языках общим количеством 918 страниц. Методом сплошной выборки из художественных произведений отобраны 398 простых предложений, репрезентирующих элементарные признаковые ситуации: 252 предложения французского языка и 146 предложений белорусского языка. Отобранные для исследования примеры содержатся на практически одинаковом количестве страниц: проанализированы 488 страниц франкоязычных текстов и 430 страниц белорусскоязычных текстов.

Актуальность исследования вытекает из необходимости выявления экстралингвистических обстоятельств, которые обуславливают выбор способа представления квалификативного признака одушевленного носителя в простом неосложненном предложении.

Общеизвестно, что квалификативный признак (далее – признак) может соотноситься с носителем двумя способами (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, М. А. Кормилицына, А. А. Шахматов и др.). Первый способ заключается в том, что признак мыслится как характеристика, свойственная носителю по самой природе вещей (его интегральная вневременная характеристика). Неотделимость признака от носителя позволяет воспринимать и носителя, и его признак, как некоторое единство, целостность. Такой способ приписывания признака носителю получил название атрибуции, или *атрибутивной связи*: *une jeune femme ravissante* ‘очаровательная девушка’; *маладая і дзёрзкая дзяўчына*.

Другой способ приписывания признака предполагает рассмотрение признака как отдельного от носителя, внутренне ему не присущего [Манько, Овсейчик]. Для того чтобы такой признак мыслился как присущий носителю, нужно совершить мыслительную операцию приписывания признака, или *п р е д и ц и р о в а н и я* признака носителю: *La jeune femme était ravissante* ‘Девушка была очаровательна’; *Я таксама была маладая і дзёрзкая*.

Наиболее типичной формой выражения признака во французском и белорусском языках является имя прилагательное. Как показал морфологический анализ, признак оформляется прилагательным в 92 % простых предложений, входящих в корпус примеров. Имя прилагательное выполняет в предложении две основные синтаксические функции: функцию определения и функцию именной части составного сказуемого.

В лингвистической литературе отсутствует единый термин для обозначения именной части составного сказуемого. Одни лингвисты квалифицируют данный член предложения как предикатив (А. Г. Басманова, В. Г. Гак, Л. И. Илия, Ж. Марузо), другие называют его предикативным членом (А. М. Пешковский), третьи – предикативным (П. А. Лекант) или атрибутивно-предикативным определением (О. С. Ахманова). В терминологии французской грамматики именная часть составного сказуемого определяется как *adjectif attribut* ‘предикативное прилагательное’ (Г. Гоэс, М. Гревисс, М. Рижель) и противопоставляется *épithète* ‘определению’. Однако в белорусской грамматике атрибут означает определение, а эпитет определяют как разновидность определения, отличающуюся от обычного своей экспрессивностью.

Несмотря на отсутствие единого и общепринятого термина для обозначения именной части составного сказуемого, все вышеприведенные термины имеют общую черту – противопоставление атрибутивной связи предикативной. Мы трактуем именную часть составного сказуемого как *п р е д и к а т и в* и противопоставляем его определению.

Сравним минимальные пары высказываний:

(1) *Un garçon gai est entré dans la salle* ‘В зал вошел веселый мальчик’;

(2) *На ганак выйшла босая Аксана.*

(3) *La voix de Louis était gaie* ‘Голос у Луи был веселый’;

(4) *Аксана была босая.*

В высказываниях (1) и (2) имена прилагательные *gai* ‘веселый’ и *босая* выполняют функцию определения: они соотносятся с именами существительными в позиции подлежащего посредством атрибутивной связи. Связь определения с именем факультативна: определение может быть опущено и смысл предложения «сократится ровно на смысл прилагательного» [Вольф, с. 26]:

(1a) *Un garçon est entré dans la salle* ‘В зал вошел мальчик’;

(2a) *На ганак выйшла Аксана.*

Очевидно, что исходные высказывания (1) и (2) и их трансформации (1a) и (2a) являются ответом на вопрос к подлежащему:

(1б) *Qui est entré dans la salle?* ‘Кто вошел в зал?’ – *Un garçon (gai) est entré dans la salle* ‘В зал вошел (веселый) мальчик’;

(2б) *Хто выйшаў на ганак?* – *На ганак выйшла (босая) Аксана.*

Сообщая в (1) и (2), кто является субъектом действия, говорящий дополнительно информирует адресата о зрительно воспринимаемом признаке субъекта действия, который коммуникативной целью высказывания не является (о чем свидетельствуют вышеприведенные трансформации).

В высказываниях (3) и (4) связь признаков и их носителей устанавливается в момент речи и создается «нарочитою волей говорящего» [Шахматов, с. 94]:

(3a) *Comment était la voix de Louis?* ‘Какой у Луи был голос?’ – *La voix de Louis était gaie* ‘Голос у Луи был веселый’;

(4a) *Якая была Аксана?* – *Аксана была босая.*

Во французском языке постпозиция прилагательного к связочному глаголу *être* ‘быть’ и ответ на вопрос *Comment?* ‘Какой? / Каким?’ являются отличительными особенностями предикатива, обозначающего постоянный или временный признак носителя [Илия 1962, с. 210; Riegel 1981, p. 24]. В высказывании (3) речь идет о временном признаке Луи – *веселом голосе*, который появился у него после удачного завершения трудного проекта. В высказывании (4) также сообщается о временном признаке носителя: Оксана вышла на порог *с босыми ногами*.

В белорусском языке предикатив может располагаться не только в постпозиции к связочному глаголу. В высказываниях (5) и (6) предикатив находится в постпозиции к подлежащему:

(5) *Вы дужа нецярплівы* [Федарэнка, с. 96];

(6) *Костка і Кот – удвая маладзейшыя за Рэвута* [Саламаха 2017, с. 365].

Обозначая признак носителя, связочный глагол *быць* не имеет формы настоящего времени: в предложении он либо не имеет фактической реали-

зации (5), либо заменяется тире (6). При изменении временного плана высказывания предикатив (как и во французском языке) занимает позицию после сказуемого:

(5а) *Вы былі дужа нецярылівы;*

(6а) *Костка і Кот былі удвая маладзейшыя за Рэвута.*

Несмотря на имплицитность связочного глагола в высказываниях (5, 6) предикатив (в отличие от определения) не может быть опущен ни во французском, ни в белорусском языках:

(3б) * *La voix de Louis était (Comment?)* ‘Голос у Луи был (какой?)’;

(4б) * *Аксана была* (якая?);

(5б) * *Вы* (які?);

(6б) * *Костка і Кот* (якія?).

Предикатив является обязательным компонентом составного сказуемого: его опущение разрушает семантико-синтаксическую структуру предложения. Сообщение о *веселом голосе Луи* и *босых ногах Оксаны* является коммуникативной целью исходных высказываний *La voix de Louis était gaie*; *Аксана была босая*. Определение же, выражая вневременной признак носителя, образует с ним единое целое, но не является коммуникативной целью высказывания: *Un garçon gai est entré dans la salle*; *На ганак выйшла босая Аксана*.

Противопоставление атрибутивной связи предикативной позволяет дифференцировать статический признак носителя и его динамический признак.

Статический признак соотносится с носителем посредством атрибутивной связи и является (как и сама атрибутивная связь) заранее данным, вневременным. Оформляясь определением, статический признак не является значимым для представления коммуникативной ситуации и не формирует содержание элементарной признаковой ситуации. Динамический признак предикатируется носителю в определенный момент времени, и их «живая» связь предопределяет значимость признака в конкретной коммуникативной ситуации. При этом оба признака могут быть присущи носителю постоянно (*Un garçon boiteux se promenait dans la cour* ‘Во дворе прогуливался хромой мальчик’; *Luc est boiteux* ‘Люк – хромой’) или иметь временный характер (*Каця была расчараваная*; *Расчараваная Каця прыбегла ў вёску*).

Дифференциация статического и динамического признаков обусловлена, таким образом, указанием на признак, соотносимый с носителем в данный момент времени (динамический, «живой», признак), или тот, соотношение которого с носителем установлено до момента речи (статический, заранее данный, признак) и не представляется значимым в конкретной ситуации действительности.

Вместе с тем жесткая граница между статическими и динамическими признаками носителя отсутствует: признак, в одном предложении выступающий предикативом (7, 9), в другом может оформляться определением (8, 10). Рассмотрим следующие пары высказываний:

(7) *Ліда була чорнавалосая, смуглявая* [Саламаха 2017, с. 409];

(8) *Чорнавалосыя, смуглявыя жанчыны доўга, з вэлюмам суму глядзяць, як знікаюць удалечыні кветкі* [Марчук, с. 203];

(9) *Sarah Briot n'est pas belle. Elle est mignonne. Ce n'est pas pareil* 'Сара Брийо – не красавица. Она миленькая. Это не одно и то же' [Gavalda 2001a, p. 118].

(10) *Cette fille mignonne et vive travaille dans l'édition* 'Эта миленькая, шустрая девушка работает в издательском деле' [Gavalda 2001c, p. 10].

Важным для анализа способа представления признака – определение или предикатив – представляется следующее утверждение Е. С. Кубряковой: «Выбирая ту или иную синтаксическую структуру, говорящий выбирает тем самым русло речи. В выборе этой конструкции он уже сделал содержательный шаг в расчленении описываемой ситуации, в установлении своего отношения к происходящему и его участникам, в определении их ролей и т. д. – он принял определенное решение относительно способа представления ситуации» [Кубрякова, с. 103].

В коммуникативной ситуации (7) повествователь сообщает, что во время войны немецкие солдаты часто принимали Лиду за еврейку: она была черноволосой и смуглой. Когда в деревню приходили немцы, девушке приходилось прятаться в погребе, чтобы ее по ошибке не отправили в концентрационный лагерь. В указанный период времени две эти характеристики Лиды представляются ситуативно значимыми и оформляются предикативами, поскольку формируют содержание элементарной признаковой ситуации. В коммуникативной ситуации (8) повествователь описывает старославянские верования: в день поминания усопших женщины бросали цветы в воду, поскольку верили в связь реки с миром мертвых. Внешний вид женщин во время совершения обряда значения не имеет. Признаки *чорнавалосыя* и *смуглявыя* осмысляются при этом как интегральная характеристика женщин и образуют с ними единое целое.

В коммуникативной ситуации (9) повествователь представляет Сару Брийо. По его мнению, красавицей девушку назвать нельзя: она миленькая, но не более того. Признак *миленькая* осмысляется повествователем как динамический признак Сары и оформляется предикативом, его опущение привело бы к разрушению семантико-синтаксической структуры простого предложения. А в (10) говорящий сообщает, что миленькая девушка, привлекающая внимание его друга, работает в издательском деле. Сообщение о признаках девушки (*миленькая* и *шустрая*) не является ситуативно значимой информацией: характеристика девушки содержится в предшествующих репликах персонажей рассказа. Следовательно, в (10) признак *миленькая* ситуативно значимой информацией не является и оформляется определением, опущение которого не приводит к искажению смысла высказывания: *Cette fille travaille dans l'édition* 'Эта девушка работает в издательском деле'.

Как показал анализ высказываний (7, 8, 9, 10) синтаксическая структура простого предложения обусловлена интенцией говорящего – его потреб-

ностью представить признак и его носителя как единое целое (статический признак, оформленный как определение) или подчеркнуть ситуативную значимость признака (динамический признак, оформленный предикативом). Вместе с тем динамический признак оформляется не только предикативом.

Во французском и белорусском языках предикатив присоединяется не только к связочным, но и к непереходным глаголам, которые совмещают семантически самостоятельное и окказионально связочное значения [Манько 2018, л. 31–32]. В функции окказионально связочных глаголов употребляются глаголы движения и перемещения в пространстве (*partir*, v. intr. ‘se mettre en mouvement pour quitter un lieu; s’éloigner’ ‘двинуться с места, чтобы покинуть какое-либо место; уйти’ [Le Petit Robert, p. 1817]; *вярнуцца* ‘прыйсці, прыехаць назад у тое месца, адкуль выйшаў, выехаў’ [ТСБМ, т. 1, с. 601]) и глаголы состояния (*naître* ‘venir au monde; sortir de l’organisme maternel’ ‘появиться на свет; появиться из организма матери’ [Le Petit Robert, p. 1669]; *намерці* ‘перастаць жыць’ [ТСБМ, т. 3, с. 650]).

В высказываниях (11) *Хлопец вярнуўся разгубленым* [Жук, с. 98]; (12) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными’ [Schmitt 2010b, p. 243] предикативы выражены адъективированными причастиями – причастиями, в значении которых доминирует значение качества или свойства носителя: *разгублены* ‘які страціў рашучасць, знаходзіцца ў замяшканні; які ад хвалявання, збянтэжанасці не ведае, як быць’ [ТСБМ, т. 4, с. 593]; *épuisé* ‘à bout de forces, de résistance’ ‘без сил, на грани истощения’ [Le Petit Robert, p. 913]. Адъективированное причастие служит для выражения признака в 6 % предложений общей выборки.

В отличие от предикатива связочного глагола предикатив окказионально связочного глагола свободно опускается, не разрушая самодостаточности высказывания:

(11a) *Хлопец вярнуўся разгубленым.* → *Хлопец вярнуўся;*

(12a) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными’. → *Le soir, nous sommes rentrés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу’.

Возможность опущения предикатива и его сочетание с окказионально связочным глаголом позволяют противопоставить предикатив, являющийся обязательным компонентом синтаксической структуры простого предложения, и предикатив, не являющийся ее обязательным компонентом. Предикатив, присоединяемый к окказионально связочному глаголу, трактуем как **признаковый модификатор** [Манько 2018, л. 32–33]. Сочетаясь с признаковым модификатором, окказионально связочный глагол (дополнительно к выражению семантически самостоятельного действия) служит для соотношения динамического признака и его носителя. Тем самым признаковый модификатор изменяет синтаксический потенциал полнозначного непереходного глагола в позиции сказуемого, обогащая его функцио-

нальные возможности. Подлежащее предикативного ядра простого предложения с окказионально связочным глаголом также совмещает две функции: оно выступает субъектом действия и одновременно является носителем признака, выраженного предикативом подлежащего (рис. 5.1).

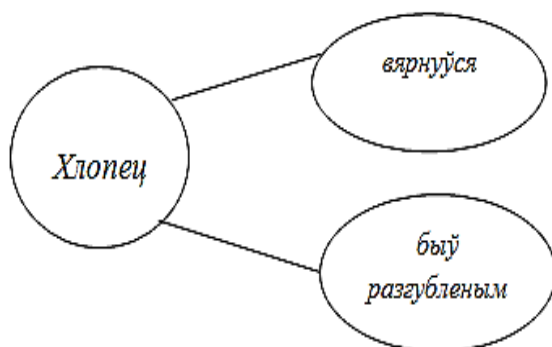

Рис. 5.1. Выражение субъектно-признаковых отношений в простом неосложненном предложении с непереходным окказионально связочным глаголом

Основное предикативное ядро простого предложения с непереходным окказионально связочным глаголом репрезентирует элементарную процессуальную ситуацию (*Хлопец вярнуўся*; *Вечером мы вернулись в гостиницу*), а признаковый модификатор – элементарную признаковую ситуацию (*Хлопец быў разгубленым*; *Мы были изнуренными*). Представление в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций – процессуальной и признаковой – свидетельствует о полиситуативности простого предложения.

Процессуальная и признаковая элементарные ситуации функционируют как составные части осложненной процессуально-признаковой ситуации. Самостоятельно ни процессуальная, ни признаковая элементарные ситуации не дают адекватного представления об осложненной ситуации, представленной простым полиситуативным предложением. В простом полиситуативном предложении с признаковым модификатором сообщается не о совершении субъектом действия и не о наличии у него динамического признака, а о реализации динамического признака в момент действия:

(116) *Хлопец вярнуўся разгубленым.* = *Калі хлопец вярнуўся, ён быў разгубленым;*

(126) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l'hôtel* 'Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными'. = *Le soir, au moment où nous sommes rentrés à l'hôtel, nous étions épuisés* 'Вечером, когда мы вернулись в гостиницу, мы были изнуренными'.

Трансформации простого неосложненного предложения в сложное (116, 126) используются исключительно с целью проследить установление временных отношений между совершением субъектом физического действия и наличием (возникновением) у него динамического признака.

Роль признакового модификатора в формировании простого полиситуативного предложения представлена на рис. 5.2.

Рис. 5.2. Признаковый модификатор в простом неосложненном предложении

Традиционно простое высказывание, представляя одну элементарную признаковую ситуацию, противопоставляется сложному высказыванию, репрезентирующему две (или более) элементарные ситуации (процессуальные и/или признаковые), связанные между собой различными типами логических отношений (противительными, сочинительными, временными и т.д.). Наличие же в простом неосложненном предложении признакового модификатора преобразует его в простое полиситуативное предложение, которое занимает особое положение между простыми и сложными предложениями: оно имеет одно предикативное ядро, но соотносит носителя с двумя признаками, процессуальным и квалификативным. Репрезентация в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций свидетельствует о том, что полиситуативность не является отличительной особенностью сложного предложения, а предикативное отношение между подлежащим и сказуемым – основная и наиболее распространенная форма выражения предикативности – не является единственной.

Связь процессуального признака и носителя формирует содержание элементарной процессуальной ситуации, которая представлена предикативным отношением между подлежащим и сказуемым, создающим «структурный костяк» высказывания. Связь квалификативного признака и носителя порождает элементарную признаковую ситуацию, выраженную вторично-предикативным отношением между неглавными членами предложения (подлежащее и признаковый модификатор). Вторичнопредикативная конструкция не имеет собственных категорий предикативности и интонационной завершенности, она является составной частью высказывания и не может быть понята без обращения к содержанию целого высказывания.

Зависимый характер вторичнопредикативного отношения от основной предикативности становится для советских и российских исследователей основанием для выделения основной и вторичной предикации (В. Н. Ерхов, О. И. Москальская, Н. М. Сазонова, А. Ю. Фомина). Последнюю определяют также как второстепенную (В. Грабье, Г. А. Золотова), или дополнительную (секундарную) (Н. Г. Вакулко, Е. М. Гоголева, П. А. Лекант, А. Ф. Прияткина). Таким образом, неавтономный характер вторичнопредикативного отношения позволяет советским и российским исследователям квалифицировать само соотношение квалификативного признака и носителя как побочное к соотношению процессуального признака и того же носителя.

Для экспликации соотношения квалификативного признака и носителя, которое устанавливается дополнительно к соотношению процессуального признака и того же носителя, мы используем термин, принятый в романистике – вторая предикация (*la prédication seconde*): «*La prédication seconde, c'est celle qui est réalisée par un type de séquence qui, malgré son statut syntaxiquement intégré, exprime sémantiquement un contenu phrastique à l'intérieur même de la phrase*» 'Вторая предикация – это предикация, реализуемая посредством некоторой конструкции, которая, несмотря на включенность в общую синтаксическую структуру простого предложения, имеет собственное фразовое содержание' [Cadiot, Furukawa, p. 3]. Репрезентация в простом неосложненном предложении нескольких элементарных ситуаций не означает, однако, самостоятельность вторичнопредикативного отношения, которое «заимствует» категории предикативности у сказуемого предикативного ядра. Так, в трансформации (12б) сказуемое предикативного ядра представлено формой первого лица прошедшего законченного времени изъявительного наклонения: *Le soir, au moment où nous sommes rentrés à l'hôtel, nous étions épuisés.*

В 2 % предложений выборки признак носителя выражен предложной группой (словосочетание с предлогом):

(13) *Кот, невысокі, лысы, з маленькімі вострымі вачами, раптам часта заміргаў* [Саламаха 2017, с. 389];

(14) *Un gendarme au visage incolore lui annonça l'arrivée des secouristes* 'Жандарм с бесцветным лицом сообщил ей о прибытии спасателей' [Schmitt 2010a, p. 103];

(15) *Au dîner, tout le monde est de bonne humeur* 'За ужином все пребывают в хорошем настроении' [Gavalda 2001b, p. 89].

В высказываниях (13) и (14) реализуются статические признаки, выраженные определением, а в (15) – динамический признак, представленный предикативом. Выражая статический или динамический признак носителя, предложная группа используется, как правило, в случае отсутствия имени прилагательного или адъективированного причастия с тем же семантическим значением: *мужчина з маленькімі вострымі вачами; un gendarme au visage incolore* 'жандарм с бесцветным лицом'. Вместе с тем встречаются и предложные группы, синонимичные прилагательным:

(15a) *Au dîner, tout le monde est de bonne humeur* ‘За ужином все пребывают в хорошем настроении’ = *Au dîner, tout le monde est jovial* ‘За ужином все веселы’.

В трансформации (15a) оба признака характеризуют носителя, пребывающего в хорошем расположении духа, веселого, жизнерадостного: *de bonne humeur* ‘disposition passagère à la gaieté, à l’optimisme qui se manifeste dans l’air, le ton, les manières’ ‘временное проявление радости, оптимизма во внешнем виде человека, его голосе, манере поведения’ [Le Petit Robert, p. 1257]; *jovial* ‘qui est plein de gaieté, franche, simple et communicative’ ‘который полон веселости, искренней, естественной и заражительной’ [Там же, p. 1398]. В высказывании (15) выбор предложной группы обусловлен, на наш взгляд, намерением говорящего передать нюансы эмоционального состояния субъектов: за ужином все члены семьи пребывали в радостном настроении, что проявлялось в их манере поведения, голосе и внешнем виде.

Итак, в простом неосложненном предложении современного французского и белорусского языков постоянный или временный признак одушевленного носителя может быть выражен именем прилагательным (92 % выборки), адъективированным причастием (6 %) или предложной группой (2 %). В синтаксической структуре простого неосложненного предложения признак представлен определением (необязательный компонент синтаксической структуры простого предложения), предикативом (обязательный компонент синтаксической структуры простого предложения) и признаковым модификатором (необязательный компонент синтаксической структуры простого предложения, но значимый компонент его семантической структуры). Критерии разграничения предикатива и признакового модификатора систематизированы в табл. 5.1.

Т а б л и ц а 5.1

Отличительные особенности предикатива и признакового модификатора

Критерий	Предикатив	Признаковый модификатор
Пример	→ <i>Tout le monde est jovial</i> ; → <i>Ліда была чорнавалосая</i> .	→ <i>Nous sommes rentrés épuisés</i> ; → <i>Хлопец вярнуўся разгубленым</i> .
Постпозиция к глаголу	→ <i>Tout le monde <u>est</u> jovial</i> ; → <i>Ліда <u>была</u> чорнавалосая</i> .	<i>Nous <u>sommes</u> rentrés <u>épuisés</u></i> ; <i>Хлопец <u>вярнуўся</u> <u>разгубленым</u></i> .
Опущение заглагольного члена	→ <i>Tout le monde est</i>; → <i>Ліда была</i>.	→ <i>Nous sommes rentrés</i> ; → <i>Хлопец вярнуўся</i> .
Обособление заглагольного члена	→ <i>Jovial, tout le monde est</i>; → <i>Чорнавалосая, Ліда была</i>.	→ <i>Épuisés, nous sommes rentrés</i> ; → <i>Разгублены, хлопец вярнуўся</i> .

Как следует из табл. 5.1, признаковый модификатор, в отличие от предикатива, формирующего с глаголом-связкой нерасчлененную конструкцию, свободно опускается и обособляется, не разрушая структурную целостность высказывания. При этом мы рассматриваем возможность обособления предикатива исключительно как возможную модификацию исходного высказывания, позволяющую разграничить предикатив и признаковый модификатор. Мы не отрицаем, что обособленный член выполняет функцию обособленного обстоятельственного определения.

Выбор способа представления признака носителя свидетельствует о значимости данного признака для коммуникативной ситуации. Признак, оформленный определением, образует с носителем единое целое и реализуется как статический, вневременной признак носителя. Признак, представленный предикативом или признаковым модификатором, осмысливается как динамический, а его соотношение с носителем устанавливается говорящим в момент речи. При этом оформленный предикативом динамический признак реализуется самостоятельно. А появление динамического признака, представленного признаковым модификатором, сопряжено с совершением субъектом-носителем признака физического действия. Другими словами, представленный признаковым модификатором признак приобретает ситуативную значимость именно в момент действия.

Установив особенности морфосинтаксического выражения признака носителя в простом предложении, считаем целесообразным классифицировать признаки с точки зрения характеристики носителя. Поскольку в одной коммуникативной ситуации признак носителя реализуется как статический, а в другой – как динамический, на данном этапе мы анализируем все признаки: оформленные определением, предикативом и признаковым модификатором.

Следует отметить, что в преимущественном большинстве предложений выборки признак одушевленного носителя представлен определением (46 %) и предикативом (49 %). Простые полиситуативные предложения с признаковым модификатором являются малоупотребительными в текстах повестей и рассказов на французском и белорусском языках (5 %): как мы уже говорили ранее, простое полиситуативное предложение является проявлением асимметрии языкового знака и «интеллектуального» использования единицы языка в речи говорящего. Вместе с тем именно нестандартное использование единиц языка представляет исследовательский интерес, поскольку синтаксическая структура простого предложения служит для передачи интенции говорящего – представить признак носителя, значимый в момент совершения физического действия.

Проведенный семантический анализ показал, что во французском и белорусском языках реализуются восемь признаков носителя. Активность признаков систематизирована в табл. 5.2.

Т а б л и ц а 5.2

Реализация признаков носителя в простом неосложненном предложении
современного французского и белорусского языков

Динамический признак носителя	Простое предложение				Всего	
	француз- ский язык		белорусский язык			
	%	ед.	%	ед.	%	ед.
1. Внешний вид	64,2	162	46,58	68	57,79	230
2. Физическое состояние	10,3	26	16,44	24	12,56	50
3. Эмоциональное состояние	10,3	26	10,96	16	10,55	42
4. Отношение к окружающим	6,0	15	12,33	18	8,29	33
5. Психологические особенности личности	6,0	15	11,64	17	8,04	32
6. Интеллектуальные способности	1,6	4	1,37	2	1,51	6
7. Количество носителей	1,2	3	0,68	1	1,01	4
8. Посессивные возможности	0,4	1	—	—	0,25	1
Всего	100	252	100	146	100	398

Как следует из табл. 5.2, во французском и белорусском языках содержание элементарной признаковой ситуации формируют восемь признаков, ранжированных по степени частотности: внешний вид носителя (цвет, размер или форма части тела, рост, телосложение, прическа, детали одежды), физическое состояние носителя (возраст, состояние здоровья, особенности физического развития), эмоциональное состояние носителя (чувства от ярости до радости), отношение носителя признака к окружающим (дружелюбие, настороженность, злость), психологические особенности личности носителя (черты характера, привычки, склонности), интеллектуальные способности носителя (ум, талант, мышление), количество носителей признака (один или несколько), посессивные возможности (нахождение в распоряжении субъекта некоторого объекта).

Признак, обозначающий внешний вид носителя, создает преимущественное большинство элементарных признаковых ситуаций, представленных простыми предложениями французского и белорусского языков (57,79 % общей выборки). Данный факт представляется вполне естественным и логичным: в художественном тексте роль портретного описания персонажа трудно переоценить. Особенно значимым описание является для рассказа и повести – художественных произведений небольшого объема:

(16) *Je découvris son visage net, ses yeux clairs, ses cheveux bouclés, longs, dorés, ses lèvres pleines, son cou moelleux aux attaches puissantes. Un de ses pieds dépassant du plaid, je remarquai que sa jambe était lisse, fuselée, dépourvue de poils, comme un marbre antique* ‘Я отметила его чистое лицо, светлые глаза,

вьющиеся, длинные, золотистые волосы, пухлые губы, мягкую и одновременно мускулистую шею. Одна его нога торчала из-под пледа, и я увидела, что она была гладкая, точеная, лишенная волос, как у античной мраморной статуи' [Schmitt 2010d, p. 40].

(17) *Аксана падышла да вузкага, доўгага люстра. Уважліва, прыдзірліва пачала аглядаць сябе з ног да галавы. Агляд не падбавіў настрою. Самае крыўднае, што знізу, да твару – усё выдатна: роўныя, моцныя, з драпінамі на каленях ногі, белыя з зялёнымі паскамі красоўкі, зялёныя шкарпэтки, зялёныя шорты да каленяў, зялёная майка. А вось вышэй... Кірпаты нос, акруглыя вясковыя шчокі, саламянага колеру валасы... Нічога ад бацькі, уся ў маці і ў бабулю! Не, хіба вочы, сінія, жывыя, з кашачымі рыскамі-зрэнкамі, – бацькавыя* [Федарэнка, с. 7–8];

Демонстрация физического (12,56 % выборки) и эмоционального (10,55 %) состояния носителя также служит для создания у читателя целостного представления о персонаже художественного произведения. Вместе с тем сообщение о таких признаках сопряжено с другой интенцией говорящего:

(18) – *Сядзі ціха, – прасінеў ёй у твар Павук, хапаючы яе за плечы. Рукі ў яго нечакана аказаліся моцнымі, бы ланцугі.*

Аксана, вырываючыся, хацела закрываць, але моцная, учэпістая далонь заціснула ёй рот [Там же, с. 189];

(19) *Змоўклі, выгаварыліся. Ляснік яшчэ больш расчырванеўся. Ён быў вельмі ўзбуджаны* [Саламаха 2017, с. 383];

(20) *Fanny avait l'air vraiment sonné* 'Вид у Фанни был по-настоящему оглушенный' [Gavalda 2001a, p. 134].

В коммуникативной ситуации (18) повествователь поясняет, почему Оксана не звала на помощь, когда ее силой посадили в машину: руки у Паука были сильными, и она не смогла вырваться. Другими словами, в (18) реализуется экспликативная интенция говорящего. Портретное описание Паука при данных условиях отходит на второй план.

В коммуникативных ситуациях (19) и (20) возникновение динамических признаков, обозначающих эмоциональное состояние носителей, обусловлено особыми ситуативными обстоятельствами. В (19) старые друзья поссорились, лесник предложил помириться и все забыть, но ответом на его предложение стали новые упреки. От проявленного к нему неуважения лесник пришел в возбужденное состояние и сильно покраснел. В (20) брат сообщает сестре, что съезжает с квартиры, которую они снимают. Сестра, не зная причин такого решения брата, приходит в недоумение. Привлечение внимания читателя к такому необычному (неестественному) признаку Фанни – *оглушенная* – должно заинтересовать читателя и заставить его осознать, насколько решение брата было для нее неожиданным. При этом в (19) и (20) также реализуется экспликативная интенция – потребность говорящего пояснить нестандартное, вызывающее недоумение, положение дел.

Представленное в текстах повестей и рассказов эмоциональное состояние носителя является преимущественно отрицательным (68 % общей выборки): *sonné*, *fam.* ‘assommé, étourdi par un coup’ ‘оглоушенный, получивший сильный удар’ [Le Petit Robert, p. 2397]; *affolé* ‘rendu comme fou sous l’effet d’une émotion violente (peur, sentiment d’être débordé; dépassé)’ ‘который словно потерял рассудок из-за сильного эмоционального переживания’ [Там же, p. 45]; *contrarié* ‘ennuyé ou fâché’ ‘раздосадованный, сердитый’ [Там же, p. 529]; *узбуджаны* ‘які знаходзіцца ў прыўзнята-нервовым стане; усхваляваны, узрушаны’ [ТСБМ, т. 5, с. 630]; *занепакоены* ‘устрывожаны, неспакойны’ [Там же, т. 2, с. 354]; *расчараваны* ‘які знаходзіцца ў стане расчаравання, які страціў веру’ [Там же, т. 4, с. 696] и т.п.

Вместе с тем встречаются и признаки, обозначающие положительные эмоции: *content* ‘qui éprouve un plaisir (motivé par une raison précise)’ ‘который испытывает удовлетворение (вызванное некоторым положением дел)’ [Le Petit Robert, p. 524]; *gai* ‘qui a de la gaieté’ ‘который испытывает веселость’ [Там же, p. 1112]; *задаволены* ‘поўны пачуцця задавальнення, зада-воленасці’ [ТСБМ, т. 2, с. 306]:

(21) *Stéphanie était contente* ‘Стефания была довольна’ (A. Gavalda. *Épilogue*, p. 165).

(22) *Чэсь прыбег з лесу ў вёску задаволены* [Федарэнка, с. 191].

Ситуативная значимость признака, обозначающего положительное или отрицательное эмоциональное состояние носителя, обусловлена предшествующим положением дел, которое и предопределяет появление данного признака у носителя. Так, в коммуникативной ситуации (21) Стефания была довольна потому, что ее пациент пошел на поправку. А в (22) Чесь прибежал в деревню удовлетворенный своей находкой в лесу. Ввиду ситуативной обусловленности появления у носителя динамического признака, обозначающего эмоциональное состояние носителя, такой признак оформляется предикативом (18–21) или признаковым модификатором (22).

В текстах французских и белорусских повестей и рассказов признак обозначает также отношение носителя признака к окружающим (8,29 %), психологические особенности его личности (8,04 %) и интеллектуальные способности (1,51 %):

(23) *Léa n’estimait sa fille ni jolie ni intelligente* ‘Лея не считала свою дочь ни красивой, ни умной’ [Schmitt 2010c, p. 143];

(24) *Людзі сустракаюцца розныя: і злыя, і нядобрыя, і зайздросныя* [Марчук, с. 202].

В высказываниях (23) и (24) используются несколько признаков носителя, выражающие разные его характеристики. Так, в (23) повествователь информирует читателя о признаках, обозначающих внешний вид дочери Леи (*joli* ‘dont la vue procure du plaisir, de l’agrément; qui séduit par sa grâce, son charme’ ‘внешний вид которого вызывает удовольствие, одобрение; который нравится своей изящностью, шармом’ [Le Petit Robert, p. 1393]) и его интел-

лектуальные способности (*intelligent* ‘qui est, à un degré variable, doué d’intelligence; qui comprend vite et bien, s’adapte facilement aux situations’ ‘который проявляет рассудительность, понимает быстро и правильно, легко адаптируется к разным ситуациям’ [Le Petit Robert, p. 1350].

В анализируемой коммуникативной ситуации имеет место стереотипное противопоставление двух признаков девушки: чтобы добиться успеха, девушка должна быть или красивой, или умной, а Стефания, по мнению матери, не была ни красивой, ни умной, поэтому она не могла ни удачно выйти замуж, ни найти высокооплачиваемую работу. Иными словами, в (23) ситуативно значимым оказывается отсутствие у Стефании динамических признаков. В ситуации рассказа знание об отсутствии у нее в глазах матери значимых для женщины признаков обуславливает дальнейшее развитие событий: Стефания считает себя некрасивой, не следит за модой и отвергает ухаживания мужчин.

В коммуникативной ситуации (24) говорящий сообщает о признаках, обозначающих взаимоотношения их носителей с окружающими (*злы* ‘поўны пачуцця злосці, варожасці, нядобразычлівасці; злосны’ [ТСБМ, т. 2, с. 483]; *нядобры* ‘які непрыязна, варожа адносіцца да ўсіх; злосны’ [Там же, т. 3, с. 427]) и психологические особенности личности (*зайздросны* ‘схільны да зайздрасці; з пачуццём зайздрасці’ [Там же, т. 2, с. 317]). Знание о возможном наличии у людей данных отрицательных динамических признаков предопределяют в ситуации рассказа настороженное отношение молодого человека к окружающим.

Следует отметить, что в зависимости от соотношения признака с самим носителем или частью его тела имеет место разная направленность характеристики:

(25) *Чэсь быў сярдзіты сёння* [Федарэнка, с. 86];

(26) *Твар у дзеда Макара быў зусім не сярдзіты* [Там же, с. 145].

В высказываниях (25) и (26) используется одно и то же имя прилагательное – *сярдзіты*. Однако в (25) оно используется в значении ‘які сярдуе, злуецца на каго-, што-н., перажывае гнеў’ [ТСБМ, т. 5, с. 450], а в (26) – в значении ‘які мае гнеўны, злы выраз’ [Там же]. Иными словами, в высказывании (25) признак *сярдзіты* обозначает эмоциональное состояние носителя, а в (26) служит для описания его внешнего вида.

Как показал проведенный семантический анализ, имя прилагательное *сярдзіты* и нижеприведенные прилагательные изменяют свое значение в зависимости от характеристики носителя или части его тела:

- *gai* ‘qui marque de la gaieté’ ‘который выражает веселость’ (внешний вид) / ‘qui a de la gaieté’ ‘который испытывает веселость’ (эмоциональное состояние);

- *triste* ‘qui est grave, austère, qui n’est jamais porté à rire’ ‘суровый, строгий, который не склонен смеяться’ (внешний вид) / ‘qui éprouve du chagrin’ ‘который испытывает горечь’ (эмоциональное состояние);

- *грозны* ‘які выражае пагрозу’ (внешний вид) / ‘суровы, жорсткі ў абыходжанні з другімі’ (отношение к окружающим);
- *пануры* ‘які выражае хмурнасць, суровасць; з апушчанай галавой, панылы’ (внешний вид) / ‘непрыветлівы, хмурны, суровы’ (психологические особенности личности);
- *сярдзіты* ‘які мае гнеўны, злы выраз’ (внешний вид) / ‘які сярдуе, злуецца на каго-, што-н., перажывае гнеў’ (эмоциональное состояние).

Изменение значения имени прилагательного, выражающего в простом неосложненном предложении признак одушевленного носителя как его внешний вид или внутреннее состояние, позволяет подтвердить «интеллектуальный» способ использования единиц языка в речи говорящего.

Во французском и белорусском языках в простом предложении с признаковым модификатором содержание элементарной признаковой ситуации, которая накладывается на элементарную процессуальную, формирует прилагательное *seul/адзін* (1,01 % общей выборки):

(27) *Les mois ont passé. Myriam venait de plus en plus souvent et presque toujours seule* ‘Шли месяцы. Мириям приходила все чаще и почти всегда одна’ [Gavalda 2001a, p. 124];

(28) *Міхал спачатку не зусім ахвотна, а потым захапіўшыся, сказаў усё на парадку. Чэсь перабіваў, дапаўняў. Урэшце Міхал накрыдзіўся. Чэсь пачаў гаварыць адзін* [Федарэнка, с. 162].

В обоих языках данное имя прилагательное используется в значении ‘который оказывается без компании, отделенный от себе подобных’ [Le Petit Robert, p. 2363; ТСБМ, т. 1, с. 135] и обозначает количество субъектов, совершающих действие: *Мириям приходила одна* (без молодого человека, хотя раньше они всегда приходили вдвоем); *Михаил замолчал и Чеслав говорил один* (без Михаила).

Согласование имени прилагательного с подлежащим (*Myriam – seule*) и возможность следующих трансформаций свидетельствуют о том, что в исходных высказываниях признак *один (одна)* соотносится с субъектом:

(27a) *Myriam venait de plus en plus souvent et presque toujours elle était seule* ‘Мириям приходила все чаще и почти всегда она была одна’;

(28a) *Чэсь пачаў гаварыць. Ён быў адзін.*

Формально анализируемые высказывания репрезентируют одну элементарную процессуальную ситуацию (*Мириям приходила одна; Чэсь пачаў гаварыць адзін*). Однако выражение одного субъекта действия подлежащим, а другого – признаковым модификатором свидетельствует, с одной стороны, о роли количества субъектов в представлении коммуникативной ситуации, с другой – о целенаправленности речетворчества говорящего, оформляющего элементарную признаковую ситуацию признаковым модификатором *seul/адзін*, а не предложной конструкцией (*sans son copain* ‘без молодого человека’; *без Міхала*). Основанием говорить о формировании в (27, 28) элементарной признаковой ситуации как компонента осложненной является, таким образом, наличие признакового модификатора.

В одном высказывании французского языка (0,25 % выборки) содержание элементарной признаковой ситуации формирует оформленное предлогом имя прилагательное *libre* ‘qui n’est pas utilisé, occupé, réservé à un usage particulier’ ‘ничем не занятый’:

(29) *Quand elle a un moment de libre, au lieu de prendre un livre, Gerda brode, triture un crochet, tourmente la laine, ce genre de choses* ‘Когда ей выдается свободная минутка, вместо того, чтобы взять книгу, Герда вышивает, вяжет крючком, прядет или занимается чем-то подобным’ [Schmitt 2010d, p. 34].

Высказывания, построенные по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», употребляются во французском языке в том случае, если предикатив обозначает временный признак и соотносится с ограниченным количеством объектов, входящих в личную сферу субъекта, – *одна свободная минута* [Манько 2018, л. 49–51]. При этом с грамматической точки зрения наличие предлога *de* является необязательным для сочетания прямого дополнения *un moment* ‘одна минута’ с предикативом *libre* ‘свободная’, но соответствует особой интенции говорящего: выделить ситуативно значимый признак.

В коммуникативной ситуации (29) речь идет о Герде, которая помогает своей одинокой тетушке по хозяйству. Герда готовит, убирает дом, ходит за покупками, поэтому вполне естественно, что у нее практически нет свободного времени. Когда ей все-таки выдается свободная минутка, Герда предпочитает заниматься рукоделием. Можно говорить о выполнении предлогом *de* контрастной функции: одна свободная минута противопоставляется всему тому времени, когда Герда занята.

Привлечение внимания к динамическому признаку ограниченного количества объектов, входящих в личную сферу субъекта, логично требует наличия у него данных объектов. Таким образом, предикативное ядро простых предложений, построенных по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», не составляет содержание отдельной элементарной ситуации. Предложения с предикативом, оформленным предлогом *de*, являются моноситуативными, поскольку репрезентируют одну элементарную признаковую ситуацию (наличие свободного времени).

Как и высказывания с признаковым модификатором *seul/adzін*, высказывания, построенные по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», свидетельствуют о гибкости языковой системы: использование периферийных синтаксических структур позволяет выразить максимальный объем информации минимальными языковыми средствами.

* * *

Проведенный анализ морфосинтаксического выражения квалификативного признака одушевленного носителя и его семантической природы позволяет сделать ряд выводов о закономерностях репрезентации признака в простом неосложненном предложении французского и белорусского языков.

В простом неосложненном предложении признак одушевленного носителя выражен именем прилагательным, адъективированным причастием или предложной группой. Активное употребление имени прилагательного свидетельствует о его богатом семантическом содержании: прилагательное указывает на эмоциональное или физическое состояние носителя, внешний вид, отношение к окружающим, психологические особенности личности, его интеллектуальные способности, а также количество носителей признака и его посессивные возможности. Адъективированное причастие обозначает преимущественно эмоциональное состояние носителя, возникшее в результате особых ситуативных обстоятельств, чаще негативных. Предложная группа используется для выражения признака, обозначающего внешний вид носителя или его эмоциональное состояние, в случае отсутствия имени прилагательного или адъективированного причастия.

Признаки одушевленного носителя реализуются в простом неосложненном предложении как статические (вневременные) и динамические (значимые в определенный момент времени). Динамический признак оформляется предикативом (обязательный компонент простого предложения) или признаковым модификатором (необязательный компонент простого предложения), в то время как статический – заранее данный – признак оформляется определением. При этом выбор способа оформления признака обусловлен интенцией говорящего – его потребностью представить признак и его носителя как единое целое (определение) или подчеркнуть ситуативную значимость признака (предикатив/признаковый модификатор).

Содержание элементарной признаковой ситуации формируется во французских и белорусских повестях и рассказах 8 динамическими признаками: внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние, отношение носителя признака к окружающим, психологические особенности его личности, интеллектуальные способности, количество носителей признака, а также посессивные возможности. При этом один и тот же признак, в зависимости от характеристики самого носителя или его части тела, может обозначать внешний вид носителя или его эмоциональное состояние, психологические особенности личности, а также отношение к окружающим.

Универсальный характер восьми выявленных признаков не исключает их национальной специфики: выявленные признаки более частотны для французского, нежели для белорусского языка. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что франкоязычные повести и рассказы имеют более выраженный описательный (признаковый) характер, в то время как для белорусскоязычных повестей и рассказов свойственно сообщение о действиях персонажей.

Простое предложение, репрезентирующее самостоятельную элементарную признаковую ситуацию (динамический признак представлен предикативом) или элементарную признаковую ситуацию в составе осложненной процессуально-признаковой ситуации (динамический признак представлен признаковым модификатором) выполняет информативную функцию: гово-

рящий субъект сообщает адресату о наличии у носителя ситуативно значимого признака. Вместе с тем сообщение о динамическом признаке носителя служит когезии и когеренции художественного произведения: появление динамического признака, обусловленное особыми ситуативными обстоятельствами, предопределяет дальнейшее развитие событий. При этом высказывание нередко реализует экспликативную интенцию говорящего.

Репрезентация в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций является показателем асимметрии языкового знака, план содержания которого не соответствует плану его выражения. Порождение асимметричных предложений является следствием «интеллектуального» способа использования языка в речи говорящего: потребность реализовать свою интенцию побуждает говорящего к переосмыслению формы языкового знака, наполнению ее новым содержанием, а также к поиску новых способов оформления одной и той же мысли.

Проведенный анализ способов представления признака в простом неосложненном предложении на материале двух не родственных языков позволил подтвердить зависимость синтаксической структуры простого предложения от интенции говорящего. Говорящий – творец речевой деятельности – руководствуясь стремлением привлечь внимание адресата к значимому в определенный момент времени признаку носителя, сознательно нарушает равновесие между грамматической структурой простого предложения и семантическим объемом его содержания. Нестандартное синтаксическое оформление простого неосложненного предложения свидетельствует, с одной стороны, об «интеллектуальном» использовании языка в речи, с другой – об особом прагматическом потенциале простого предложения.

Глава 6. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная глава посвящена описанию качественных и количественных характеристик семи сочинительных союзов, а именно *et* 'и', *ou* 'или', *mais* 'но', *ni* 'ни', *donc* 'значит', *or* 'итак', *car* 'так как' в период старофранцузского языка (XI–XIII вв.) с привлечением данных Национального корпуса французского языка Frantext. Впервые представлены особенности развития системы сочинительных союзов в старофранцузском периоде, в котором намечаются основные тенденции развития класса сочинительных союзов.

6.1. К вопросу о частеречной принадлежности союзов

Естественный язык располагает множеством средств выражения обобщенных смысловых отношений между высказываниями и его частями. К таким средствам относятся, прежде всего, союзы – специально предназначенный для этой цели класс служебных слов.

Грамматическая традиция, восходящая к античности, выделяла части речи на основании их морфологических признаков, различая слова склоняемые, спрягаемые и неизменяемые. Во французском языке морфологические признаки слов, в силу его аналитичности, менее выражены и при выделении частей речи грамматисты исходили либо из семантико-логического содержания слов, либо из особенностей их дистрибуции, классически разграничивая самостоятельные и служебные слова.

Обзор теорий частей речи во французской грамматике показывает, что союзы как часть речи во французской грамматике выделялись лингвистами и классифицировались как: *грамматические знаки*, назначение которых состоит в формировании синтагмы и предложения [Балли 1955]; *éléments articulatoires* 'соединяющие частицы' [Sauvageot 1978]; *espèces de jonction* 'служебные связующие' единицы в противопоставлении актуализирующим [Galichet 1970] или *espèces grammaticales* 'грамматические единицы', подчеркивая роль синтаксических связей при выделении частей речи [Guiraud 1961]; *jonctifs* 'юнктивы' как «пустые» вспомогательные неизменяемые слова, выполняющие грамматическую роль [Tesnière 1988]; *морфемы*, а именно «грамматические орудия» (т.е. выразители чисто грамматических отношений) [Вандриес 2001]; одна из 12 *essences logiques* 'логических сущностей', которая с учетом общего значения и семантической функции входят в категорию *affonctif* 'аффонктивов', характеризую явления, качества, а с учетом строевой функции слова в предложении входят в класс служебных слов (*strument* 'струменты') [Damourette, Pichon 1956, vol. 1]; дополнительная служебная часть речи, связывающая члены предложения или предложения [Гак 2000].

При определении категориального значения семи французских сочинительных союзов *et* 'и', *ou* 'или', *mais* 'но', *ni* 'ни', *donc* 'значит', *or* 'итак', *car* 'так как', которые в современной грамматике квалифицируются как «основные или собственно сочинительные союзы» [Grevisse, p. 1452], их первичной функцией признается соединение семантически и функционально однородных элементов ([Antoine; Гак 2000] и др.). Внешне малозаметные «словечки отношений» передают и даже «протоколируют» осмысление событий, в которых каузально связанным оказывается все сущее – природа, человек, социум [Барт, с. 231]. Многообразие выражаемых союзами отношений (соединительных, разделительных, противительных и т.д.) расширяет их семантический объем [Виноградов 1972].

С конца прошлого века широко обсуждается идея наличия у сочинительных союзов не только связующей функции, но и собственной семантики, которая состоит в выражении определённого отношения [Antoine; Гак 2000]. Так, в работах по французской грамматике утверждается выражение соединительных отношений сочинительным союзом *et* 'и' [Гак 2000; Реферовская; Илия; Antoine; Grevisse; Grammaire Larousse; Riegel 2016], отношений одновременности и последовательности [Реферовская; Grevisse], а также отношения следствия и противопоставления (одних фактов другим) [Реферовская]. Разделительные отношения реализуются посредством союза *ou* 'или', 'либо' и описываются во всех работах. Отмечаются противопоставительные отношения, выражаемые союзом *mais* 'но', 'а' [Илия 1962; Grammaire Larousse; Riegel 2016]. Более детальное описание отношений, реализуемых разделительными, противопоставительными союзами, представлено во французской грамматике [Инькова-Манзотти]. Отношения следования реализуются посредством союза *or* 'а', 'же' [Гак 2000; Реферовская; Riegel 2016; Grevisse]. Причинно-следственные отношения могут выражаться не только благодаря использованию подчинительных союзов, но при помощи сочинительных союзов, таких как *donc*, *car* 'так как', 'следовательно', что также нашло отражение в работах [Гак 2000; Riegel 2016; Grevisse].

Рассмотрение вопроса о частеречной принадлежности единиц к разряду сочинительных союзов вызывает необходимость описание их качественных и количественных характеристик. Под качественными характеристиками мы подразумеваем семантические и функциональные свойства, а под количественными – исчисляемость их состава и употребительность. В этой связи особого внимания заслуживает вопрос качественных и количественных характеристик семи сочинительных союзов, а именно *et* 'и', *ou* 'или', *mais* 'но', *ni* 'ни', *donc* 'значит', *or* 'итак', *car* 'так как' в период старофранцузского языка (XI–XIII вв.).

Принимая во внимание тот факт, что изменения грамматического строя, представляющего собой более строгую систему значений и форм в отличие от лексического и фонетического, происходят достаточно медленно в диахронии [Аллендорф; Катагощина; Скрелина], система сочинительных союзов как необходимая составляющая грамматической системы любого языка

рассматривается в данном исследовании с позиции диалектического единства устойчивости и изменчивости. С одной стороны, грамматический строй каждого языка стабилен и своеобразен, с другой стороны, это постоянно преобразующаяся и развивающаяся система [Гумбольдт; Звегинцев].

6.2. Методика исследования

Лексикографический и грамматикографический анализ семи современных сочинительных союзов, а именно *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’ проводился на основании их описания в следующих авторитетных изданиях:

- Centre National des ressources textuelles et lexicales (далее CNRTL);
- Trésor de la Langue Française (далее TLF);
- Grand Larousse de la langue française (далее GLLF);
- Grammaire élémentaire de l’ancien français (далее GEAF);
- Dictionnaire de l’ancien français (далее DAF);
- Dictionnaire de l’ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle (далее DALF).

Проведенный анализ позволил установить вариативность письменной формы анализируемых в исследовании единиц, представленных в табл. 6.1.

Т а б л и ц а 6.1

Вариативность письменной фиксации сочинительных союзов
в старофранцузском языке

Сочинительный союз	Варианты (кол-во, ед.)
<i>et</i> ‘и’	<i>e, et, etz, ét, &c</i> (5)
<i>ou</i> ‘или’	<i>u, ov, ou, o</i> (4)
<i>mais</i> ‘но’	<i>mais, maix, maiz, meis, mes, mez, mees, mai, mas</i> (9)
<i>ni</i> ‘ни’	<i>n', ne, ni, ny, nē</i> (5)
<i>donc</i> ‘значит’	<i>donc, don, dont, dons, diint, dune, dounke</i> (7)
<i>car</i> ‘так как’	<i>car, kar, qar, quar</i> (4)
<i>or</i> ‘итак’	<i>or, hora, ores, ore</i> (4)

При отборе практического материала исследования учитывалась представленная выше вариативность письменной фиксации сочинительных союзов в старофранцузском языке.

Обращение к Национальному корпусу французского языка Frantext позволило сформировать собственный исследовательский корпус старофранцузского языка, который включает 59 документов старофранцузского периода (XI–XIII вв.), общим объемом 2 829 657 словоупотреблений. Тексты, написанные на старофранцузском языке, даются в Корпусе с морфологической разметкой и с учетом унифицированной орфографии союзов.

Количественные показатели вхождения сочинительных союзов в исследовательском корпусе представлены в табл. 6.2.

Таблица 6.2

Общее количество вхождения сочинительных союзов в корпусе

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>mais</i> 'но'	<i>ou</i> 'или'	<i>ni</i> 'ни'	<i>donc</i> 'значит'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	Всего
Из них, ед.	77 197	5 109	7448	51	408	4 054	2 109	96 376
Из них, %	80,1	5,3	7,7	0,05	0,5	4,2	2,2	100 %

Как следует из табл. 6.2, в старофранцузском периоде фиксируется 77 197 вхождений союза *et*, что составляет 80,1 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде. В четырех случаях из пяти в старофранцузском языке используется сочинительный союз *et* 'и'. Установлено, что употребление сочинительных союзов в период старофранцузского языка составляет 3,41 % от всех словоупотреблений исследовательского подкорпуса (96 376 от 2 829 657).

«Столь значительный объем корпусных данных», по мнению А. Н. Баранова и Л. А. Тарасевич, который «типичен для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами, – союзов, местоимений, предлогов», закономерно вызывает вопрос об ограничении корпусного материала разумными пределами для оптимизации последующих исследовательских процедур [Баранов; Тарасевич, с. 63]. Следовательно, в первую очередь для выявления частотных характеристик употребительности французских сочинительных союзов ограничиваемся сегментами, представленными одним миллионом словоупотреблений (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Абсолютная частота употреблений сочинительных союзов
в старофранцузский период

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>ou</i> 'или'	<i>mais</i> 'но'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	<i>donc</i> 'значит'	<i>ni</i> 'ни'
Частота, ед.	27 281	2 632	1 836	1432	745	144	21

Исходя из корпусных данных, констатируем, что частотность союза *et* 'и' в десять раз превышает частотность сочинительных союзов *ou* 'или' и *mais* 'но', в десятки раз – *car* 'итак' и *or* 'так как', в сотни раз превосходит частотность союза *donc* 'значит' и в тысячу раз превосходит частотность союза *ni* 'ни' в старофранцузском периоде.

Исследовательский корпус старофранцузского языка представлен различными типами текстов старофранцузского письменного языка (XI–XIII вв.) в определенной пропорции, отражающей их долю в общем массиве старофранцузских текстов, а именно: драматургические тексты (общее количество

словоупотреблений 28 528, или 1,01 % от всех словоупотреблений подкорпуса), официально-деловые и юридические тексты (182 244 словоупотреблений, или 6,44 %), художественные тексты разных жанров и направлений (романы, эпические поэмы, писания, жития, сказания и поэзию) (1 306 499 словоупотреблений, или 40,37 %). Кроме того, отдельно выделяются тексты без установленного авторства, которые составляют значительный объем в общем массиве старофранцузских текстов, а именно 1 476 386 словоупотреблений, или 52,18 %, и представляют разножанровые произведения, как драматургические и художественные, так и официально-деловые и юридические. Количественные показатели употребительности сочинительных союзов по типам текстов в старофранцузском языке представлены в табл. 6.4.

Т а б л и ц а 6.4

Употребительность сочинительных союзов
в старофранцузском языке по типам текстов

Типы текстов	Кол-во вхождений сочинительных союзов в подкорпусе, ед.								
	<i>et</i> ‘и’	<i>mais</i> ‘но’	<i>ou</i> ‘или’	<i>ni</i> ‘ни’	<i>donc</i> ‘значит’	<i>car</i> ‘так как’	<i>or</i> ‘итак’	Всего	
								ед.	%
Художественные	36 161	1 724	3 300	4	316	3472	987	45 964	47,7
Официально-деловые	11 069	174	1 218	18	16	13	22	12 530	13,0
Драматургические	357	91	59	3	8	21	47	586	0,6
Авторство неустановленно	29 610	3 120	2 871	26	68	548	1 053	37 296	38,7

Количественный анализ вхождения сочинительных союзов в исследовательском корпусе показал их неравномерную представленность в старофранцузском языке по жанровым типам текстов. Максимальное количество употреблений союзов в этом периоде установлено в художественных текстах (47,7 %). В официально-деловых и драматургических типах текстов зафиксировано минимальное количество употреблений сочинительных союзов (13 и 0,6 % соответственно). Для объективности представленных количественных показателей необходимо отметить, что на долю текстов неустановленного авторства приходится 38,7 % употребления союзов.

Описание количественных характеристик сочинительных союзов проводится нами на материале древнейшего памятника старофранцузского языка «Песня о Роланде» (*La Chanson de Roland*, далее Rol), одной из самых известных и значительных эпических поэм, повествующей о битве в Ронсевальском ущелье между армией Карла Великого и войском басков.

Сочинительные союзы составляют 3,55 % от общего количества словоупотреблений в тексте Песни (1 094 от 30 823), что коррелирует с общей

тенденцией употребления сочинительных союзов в период старофранцузского языка (см. табл. 6.2). Количественные показатели употреблений сочинительных союзов в тексте Песни представлены в табл. 6.5.

Т а б л и ц а 6.5

Употребительность сочинительных союзов
в тексте Песни

Союзы	<i>et</i> ‘и’	<i>mais</i> ‘но’	<i>ou</i> ‘или’	<i>ni</i> ‘ни’	<i>donc</i> ‘значит’	<i>car</i> ‘так как’	<i>or</i> ‘итак’	Всего
Из них, ед.	937	39	19	23	11	23	34	1086
Из них, %	86,2	3,6	1,8	2,1	1,0	2,1	3,1	100 %

Как следует из табл. 6.5, в тексте Песни сочинительному союзу *et* ‘и’ отводится ведущая связующая роль в 86 % случаев, что соотносится с данными корпуса, где количество вхождений союза *et* ‘и’ составляет 80,1 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде. Следует отметить, что относительные показатели употреблений каждого сочинительного союза в тексте Песни также коррелируют с относительными показателями их вхождения в исследовательском корпусе (ср.: *mais* ‘но’ 3,5 % vs 5,3 %, *or* ‘итак’ 3,1 % vs 2,19 % соответственно и т.д.). Наблюдаемые различия – в границах 1 % – являются статистически незначимыми.

Корреляция количественных характеристик сочинительных союзов в исследовательском корпусе и в тексте Песни объективно свидетельствует о репрезентативности данного текста для дальнейшего исследования. Таким образом, исследовательский материал, «отражая все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в данной области», представлен «пропорционально суженным» [Баранов, с. 118].

Для проведения анализа качественных характеристик сочинительных союзов в старофранцузском языке дополнительно используются как примеры из корпуса Frantext, так и оригинальные литературные произведения, представляющие собой древнейшие памятники старофранцузского языка: «Страсбургские клятвы» (*Serments de Strasbourg*, далее Str), «Секвенция о святой Евлалии» (*Séquence de sainte Eulalie*, далее Eul).

6.3. Семантика и функционирование сочинительного союза *et* ‘и’

Самый употребительный в старофранцузском языке сочинительный союз *et* восходит к латинскому союзу, обозначая «le lien, le renforcement, l’opposition» ‘связи, усиления, противопоставления’ (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – Ю. О.) (TLF).

Первая письменная фиксация союза относится к 842 г. В «Страсбургских клятвах», текст которых включает два фрагмента (клятву, прочтенную Людовиком Немецким перед войском Карла и клятву, прочтенную войском Карла), сочинительный союз *et* 'и' встречается 7 раз, представляя три раза одиночный союз и два раза – повторяющийся:

(1) *Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, d'ist di en avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai eo cist meon fradre Karlo, et in aiudha et in cadhuna cosa, <...> et ab Ludher nul plaid num quam prindrai qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit. Si Lodhuvigs sacrament que son fradre Karlo jurat conservat, et Karlus meos sendra de suo part non lostanit...* 'Во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения с этого дня впредь, насколько Бог мудрость и власть мне даёт (или: дал), так спасу я этого своего брата Карла и в помощи и в каждом деле, <...> и с Лотарем никакого договора не заключу, который по моей воле этому моему брату Карлу в ущерб был бы. Если Людовик клятву, которую он дает своему брату Карлу, сдержит, а Карл, мой господин, со своей стороны её нарушит ...' (пер. В. И. Томашпольского) (Str).

Одиночный союз *et* 'и' соединяет прямые дополнения *savir et podir* 'мудрость и власть'. Повторяющийся союз *et... et...* 'и... и...' соединяет косвенные дополнения *pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament* 'во имя любви к Богу и во имя христианского народа и нашего общего спасения', указывая на то, что перечисление является исчерпывающим [Урысон]. Причем в *et in aiudha et in cadhuna cosa* 'и в помощи и в каждом деле' союз *et* 'и' уже используется перед первым сочиненным элементом, «renforçant la notion d'ensemble» 'усиливая значения общности' (CNRTL). В двух последних случаях приведенного примера союз *et* 'и' позволяет реализоваться сложным синтаксическим построениям: [..., (*quant ...*), (*si...*), *et* 'и'...], (*qui...*) и (*si... (que ...)*, ...), *et* 'и'(...) [<...>] соответственно.

В «Секвенции о святой Евлалии», представляющей собой агиографическое сочинение конца IX века, фиксируется первое инициальное употребление союза *et* 'и', маркирующего «un enchaînement» 'присоединение' двух самостоятельных предложений (CNRTL):

(2) *La polle sempre n[on] amast lo d[ō] menestier. / E por[]o fut p[re]sentede maximien* Но предпочла она Творцу служить. / **Вот** предстает перед Максимилианом... (пер. В. М. Лурье) (Eul).

Согласно корпусным данным инициальное употребление союза *et* 'и' в период старофранцузского языка фиксируется 11 479 (или 14,87 % от 77 197 вхождений союза).

В «Песне о Роланде» сочинительный союз *et* 'и' встречается 937 раз (85,65 % от всего количества вхождений сочинительных союзов в этом тексте), устанавливая сочинительную связь между членами предложения и простыми предложениями в составе сложного. Причем союз впервые появляется в инициальной позиции вопросительных и восклицательных предложений, маркируя присоединение (CNRTL):

(3) *Où est Engelier le Gascon? Et le duc Samson et le baron Anséis?* ‘Где Анжелье Гасконский? И герцог Самсон с бароном Ансеисом?’.

Анализ функционирования союза *et* ‘и’ в старофранцузском языке на примере литературного памятника «Песня о Роланде» показал, что сочинительный союз *et* в 95,6 % случаях представляет отношение «чистой конъюнкции», традиционно включающее:

- соединение, которое трактуется французскими лингвистами как отношение «ensemble» ‘совокупности’:

(4) *Ki puis veïst Rollant e Oliver* ‘Видели б вы Роланда с Оливьером!’¹;

(5) *Karles l’oït e ses Franceis l’entendent* ‘Услышал Карл и вся франкская рать’;

- перечисление, которое, согласно Е. В. Урысон, представляет семантически наиболее «пустое» употребление союза, соединяющего однородные члены предложения: *des fies e des honurs* ‘наделы и феоды’, *e des pulcele e des gentilz oixurs* ‘дев и жен высокородных’, *endurer e granz chalz e granz freiz* ‘должен терпеть и тяжкий жар, и холод’, *par feid e par amor* ‘верно и любовно’, *bataille avrum e forte e aduree* ‘битва нас ждет всех горше и сильней’, *l’olifan sunet a dulong e a peine* ‘и в муке злой трубит в свой Олифант’, *plurent e crient, demeinent grant dolor* ‘плачут, кричат, клянут свою невзгоду’, *uvrir e tuz les quers e paille recueillir* ‘вынуть сердца и завернуть в холстину’.

В тексте Песни повторяющийся союз *et... et...* ‘и... и...’ встречается около 80 раз (*bataille avrum e forte e aduree* ‘битва нас ждет всех горше и сильней’, *en ad e dulong e pesance* ‘в тяжелой тоске и в горе’), образуя синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии, например: *lé galops e les salz* ‘вприпрыжку и вскачь’, *par honur e par ben* ‘по чести и добром’, *e veies e chemins* ‘по путям и дорогам’. Сюда же относятся плеонастические пары: *moerent paien a millers e a cent* ‘тысячи мрут и сотни’, *bassent lur chefs e lur mentun* ‘склоняют все главу и подбородок’ – где одно понятие уже заключено в другом.

В ходе анализа было выявлено, что союзу *et* ‘и’ свойственно соединять две не противопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности, маркируя отношения не «чистой конъюнкции» (не более 4,4 % от всех случаев его употребления в тексте Песни). Выявленные «неконъюнктивные» употребления союза представлены согласно классификации, разработанной российским лингвистом Е. В. Урысон [Урысон]. Союз *et* ‘и’ выражает следующие «неконъюнктивные» отношения:

- одновременность, когда союз связывает простые предложения в составе сложного при логически параллельных построениях, где наблюдается тенденция к изменению симметрического порядка:

(6) *Clers est li jurz e li soleilz luisant* ‘Сияет день, и солнце светит жарко’;

¹ В ходе исследования используется перевод Песни со старофранцузского языка на русский по оксфордскому изданию Б. И. Ярхо.

• последовательность, когда союз соединяет «предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий» и, по мнению Е. В. Урысон, является маркером «нормального развития повествования» [Урысон]. Ср.:

(7) *Qu'il devendrat jointes ses mains tis hom / E tute Espaigne tendrat par vostre dun* 'И, как вассал, вам длани протянуть, / Царство принять из ваших рук'.

Необходимо отметить, что для выражения последовательности событий в старофранцузском языке с 980 г. начинает использоваться темпоральное наречие *puis* (*pueis, pues, puez, poiz, pos, post, pou* в старофранцузском языке) в значении *après, depuis* 'затем', 'с тех пор'¹, которое непосредственно в тексте Песни встречается 54 раза. Данный союз соединяет как однородные сказуемые (8), так и два простых предложения (9):

(8) *De sa main destre l'ad asols e seignet, / Puis li livrat le bastun e le bref.* 'Затем посланца осенил крестом, / Жезл протянул ему, вручил письмо';

(9) *Kar chascun jur de mort s'abandunet. / Seit ki l'ociet, tute pais puis avriumes.* 'Он каждый день рискует головою. / Убить его – и прекратятся войны'.

В ходе анализа был установлен случай совместного употребления союза *et* 'и' и наречия *puis* 'затем', где наречие выступает как смысловой конкретизатор союза:

(10) *Par les oreilles fors se ist la cervel. / De ses pers priet Deu ques apelt, / E puis de lui a l'angle Gabriel* 'Уж из ушей текут его мозги. / Молится он, чтоб перов бог простил / И принял их архангел Гавриил';

• причинно-следственные отношения, отражающие хронологическую последовательность событий, где $P_{1\text{причина}} \rightarrow P_{2\text{следствие}}$:

(11) *Fors de la teste li met les oilz ansdous, / E la cervelle li chet as piez desuz...* 'Из головы повыбил оба ока, / До самых ног стекают капли мозга...' (где P_1 выбитые глаза $\rightarrow P_2$ стекающая кровь (P_1 et 'и' P_2));

• сопоставление, когда союз связывает предложения с повторяющимися или семантически близкими предикатами:

(12) *Rollant est proz e Oliver est sage* 'Ролланд удал, а Оливьер умен';

• пояснительные отношения, где вторая часть сложносочиненного предложения, вводимая союзом *et* 'и', представляет собой дополнение к содержанию первой части:

(13) *Colp en avras einz que nos departum. / E de m'espee enquoi savras le nom.* 'Ты от меня не уйдешь без урока. / Как звать мой меч, узнаешь раньше срока'.

В Песни были выявлены случаи, когда союз при установлении сочинительной связи между двумя предложениями имеет усилительное значение:

(14) *Ben sunt asols e quites de lur pecchez...* 'Сняты грехи, дано им отпущенье...'

¹ Совместное употребление союза *et* 'и' и наречия *puis* 'затем' фиксируется с 1200 г. при перечислении (CNRTL).

Отношение противопоставления, выражаемое союзом *et* 'и', представлено в тексте Песни единичными случаями:

(15) *Cist nus sunt pres, e trop nus est loinz Carles* 'Нечестивые близко от нас, а Карл слишком далеко';

(16) *Si vunt ferir, que fereient il el ? / E Sarrazins nes unt mie dutez...* 'Спешат разить. А что им делать боле? Но сарацин не испугался боя...'.¹

Следует отметить, что в старофранцузском языке сочинительный союз *et* 'и' используется для ввода главного предложения при наличии в придаточном темпорального союза. В предложениях, построенных по модели:

(*quand/se...*), [*et...*] –

темпоральное союзное наречие *quand* 'когда', обозначая текущий момент *à ce moment-là* 'в этот самый момент', выражает более или менее очерченный промежуток времени, а наличие союза *et* 'и' подчеркивает одновременность действий или состояний¹:

(17) *Quant jo serai en la bataille grant / E jo ferrai e mil colps e .VII. cenx...* 'Врагов в бою я сумею найти, / Тысячу ран и семьсот нанести...';

(18) *E li message descendirent a piet, sil saluerent par amor e par bien* 'И посланцы спешились, и приветствовали его по любви и по добру'.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в старофранцузский период уже существуют сложные синтаксические построения которые во французской грамматической традиции принято называть «*constructions imbriquées*», где одновременно реализуется три вида связи: сочинение, подчинение и бессоюзие [Grevisse].

Следующий пример (19) из нашего исследовательского корпуса демонстрирует соединение равноправных придаточных и их соподчинение от одной главной части в составе сложного предложения. Причем союз *et* 'и' служит для соединения однородных придаточных как цели (*se* 'если'... *et* 'и'...), так и условия (*que* 'чтоб'..., *et* 'и'...):

(*se* 'если'... *et* 'и'...), (*que* 'чтоб'..., *et* 'и'...), (*se* 'если'...), [...]: (...).

(19) *Se mon seignor le roi plesoit / et une chose me faisoit / que il vousist je fusse moines, / reclus, hermites ou chanoines, / et me feïst vestir la here, / certes, se ce li voloit plaire, / icel mortel siecle et l'anvie / lairoie : plus n'an ai anvie* 'Если бы это понравилось моему королю и он сделал бы мне одолжение, чтоб я был монахом, отшельником или каноном и заставил бы меня принять постриг, конечно, если бы ему это понравилось, я бы покинул этот век и зависть, так как я больше не хочу' (перевод наш) (J. Renart. *Roman de la Rose* ou Guillaume de Dole, 1228. V. 2067–74).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что уже в старофранцузском языке союзу *et* 'и' отводится ведущая связующая роль, обусловленная широтой его употребления: от простого предложения до сложносочиненного

¹ В современном французском языке такая одновременность передается иначе, исключительно темпоральными союзными наречиями без употребления союза *et*. Ср.: *Plus il regardait moins il voyait* 'Чем больше он смотрел, тем меньше он видел' [Foulet, p. 335].

целого. В старофранцузском языке союз *et* ‘и’ выражает не только соединительные и перечислительные отношения, а также отношения, основанные на принципе субъективно окрашенного, внезапного ассоциативного присоединения, но и отношения несоединительные (одновременности, последовательности, причинно-следственные, сопоставительные и пояснительные).

6.4. Семантика и функционирование сочинительного союза *ou* ‘или’

Разделительный союз *ou* ‘или’ (*u, ov, ou, o* в старофранцузском языке), первое упоминание которого относится к первой половине X века, восходит к латинскому *aut* (DALF).

Согласно лексикографическим источникам союз *ou* ‘или’, который соединяет две не противопоставленные друг другу части (TLF), одна из которых соответствует действительности, употребляется как для выражения разделительной, так и неразделительной дизъюнкции.

Изначально для разделительной дизъюнкции используется одиночный союз *ou* ‘или’, указывающий на *une alternative dont l'un des termes entraîne l'exclusion de l'autre* ‘выбор одного из множества’ (CNRTL). Причем элементы этого множества противопоставлены друг другу, например:

(1) *Par lui orrez si avrez pais u nun* ‘Он скажет вам, привез ли мир иль бой’ (Rol);

(2) *Ne seit ocis u devient chrestien* ‘Что не убит иль не крещен водою’ (Rol);

В то время как повторяющийся союз *u... u...* ‘или... или...’, первое употребление которого относится к 1100 г., отличается от одиночного союза союз *u* ‘или’ чистой разделительности тем, что указывают на обязательность хотя бы одного из компонентов (отмечается в [Санников]):

(3) *U pris u mort i fust li reis Marsilie* ‘Марсилий царь был бы пленным иль трупом’ (Rol).

Для неразделительной дизъюнкции, указывающей на *une alternative sans opposition radicale entre deux eventualités* ‘альтернативу без жесткого противопоставления двух возможностей’ (CNRTL), используется только повторяющийся союз *u... u...* ‘или... или...’. В нашем исследовательском подкорпусе повторяющийся союз *u... u...* ‘или... или...’ встречается в 413 контекстах, соединяя в большинстве случаев прямые или косвенные дополнения:

(4) *Lequel atendrai ge de vos, ou pes ou guerre?* ‘Что ждать мне от вас, или мира, или войны?’ (перевод наш. – Ю. О.) (Anonyme. La mort le roi Artu, 1230);

(5) *Si vos ensavrai a respondre ou en nuit ou le matin* ‘Если вы сможете на это ответить или ночью, или утром’ (перевод наш. – Ю. О.) (Anonyme. La mort le roi Artu, 1230).

Словарь старофранцузского языка фиксирует начало употребления сочинительных конструкций с повторяющимся союзом *u... u...* ‘или ... или...’: *o + subj. ... o + subj. ...* в значении *soit que... soit que...* ‘либо то... либо то...’;

o bien... o... в значении *ou... ou...*, *soit... soit...* ‘или... или...’ (DALF). Отмечается возможность употребления конструкции *se... o se...* в значении *si... ou si...* ‘если... или если...’ в косвенной речи перед вторым присоединяемым элементом [Там же].

Схематично диахроническое развитие сочинительных конструкций с повторяющимся союзом *u... u...* ‘или... или...’ и их значений представлено на рис. 6.1.

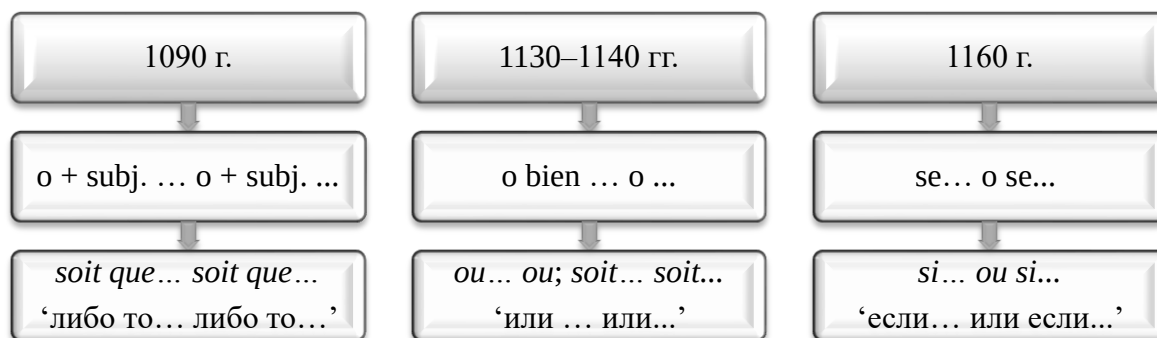

Рис. 6.1. Диахроническое развитие сочинительных конструкций с союзом *ou* ‘или’ в старофранцузский период

Некоторые исследователи отмечают, что в последующем «констатируется широкое использование сочинительных конструкций с союзом *ou* ‘или’, таких как *ou (+ subj.)... ou (+ subj.)... / ou que... ou que... / (o) se... o se...*» [Реферовская, с. 124]. В исследовательском корпусе количество употреблений данных конструкций не превышает 20 % от выявленных 413 контекстов с повторяющимся союзом *ou... ou...* ‘или... или...’, что, безусловно, не может свидетельствовать о широте их использования в старофранцузском языке.

Так, например, конструкция *ou + subj. ... ou + subj. ...* является самой употребительной из представленных выше и встречается в 46 контекстах (11,14%), из которых в более 90 % случаях используется глагол *être* ‘быть’ в сослагательном наклонении (Subj.) (*soit*):

(6) ***Ou soit a mort ou soit a vie*** ‘Или живым или мертвым’ (перевод наш. – Ю. О.) (J. Le Marchant. *Miracles de Notre-Dame de Chartres*, 1262);

(7) ***ou il puisse remanoir et ou il soit bien veüz*** ‘или он мог бы остаться или делать что хочет’ (перевод наш. – Ю. О.) (Anonyme. *La mort le roi Artu*, 1230).

Характерной особенностью конструкции *ou que... ou que...*, которая встречается в 16 контекстах (3,87 %), является обязательное употребление глагола в сослагательном наклонении после союза *que* ‘чтоб’. Именно наличие союза *que* ‘чтоб’ в данной конструкции является ее существенным отличием от конструкции *ou + subj. ... ou + subj. ...*. Ср.:

(8) ***C’est assavoir que il feussent plus fort ou que il m’occissent, ou que je muire par quelcunquez cas loing de vous*** (Ab. Pierre, Ab. Héloïse, J. de Meung. *La vie et les Epistres*, 1290).

В период старофранцузского языка начинает использоваться конструкция с конкретизатором *bien* ‘хорошо, гораздо’ после первого элемента повторяющегося союза *o bien... o...*. Количество ее вхождений в исследовательском подкорпусе составляет 14 (3,39 %):

(9) *Sanz delai et sanz contredit, ou bien li poist ou mal li sache* (J. Renart. Roman de la Rose ou Guillaume de Dole, 1228).

Для конструкции *se... o se...*, которая встречается в 9 контекстах (2,18 %) характерно отсутствие первого элемента союза, что ставит под сомнение ее отнесение в разряд конструкций с повторяющимся союзом. Ср.:

(10) *Ne seit se dort ou se someille* ‘Не то он спит, не то засыпает’ (G. de Coinci. Miracles de Notre Dame, 1218. Т. 3).

Отметим, что повторяющийся союз используется во всех выявленных контекстах для связи либо однородных членов предложения (конструкция *ou* (+ subj.)... *ou* (+ subj.)...), либо простых предложений в составе сложного (конструкции *ou que...* *ou que...* / *o (bien)...* *o...*), либо придаточных (конструкция *se... o se...*).

В период старофранцузского языка для установления связи между двумя самостоятельными предложениями сочинительный союз *ou* ‘или’ в инициальном употреблении встречается в 3,13 % (или 233 от 7448 вхождений союза):

(11) *Puis l'incarnacion passans. Ou sexante deux, en septembre, Si com par mon escript me membre* ‘Потом была инкарнация. Или в 62 году, в сентябре, если мне память не изменяет’ (Le Marchant Jean. Miracles de Notre-Dame de Chartres, 1262. Р. 242).

Анализ функционирования разделительного союза *ou* ‘или’ на примере исторического памятника «Песня о Роланде» выявил, что одиночный союз встречается 11 раз, а повторяющийся союз 4 раза. Для установления отношений, выражаемых союзом, используется классификация разделительных союзов, предложенная В. З. Санниковым, в которой выделены значения чистой разделительности, обязательности, равноценности компонентов, неравноценности компонентов, компенсации, «внешнего сходства» и чередования во времени [Санников]. Было установлено, что одиночный союз *ou* ‘или’ и повторяющийся союз *u... u...* ‘или... или...’ репрезентируют следующие отношения:

- чистой разделительности, или «взаимоисключение» (только одна из сочиненных частей соответствует действительности):

(12) *mort u tut vif recreant* ‘умрет или живьем сдастся’;

- равноценности компонентов. Причем для описываемой ситуации различие между двумя возможными компонентами:

а) либо несущественно:

(13) *Ne seit ocis o en Sebre neiet* ‘Что не убит иль не утоплен в Себре’;

б) либо равноценно в силу особого эмоционального состояния Субъекта ситуации или Говорящего, хотя при обычных обстоятельствах данные компоненты не должны быть таковыми:

(14) *S'or i ad cel qui Carle cuntredie, / Il le fait pendre o ardeir ou ocire* ‘А если кто захочет прекословить, / Будет убит, сожжен или закован’;

в) либо указывает на согласие Субъекта ситуации на любую из двух или более описываемых ситуаций:

(15) *Rendre le quidet u mort o recreant* ‘Убьет его иль сделает поганым’;

• «внешнего сходства», которое предполагает, что каждый из описываемых компонентов обладает признаками как первого, так и второго:

(16) *Que il n'i ait o Franceis o païen* ‘Где б не лежал иль наш, или неверный’.

Таким образом, сочинительный союз *ou* ‘или’ в старофранцузский период развития языка функционирует как одиночный или повторяющийся и используется для выражения как разделительной, так и неразделительной дизъюнкции. Одиночный союз соединяет функционально тождественные и семантически однородные члены предложения. В случае повторяющегося союза соединяются синтаксические более сложные единицы.

6.5. Семантика и функционирование сочинительного союза *ni* ‘ни’

Сочинительный союз *ni* ‘ни’ восходит к латинскому союзу *ne* и выполняет аналогичные с ним функции в старофранцузском языке, а именно устанавливает синтаксическую связь между членами одного предложения (TLF).

Первая письменная фиксация повторяющегося союза *ni... ni...* ‘ни... ни...’ относится к 842 г. В «Страсбургских клятвах» союз уже употребляется в отрицательном предложении:

(1) *Si <...> Karlus, meos sendra, de suo part non lo [sagrament]'s tanit... ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuuig nun li iu er)* ‘Если я ему в этом не смогу помешать, ни я, ни другой, кому я в этом смогу помешать, никакой помощи против Людовика ему не окажет’.

В «Секвенции Св. Евлалии» фиксируется повторяющийся союз *ni* ‘ни’:

(2) *Ne por or ned argent ne paramenz. / Por manatce regiel ne preïement. / Niule cose non la pouret omq[ue] pleier* ‘Ни злато, ни серебро, ни похвалы, / Ни царские угрозы, ни мольбы – / Ничто святую не могло сломить’ (пер. В. М. Лурье) (Eul).

Лексикографические источники отмечают участие союза *ni* ‘ни’ в создании отрицательного сочиненного ряда с 1050 г. [CNRTL; DALF; DAF]:

(3) *Ne reverront lor meres ne lor femmes, / Ne cels de France ki as porz les atendent* ‘Ни матерей, ни супруг не увидят, / Ни земляков, что ждут их за тесниной!’ (Rol).

В ходе анализа функционирования союза *ni* ‘ни’ в тексте Песни установлено, что в данном письменном источнике повторяющийся сочинительный *ni... ni...* ‘ни... ни...’ встречается 23 раза, соединяя именные, глагольные, предложные и другие группы в утвердительных или отрицательных предложениях. В выявленных контекстах повторяющийся сочинительный *ni... ni...* ‘ни... ни...’ выражает отношения, закрепленные за союзами *et* ‘и’ и *ou* ‘или’, а именно:

- перечисления:

(4) *Ne reverrunt lor peres ne lor parenz, / Ne Carlemagne ki as porz les atent* ‘Их не узрят **ни** супруга, **ни** брат, / **Ни** Карл-король, что ждет их там, у врат’;

- присоединения:

(5) *Ne orguillos, ne malvais hume de male part, / Ne chevaler, s’il ne fust bon vassal* ‘**Ни** злых людей, **ни** паче гордеца, / Рыцаря тож, коль он плохой вассал’;

- разделительные:

(6) *Vaillant a un denier que m’i aies tolut, / Ne fait damage ne de mei ne d’altrui* ‘Что хоть на грош ты причинил мне вред, / Нанес урон другому или мне’.

Необходимо отметить, что в тексте Песни повторяющийся сочинительный союз *ni... ni...* ‘ни... ни...’ так же, как и союз *et* ‘и’, образует синонимические пары, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии, например: *ne plur ne pleigne* ‘ни плача ни печали’, *ne pur mort ne pur destreit* ‘ни пред невзгодой ни смертью’, *ne vestut ne saisit* ‘ни облачен, ни принят’, *que nus perduns l’onur ne la deintet* ‘чем нам терять и славу, и почет’, *n’orrat de nos paroles ne nuveles* ‘нету от нас ни весточки, ни гласа’, *ne voide tere ne alne ne plein pied* ‘ни фута нет, ни зги, ни пяди мерной’.

Повторяющийся сочинительный союз *ni... ni...* ‘ни... ни...’ соединяет и семантически противоположные единицы, выражая значение промежуточности, когда одинаково отрицаются две соединенные части, например:

(7) *Ne ben ne mal ne respunt sun nevuld* ‘Не отвечал **ни** к худу **ни** к добру’;

(8) *Que me saisis, ne a dreit ne a tort ? / Ne l’orrat hume ne t’en tienget por fol* ‘Меня схватить **ни** за что, **ни** про что? / Всякий тебя обзовет дураком’.

В старофранцузском языке союз *ni* ‘ни’ обладает специфическим свойством соединять два отрицательных простых предложения в значении союза *et* ‘и’:

(9) *Dist Oliver: N’ai cure de parler. / Vostre olifan ne deignastes suner, / Ne de Carlun mie vos n’en avez* ‘Рек Оливьер. Я не скажу ни слова. / Вы знак подать не изволили рогом. / От Карла вам не подойдет подмога’.

Данное свойство союза приводит к совместному использованию двух лексем *ne* в старофранцузском языке, одна из которых является отрицательной частицей, а вторая союзом:

(10) *Jo nen ai ost qui bataille li dunne, / Ne n’ai tel gent ki la sue derumpet* ‘Чтоб биться с ним, не хватает мне войска / **И** нет людей, чтоб рать его расстроить’.

Следует отметить, что в старофранцузском языке повторяющийся союз *ni... ni...* ‘ни... ни...’ не является регулярным. В случае однородных сказуемых отмечается либо отсутствие второй части союза при втором сказуемом, либо его наличие в большинстве случаев, в то время как в современном французском языке повторяющийся союз всегда сохраняется [Foulet, p. 337]:

(11) *Sire, fet il, je l'otroi bien,/ mes qu'il ne vous griet ne anuit* 'При условии, что это у вас / не вызывает ни злость, ни скуку'.

Согласно Фулэ [Foulet, p. 339] в старофранцузском языке при соединении двух предложений, одно из которых утвердительное, а второе отрицательное, употребляется либо союз *ni* 'ни', либо *et* 'и':

(12) *S'ele voit ne lieu ne tens... / ...ele li dira ausi tost, / ne ja ne cèlera tel chose...* 'Если она не увидит ни места, ни времени... /... она это скажет также быстро, / и не спрячет этот секрет...' (G. de Coinci. *Miracles de Notre Dame*, 1218. Т. 3. V. 676–680).

(13) *Toujours rede il ou cante ou brait, / et si ne set onques k'il fait* 'Всегда он говорит или поет или плачет, и даже не знает, что делает' (перевод наш. – Ю. О.) (G. de Coinci. *Miracles de Notre Dame*, 1218. Т. 3. V. 525–534).

В современном французском языке при соединении двух простых предложения союз *ni* 'ни' не употребляется.

Лингвисты отмечают состояние «противоборства» между употреблением союзов для выражения соединительных отношений в утвердительных и отрицательных высказываниях на протяжении старо- и среднефранцузского периодов, в течение которых союз *ni* еще не является полноценным «*coordonnant négatif*» 'отрицательным координатором' *stricto sensu*. Данное «противоборство» будет продолжаться вплоть до периода классического французского языка (TLF).

В исследованиях, посвященных взаимодействию сочинения и отрицания, подчеркивается, что в ходе становления современного французского языка устанавливается следующая тенденция: единицы, предназначенные для выражения отрицания в старофранцузском периоде и имеющие компонент *ne-*, постепенно исчезают из языка. Так, *neïs* заменен на *même* 'даже' в современном французском языке; *aucun, personne* 'никто' приходит на смену *nul; rien* 'ничто' замещает *néant* [Badiou-Monferran]. В современном французском языке отмечается постепенное исчезновение союза *ni* в пользу «*coordonnants positifs*» 'положительных координаторов' *et* 'и' и *ou* 'или' после 1750 г., когда за союзом *ni* 'ни' окончательно закрепилось единственное употребление в роли «*forclusif de la négation*» 'принудительного отрицания' [Badiou-Monferran]. Отсюда встает закономерный вопрос: обречен ли союз *ni* 'ни' как отрицательный коррелят союза *et* 'и' на исчезновение?

На данном этапе исследования мы ограничиваемся констатацией того, что в старофранцузском языке сочинительный союз *ni* 'ни' устанавливает связь между членами предложения и простыми предложениями в составе сложного, выражая отношения, закрепленные за союзами *et* 'и' и *ou* 'или'.

Не подлежит сомнению, что исследование семантических и функциональных свойств сочинительного союза *ni* 'ни' во взаимосвязи с отрицанием представляет собой весьма интересную задачу с точки зрения диахронического аспекта, которая, однако, в силу своей объемности не может быть выполнена в рамках данной работы.

6.6. Семантика и функционирование сочинительного союза *mais* ‘но’

В старофранцузском языке лексическая единица *mais* имеет два употребления, наречное и союзное.

С одной стороны, она восходит к темпоральному наречию *ja non... mais* ‘*jamaïs plus... ne*’ ‘больше никогда’ (TLF), первая письменная фиксация которого относится ко второй половине X века, а уже в 1130 г. фиксируется *ja mais* ‘à partir de maintenant et dans l’avenir’ в значение ‘начиная с этого момента и в будущем’ (TLF). Сфера употребления темпорального наречия ограничена отрицательными предложениями, например:

(1) *N’avrat talent **que ja mais** vus guerreit* ‘Навек пройдет его охота к битвам’ (Rol).

С другой стороны, параллельно развивается и сочинительный союз *mais* ‘но’ (*mais, maix, maiz, mies, mes, mez, mees, mai, mas* в старофранцузском языке), соединяющий две противопоставленные друг другу части, каждая из которых соответствует действительности (TLF). Противительный союз *mais* ‘но’ в старофранцузском языке обозначает *opposition* ‘противопоставление’ со второй половины X века и служит для введения *une idée contraire à celle déjà exprimée* ‘идеи противоположной уже представленной’ (CNRTL). Согласно авторитетным лексикографическим источникам (CNRTL; DALF; DAF) союз выражает отношения, которые представлены в диахронии на рис. 6.2.

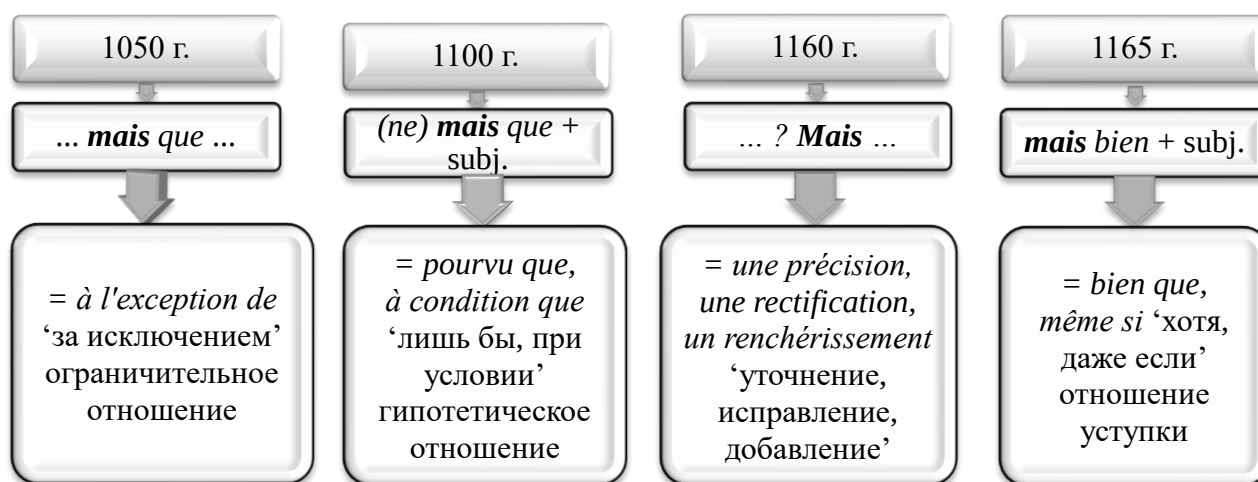

Рис. 6.2. Союз *mais* ‘но’ в старофранцузском периоде в диахронии

Так, ограничительные и гипотетические отношения связаны с появлением конструкции *mais que* ‘à l’exception de’ ‘за исключением’. Выражение ограничительного отношения союзом *mais* фиксируется уже в конце X века после утвердительного высказывания, а с 1050 г. после отрицательного в сочетании с отрицательным элементом, что приводит к образованию следующей конструкции (*ne*) *mais que*... ‘но только...’. Далее союз *mais* приобретает гипотетическое значение (*la supposition, la condition* ‘предположение, условие’) с 1100 г. в конструкции *mais que* + subj. ‘*pourvu que*,

à condition que', 'лишь бы, при условии', усиленной появлением сослагательного наклонения. А с 1160 г. союз *mais* маркирует *une précision, une rectification, un renchérissement* 'уточнение, исправление, добавление' после общего вопросительного предложения. И, наконец, уступительное значение, союз приобретает с 1165 г. в конструкции *mais bien* + subj. 'bien que, même si' 'хорошо, что... даже если'.

Согласно точке зрения французского лингвиста Ж. Меландера, в старофранцузском периоде противопоставляются два абсолютно нетождественных употребления союза *mais* 'но'. С одной стороны, *mais modifiant (mais₁)*, который вводит «une modification, une correction ou une restriction de l'idée énoncée dans la proposition précédente» 'изменение, исправление или сужение уже высказанного' (ср. в испанском *pero* и в немецком *aber*), а, с другой стороны, *mais excluant (mais₂)*, который выражает «une exclusion ou une suppression de l'idée déjà énoncée qui est toujours négative» 'исключение или отмену уже высказанной идеи, которая всегда отрицательна' (ср. в испанском *sino* и в немецком *sondern*) [Melander].

В этой связи необходимо отметить, что для старофранцузского периода характерно одновременное употребление двух противительных союзов *mais* 'но' и *ainz* (от латинского *antius*, *a[]czo*, *ains*, *eins*, *einz* в старофранцузском языке) в значении *plutôt* 'лучше, скорее'. Однако согласно данным нашего исследовательского корпуса в этом периоде количество вхождений союза *mais* почти в десять раз превышает количество вхождений союза *ainz* (5 109 vs 605).

Союзу *ainz* в старофранцузском языке свойственно выражение противительных отношений в сложносочиненном предложении:

(2) *Enz enl fou la getterent com arde tost. / Elle colpes n[on] auret por[]o nos coist. / A[]czo nos uoldret concreidre li rex pagiens* 'Ее ввергают в пламенный огонь, / **Но** не вредил девице он нисколько. / **Но** не поверил царь-язычник наяву...' (пер. В. М. Лурье) (Eul);

(3) *D'enz de sale uns veltres avalat...* '**Но** из дворца примчался выжлок резвый...' (Rol).

Относительно функционирования союза *ainz* высказывается мнение, что он противопоставляется исключительно союзу *mais₂*, демонстрируя синтаксические и семантические несовпадения [Ritter]. И только с XIV века *ainz* начинает уступать *mais₂* в связи с эволюцией порядка слов, которая провоцирует сначала синтаксическое смешение двух единиц, а затем и семантическое смешение. А уже в среднефранцузский период отмечается исчезновение *ainz*, последнее упоминание которого во французском языке относится приблизительно к 1650 г. [Melander].

Анализ функционирования лексемы *mais* в старофранцузском языке на примере исторического памятника «Песня о Роланде» показал, что в данном письменном источнике наблюдается количественное преобладание противительного союза *mais* над темпоральным наречием *mais* (39 vs 21)¹. Ср.:

¹ В тексте Песни было выявлено 6 случаев употребления союза *ainz*.

(4) *Cist nus sunt près, **mais** trop nus est loinz Carles* ‘Они близки, а Карл далек отсюда’ (*mais* – союз);

(5) *Ja n’avrez **mais** guere en tut vostre vivant* ‘Во весь бы век войны не видеть вам’ (*mais* – темпоральное наречие).

Для описания семантики союза *mais* ‘но’ мы воспользовались классификацией противительных союзов, разработанной Е. В. Урыссон и В. З. Санниковым, в которой выделяются три семантические группы: нейтральные, с компонентом отсутствия контроля, компонентом желательности / нежелательности [Урысон; Санников]. Анализ употреблений союза *mais* ‘но’ в «Песне о Роланде» позволил установить, что союз *mais* ‘но’ выражает следующие отношения:

- ненормального следствия, когда союз указывает на нарушение некоторой жизненной закономерности, имеющее место в недавнем прошлом:

(6) *Tut li detrenchet d’ici qu’al nasei; / **Mais** en la teste ne l’ad mie adeset* ‘Златой шелом до нанося разбил, / Но головы нигде не повредил’;

- ненормального следствия, где «сообщаемое в предшествующей части выступает как стимул потенциальной ситуации, противоположной той, о которой информирует последующая часть» [Санников, с. 250]:

(7) *Ultre cest jurn ne serum plus vivant; / **Mais** d’une chose vos soi jo ben guarant* ‘Прожили мы сегодня день последний. / Но за одно ручаюсь вам по чести’;

- противоположной оценки (из двух компонентов, выражающих противоположную оценку, тот, который идет вторым, важнее):

(8) *Nos avum dreit, **mais** cist glutun unt tort* ‘Нехристь неправ, а христиане правы’;

- уступки:

(9) *Jo i puis aler, **mais** n’i avrai guarant* ‘Пойти пойду, хотя на верную гибель’;

- несоответствия норме:

(10) *Ne poet muer qu’il ne s’en espaent. / Fuïr s’en voel, **mais** ne li valt nient...* ‘И тут его объял невольный страх, / Хотел бежать, но не сумел никак...’;

- сопоставления:

(11) *Cist nus sunt près, **mais** trop nus est loinz Carles* ‘Они близки, а Карл далек отсюда’;

- желательности действия:

(12) ***Mai** saives hom il deit faire message* ‘Но кто мудрей, тот должен быть в посольстве’;

- гипотетическое:

(13) *Saveir i ad, **mais** qu’il seit entendud* ‘Мудрый совет: его послушать надо’;

- «нежелательности действия»:

(14) ***Mais** de s’espee ne volt mie guerpir* ‘Только с мечом расстаться граф не хочет’.

В результате было установлено, что во всех проанализированных контекстах союзное употребление лексемы *mais* 'но' в тексте Песни реализуется в простых предложениях с однородными сказуемыми, сложносочиненных предложениях и сложносочиненных комплексах в одинаковом соотношении. Выявленные особенности функционирования союза *mais* 'но' в старофранцузском языке соотносятся с результатами проведенной нами серии корпусных исследований. Так, исходя из корпусных данных, в инициальной позиции для установления связи между двумя самостоятельными высказываниями союз *mais* 'но' встречается почти в трети случаев, или 38,77 % (1984 от 5118 вхождений союза).

Таким образом, сочинительный союз *mais* 'но' имеет в старофранцузском языке строго очерченный круг употребления, количественно превосходя союз *ainz*, также используемый для выражения противительных отношений. Основное функциональное предназначение союза *mais* 'но' сводится к выражению логически взвешенного противопоставления разных мотивов и степеней возражения, исключения или уступления.

6.7. Семантика и функционирование сочинительного союза *donc* 'значит, итак'

Статус лексической единицы *donc* в системе французского языка до сих пор вызывает споры. Так, согласно методической грамматике французского языка, написанной под руководством М. Рижель, данная единица представлена как «сочинительный союз, наречие и частица, не имеющая фиксированной позиции в предложении и служащая либо для логического соединения предложений либо для усиления предложения или какого-либо слова» [Riegel 2016, p. 561]. Однако некоторыми французскими лингвистами высказываются сомнения в первичности данного значения в семантике лексической единицы [Damourette].

Первая письменная фиксация союза *donc* 'значит, итак' относится к 980 г. (CNRTL). Лексикографические источники указывают на происхождение французского *donc* от латинского *dunc* «alors» 'тогда', где *dunc* восходит к темпоральной частице *dum*, выражающей одновременность двух происходящих действий (TLF).

В грамматиках старофранцузского языка подчеркивается, что союзные слова и обороты, выражающие одновременность, входят в употребление начиная «dès les périodes les plus anciennes du français» 'с самых ранних периодов становления французского языка' [Moignet, p. 234–235; Ménard, p. 236–241; Buridant, p. 604–609]. Однако диахронический анализ появления данных единиц в старофранцузском языке показал, что именно период формирования общепольского письменно-литературного языка (XII–XIII вв.) является значимым для этого процесса, осуществляемого не одновременно.

Анализ лексикографических и грамматикографических источников позволил установить следующую диахроническую последовательность перехода от выражения одновременности к выражению следования посредством сочинительного союза *donc* 'значит, итак'.

Принимая во внимание тот факт, что первичное употребление лексемы *donc* в темпоральном значении соотносится с темпоральным наречием *alors* ‘тогда’ (первое употребление в значении *à ce moment là* ‘в этот момент’ зафиксировано в 1100 г.) дает основания полагать, что лексема *donc* фактически на протяжении одного столетия была единственным средством выражения текущего момента, выступая в функции дейктика. Затем обе лексические единицы *donc* и *alors* начинают употребляться в значении логического следования в 1175 г. и в 1271 г. соответственно, что зафиксировано лексикографическими источниками (DALF). Далее система обогащается еще несколькими единицами для последующей дифференциации отношений следования. Наречие *ainsi* в значении ‘de cette façon’ ‘таким образом’ фиксируется словарями в 1100 г., а в значении логического следования в 1330 г. Две единицы *par suite* (первое упоминание в 1150 г.) и *par conséquent* (первое упоминание в 1308 г.) восходят к латинским глаголам, обозначающим непосредственное следование, а в 1538 г. и 1530 г. соответственно приобретают значение логического следования «conséquence directe ou indirecte d'un fait» ‘прямого или непрямого следования’ (CNRTL). Союзный оборот *c'est pourquoi* ‘вот почему’ начинает употребляться в значении логического следования только в 1250–70 гг. Данные факты дают основания полагать, что к концу старофранцузского периода система обогащается пятью единицами для дифференциации отношения следования.

В рамках проводимого исследования следует обратить внимание, что в период старофранцузского языка происходит переход от выражения союзом *donc* ‘значит, итак’ от одновременности к выражения каузальности. Согласно Г. Вейнриху, выражаемая союзом *donc* логическая причина подчеркивает связь с некоторым более общим положением вещей, существующим вне дискурса [Weinrich]. Схематично отношения, выражаемые союзом *donc*, в старофранцузском языке в диахронии представлены на рис. 6.3.

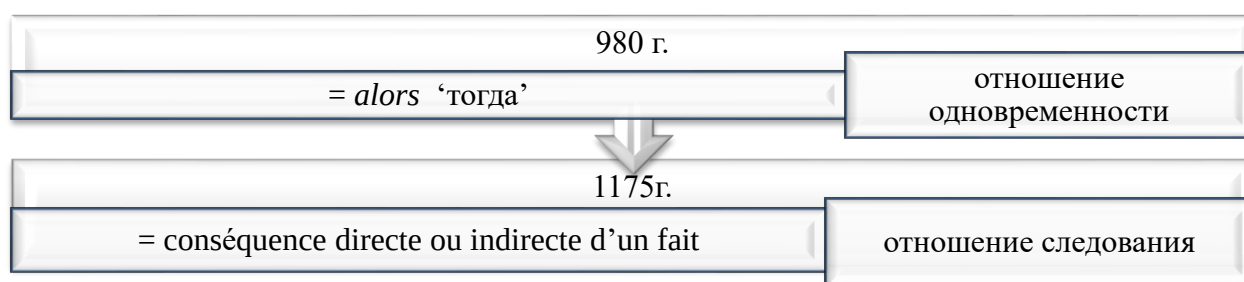

Рис. 6.3. Отношения, выражаемые союзом *donc*, в старофранцузском языке в диахронии

Как показывают результаты нашего корпусного исследования, союзное употребление лексемы *donc* в старофранцузском языке является малочисленным по сравнению с другими союзами.

Выявлено 408 вхождений союза *donc*, что составляет не более 0,5 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде. В то же время лексема *donc* в «Песне о Роланде» встречается в 16 контекстах,

в пяти из которых она функционирует в качестве частицы после относительного местоимения *ki* ‘который’ в конструкции *Ki dunc* + *V_{pers}*, усиливающей значение одновременности:

(1) *Ki dunc veïst cez escuz si malmis, / Cez blancs osbercs ki dunc oïst fremir / Cez chevalers ki dunc veïst caïr...* ‘Кто увидал, как там ломают щит, / Кто услышал, как там броня трещит, / Как всадник там со скакуна летит...’;

В остальных контекстах прослеживается союзное употребление лексемы *donc* (не более 1 % от употребления всех союзов в тесте Песни), которая соединяет два простых предложения в составе сложного в двух случаях:

- либо в сложноподчиненном предложении, построенном по модели:

(*quand/se* ‘когда / если’...), [*dunc...*], –

где союз *donc* вводит главное предложение, выражая отношения темпорального следования между действиями, событиями, состояниями в значении *alors* ‘тогда’:

(2) *Quant ço veit Guenes qu’ore s’en rit Rollant, / Dunc ad tel doel pur poi d’ire ne fent* ‘Роландов смех Гуенелон увидал. / Лопнуть готов с досады и со зла’;

(3) *Se de mun cors voeil aquiter la vie, / Dunc li envei mun uncle l’algalife* ‘Коль жизнь хочу спасти я, / Пусть-де пришло я дядю-алгалифа’;

- либо в инициальной позиции самостоятельного предложения, непосредственно вводя следование как сочинительный союз:

(4) *Altre bataille lur livrez de meïsme: / Dunc avrez faite gente chevalerie* ‘Вторичный бой вам придется начать. / Подвиг большой совершит ваша рать’ (где *P₁* начать бой → *P₂* совершить подвиг (*P₁ donc* ‘тогда’ *P₂*)).

Установлено, что количественные данные союзного употребления лексемы *donc* в тексте Песни пропорционально соотносятся с результатами корпусного исследования старофранцузского языка, согласно которым в инициальной позиции для установления связи между двумя самостоятельными высказываниями союз *donc* встречается в 39,78 % случаев (или 144 от 352 вхождений союза).

Учитывая тот факт, что в старофранцузском языке еще не выработаны строгие нормы сочинительной и подчинительной связи, возможны некоторые промежуточные случаи. Так, в следующем сложном предложении, построенном по модели:

(*quant* ‘когда’...) [...] (*ki dunc* ‘который, следовательно’...) –

лексема *dunc*, формально выступая в роли частицы, уточняющей относительное местоимение *ki* ‘который’, указывает на отношение следования, осознаваемое Говорящим как «естественное», закономерное с точки зрения его чувственного опыта: состояние *P₂* (не испытывать чувство греха) является следствием действия *P₁* (молить о пощаде):

(5) *Quant il vos mandet qu’aiez mercit de lui, / Pecchet fereit ki dunc li fesist plus* ‘А ныне вас он молит о пощаде. / Великий грех его тиранить дале’ (где *P₁* молить о пощаде → *P₂* не испытывать чувство греха (*P₁ donc* ‘следовательно’ *P₂*)).

Следующий пример (7) представляет сложное предложение, построенное по модели:

[*qui...*](*que...*)(***dunc*** ...), –

где сочинительный союз *donc* ‘значит, итак’ вводит второе придаточное предложение, выражающее закономерное следование события, представленного в первом придаточном. Говорящий в данном случае позиционирует P_2 (обезвредить Карла) как следствие общепринятое, а не личное или случайное:

(6) *Chi purreit faire que Rollant i fust mort, / Dunc perdreit Carles le destre braz del cors* ‘Кто сделал бы так, чтоб Роланда сгубить, / Карлу от плеч десницу отрубить’ (где P_1 убить Роланда $\rightarrow$ P_2 обезвредить Карла (P_1 *donc* ‘значит’ P_2)).

Отношения логического следования между явлениями или событиями реального мира, которые Говорящий наблюдает непосредственно и осознает как «естественные», закономерные с точки зрения его чувственного опыта, наблюдения за тем, как эти явления и события разворачиваются в реальной действительности, отражаются в универсальной модели P_1 *donc* ‘значит’ P_2 . Можно предположить, что употребление союза обусловлено, в данном случае, представлениями говорящего о смене одних явлений или событий другими, а именно: между P_1 и P_2 существуют такого рода отношение, которое означает, что если есть P_1 , то следует P_2 .

С точки зрения языковой эволюции в период старофранцузского языка отмечается параллельное функционирование лексемы *donc* и как усиленной темпоральной частицы, и как союза. Особенностью союзного употребления *donc* является переход от темпорального значения одновременности к каузативному. На данном этапе исследования было выявлено, что сочинительный союз *donc* ‘значит, итак’ реализует свои семантические и функциональные свойства в инициальной позиции перед присоединяемым элементом, вводящим следование как темпоральное, так и логическое, связывая два простых предложения в составе сложного, количественно уступая другим союзам в этом периоде.

6.8. Семантика и функционирование сочинительного союза *car* ‘ибо, так как’

Французский современный сочинительный союз *car* ‘ибо, так как’ восходит к латинской лексеме *quare*, состоящей из *quā* и *rē*, в значении ‘par quelle chose’ ‘благодаря чему’, от которой во французском языке образовано вопросительное наречие *pourquoi* и причинный наречный оборот *c’est pourquoi* ‘вот почему’ (DAF; TLF). В работе французского лингвиста А. Дэлбэй, посвященного исследованию средств выражения причины в старофранцузском языке, на материале 33 текстов XI–XIII вв. выявлено 2 288 случаев использования союза *car* ‘ибо’, ‘так как’, 949 случаев союза *que* ‘что’ и 148 – союза *puis que* ‘поскольку’ (и для сравнения 401 случаев употребления союза *por*

se que ‘потому что’), которые позволяют оценить относительную частоту употребительности союзов в установлении «*des anomalies syntaxiques*» ‘синтаксических аномалий’ в выражении отношения обусловленности в старофранцузском языке [Delbey].

Согласно данным нашего исследовательского корпуса в этом периоде фиксируется 4 054 вхождений сочинительного союза *car*, что составляет 4,21 % от всей совокупности вхождений в корпусе сочинительных союзов в этом периоде.

Согласно лексикографическим и этимологическим словарям лексема *car* в старофранцузском периоде полифункциональна.

Во-первых, она употребляется в качестве сочинительного союз *car* начиная с X в. в значении *certes* ‘разумеется’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’. Однако уже в старофранцузском языке в XI в. *quer* используется как подчинительный союз в значении ‘*pur ço quer*’ синоним ‘*por se que*’ ‘для того чтобы’ (1120 г.), а уже с 1167–1170 гг. союз *car* употребляется в значении *parce que* ‘потому что’ вплоть до XVI в. (DAF).

Во-вторых, в словаре фиксируется употребление лексемы *car* как каузального наречия с XI в. в значении *c’est pourquoi*, *en conséquence* ‘вот почему’, ‘вследствие’ до XVI в. (TLF).

В-третьих, отмечается, что в старофранцузский период допускалось также употребление лексемы *car* как частицы в инициальной позиции для императивных и экскламативных высказываний в XI в. Схематично полифункциональность данной лексической единицы представлена на рис. 6.4.

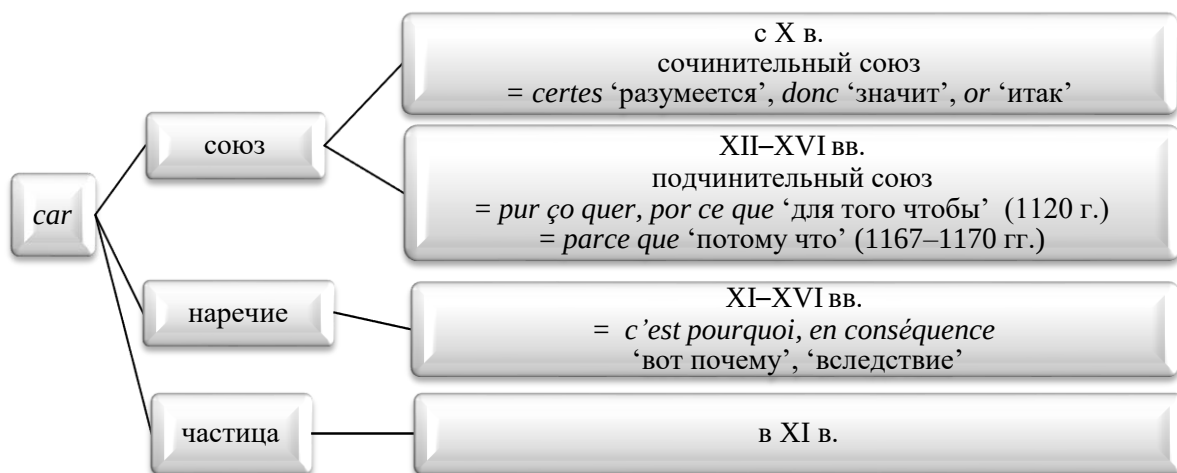

Рис. 6.4. Полифункциональность лексической единицы *car* в старофранцузском языке

Согласно мнению большинства современных лингвистов, занимающихся определением категориального статуса *car*, данная единица предстает как «*un connecteur assez sophistiqué, aussi complexe que la justification qu’il marque*» ‘коннектор, очень изысканный и достаточно сложный, как и отношения, которые он маркирует’ [Masseron; Buridant]. В некоторых

работах указывается, что возможные предпосылки такого противоречивого современного употребления данной единицы находятся в старофранцузском языке [Bertin; Buridant; Masseron; Pinchon].

В этой связи заслуживает внимание тот факт, что именно в старофранцузский период лексема *car* обладает в равной степени как значением причины (*c'est parce que* 'это потому что' P₂), так и значением следствия (*c'est pourquoi* 'вот почему' P₂) (DAF).

Схематично эволюция союзного употребления *car* представлена на рис. 6.5.

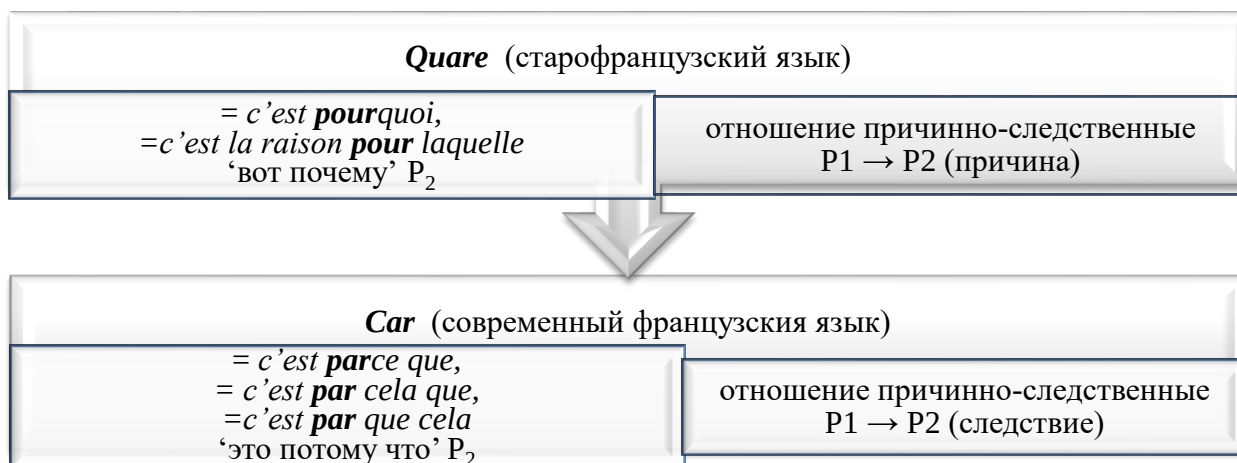

Рис. 6.5. Эволюция значения союза *car* 'ибо, так как' во французском языке

Как следует из рис. 6.5 две причины привели к семантической инверсии союза *car* в ходе становления французского языка: связь с этимологически исходным предлогом (ср. *par* 'из-за' и *pour* 'для' восходят к одному латинскому предлогу *por*) и референциальная природа местоимений (*laquelle* 'которая', *cela* 'это'), которые могут быть как анафорическими, так и катафорическими.

Анализ практического материала исследования («Песня о Роланде») позволил выявить 44 контекста с лексемой *car*. С учетом синтагматического окружения и семантического анализа в выявленных контекстах полифункциональность единицы проявляется следующим образом.

Как усилительная частица в инициальной позиции в императивных и экскламативных высказываниях лексема *car* встречается в 13 контекстах из 44 (29,55%), например:

(1) **Kar** *chevalchez a quanque vos puez!* 'Что силы есть, коню вы дайте шпоры!'.

В 8 контекстах (18,18 % от 44) в тексте Песни лексема *car* функционирует как наречие со значением *c'est pourquoi* 'вот почему' P₂, маркируя отношение следования между двумя самостоятельными предложениями. Уже существующие причинно-следственные отношения осознаются Говорящим как «естественные», закономерные с точки зрения его наблюдений: состояние P₁ (малочисленная рать) является причиной для следующего действия P₂ (трубить в рог). Ср.:

(2) *De noz Franceis m'i sembleit avoir mult poi ! / Cumpaign Rollant, kar sunez vostre corn* 'А наша рать, мне видится, мала. / О, друг Роланд, вам в рог трубить пора' (где P_1 малочисленная рать $\rightarrow P_2$ трубить в рог (P_1 car 'вот почему' P_2)).

В остальных случаях (52,27 % от 44) лексема проявляет свойства союза, соединяя простые предложения в составе сложного. Союз *car* 'ибо, так как' репрезентирует отношение обусловленности (а именно причины), уже существующее между двумя пропозициями. Причем сначала вводится следствие (P_1), а затем следует причина (P_2). В результате порядок следования пропозиций в предложениях с *car* 'ибо, так как' оказывается не иконическим – обратным реальной хронологии событий. В тексте Песни преобладает следующая синтагматическая последовательность соединенных элементов:

$P_{1\text{следствие}}$ *car* 'ибо, так как' P_2 причина.

Ср.:

(3) *Jo vos aim mult, sire, dist ele al cunte, / Car mult vos priset mi sire e tuit si hume* 'Я чту вас, граф! – она проговорила: / Хвалят вас все – мой супруг и эмиры' (где P_2 все хвалят $\rightarrow P_1$ я вас чту (P_1 car 'ибо, так как' P_2));

(4) *Seignurs barons, dist li emperere Carles, / Veez les porz e les destreiz passages! / Kar me jugez ki ert en la reregarde* 'Карл говорит: О, господа-вассалы! / Видите вы теснины и провалы. / Назначьте мне вождя для арьергарда' (где P_2 нехорошее расположение для боя $\rightarrow P_1$ назначить вождя для арьергарда (P_1 car 'ибо, так как' P_2));

При этом не исключены случаи с иконическим порядком следования соединенных пропозиций, отражающим реальную хронологию. В таком случае в старофранцузском языке наблюдается более сильно выраженная пунктуационная маркированность (точка, точка с запятой). Причем, союз *car* 'ибо, так как' в начале самостоятельного предложения водит событие-причину, представляющую новую для Адресата информацию: *Car* 'ибо', 'так как' $P_{1\text{причина}} \rightarrow P_2$ следствие. Ср.:

(5) *Dient Franceis: Car il le poet ben faire. / Se lui lessez, n'i trametrez plus saive* 'Франки в ответ: Он это сделать может. / Его пошлем: мудрее нет барона' (P_1 он может это сделать $\rightarrow P_2$ послать самого мудрого (P_1 car 'ибо, так как' P_2)).

Согласно результатам нашего корпусного исследования, каждое четвертое вхождение в корпусе представляет собой инициальное употребление союза *car* 'ибо', 'так как' для установления связи между двумя самостоятельными высказываниями в текстах старофранцузского языка (26,18 %, или 1 308 от 4 997 вхождений союза).

Выявлено, что в период старофранцузского языка исходное употребление лексемы *car* в качестве частицы, наречия или союза квалифицируется как полифункциональное. В случае союзного употребления, союз *car* 'ибо, так как' является одиночным, вводя причину действий, событий, состояний или явлений, и допускает соединение либо простых предложений в составе сложного с неиконическим порядком следования элементов ситуации, либо самостоятельных предложений с иконическим линейным порядком следования элементов ситуации.

6.9. Семантика и функционирование сочинительного союза *or* ‘а, же, итак, однако’

Лексическая единица *or* (*or*, *ores*, *ore* в старофранцузском языке) восходит к темпоральному латинскому наречию *hac hora* ‘à cette heure, maintenant, alors’ (*hora* в народной латыни) ‘в это время, сейчас, тогда’ (TLF). Отмечается, что происхождение *or* есть результат прогрессивной эволюции начиная с *hā horā* в народной латыни, одного из вариантов *hac hora*, вероятно, под влиянием *illa hora* [Bougy, p. 41].

Анализ лексикографических источников (TLF; GLLF; DAF; DALF) позволил установить два основных употребления лексемы *or* в старофранцузском языке, которые представляются значимыми в рамках проводимого исследования: наречное и союзное употребление. Схематично выявленные употребления представлены на рис. 6.6.

Рис. 6.6. Синхроническое развитие двух употреблений лексемы *or* в старофранцузском языке

Согласно корпусным данным в этом периоде фиксируется 4 214 вхождений лексемы *or*, из которых 2 109 вхождений представляют союзное употребление, что составляет 2,19 % от всей совокупности вхождений сочинительных союзов в этом периоде.

Анализ исследовательского корпуса и лексикографических источников позволил установить, что в старофранцузском языке сферой действия *or* как наречия в большинстве случаев является глагольная группа, относительно которой данная единица может находиться как в препозиции, так и в постпозиции.

Так, лексеме *or* в препозиции к глагольной группе (*or* + V_{pers}) свойственно сообщать внешнюю по отношению к ситуации в целом информацию, а не определенные характеристики различных элементов ситуации. В ходе анализа корпусных данных старофранцузского языка было выявлено 722 контекста, где лексема употребляется перед следующими глаголами в личной форме: речевыми (*dire* ‘сказать’ (104)), восприятия (*écouter* ‘слушать’ (63), *entendre* ‘слушать’ (58)), движения (*partir* ‘уезжать’ (49), *venir* ‘приходить’ (47)), эпистемического состояния (*savoir* ‘знать’ (48)), состояния (*rester* ‘оставаться’ (35), *être* ‘быть’ (33)), модальными (*devoir* ‘быть должным’ (29), *pouvoir* ‘мочь’ (21)) и другими (218).

Реализация лексемы *or* в препозиции к глагольной группе (*or* + V_{pers}) предполагает каноническую речевую ситуацию¹ и маркирует, таким образом, связь между представлением о том или ином событии, состоянии или явлении и умозаключением, которое делает говорящий, основываясь на данном событии, состоянии или явлении:

(1) ...**Or** *sai bien son corage par bouche* ‘...Так знай же теперь о его смелости из уст’ (Al. de Paris. Roman d’Alexandre, 1180);

(2) ...**Or** *doi je bien avoir paor Quant je sai que...* ‘...Так должен ли я бояться, когда я знаю, что...’ (G. de Lorris. Le Roman de la Rose, 1230).

Однако в постпозиции к глаголу лексема *or* (V_{pers} +*or*) полностью сохраняет темпоральное значение *à présent* ‘в настоящее время’, указывая на текущий момент, выполняя, таким образом, функцию дейктика [Nolke; Ollier]:

(3) ...*Com povrement crois or en Dieu!* ‘...Как ничтожно верую сейчас в Бога!’ (G. de Coinci. Miracles de Notre-Dame, 1218. Т. 4. Р. 212).

Результаты нашего корпусного исследования позволяют утверждать, что в препозиции к глагольной группе *or* (*or* + V_{pers}) остается преобладающим (2 717 вхождений или 64,48 % от 4 214) по сравнению с постпозицией к глагольной группе (V_{pers} + *or*) (532 вхождений или 12,62 % от 4 214) в период старофранцузского языка.

Именно постепенная утрата семантического значения указания на текущую ситуацию и синтаксической автономии (*or* фиксируются в начале высказывания в 64 % случаях, или 1349 от 2109) свидетельствует о начале процесса грамматикализации лексической единицы *or(e)(s)* в старофранцузском языке, когда отмечается промежуточное употребление между наречным и союзным использованием *or*.

Согласно лексикографическим источникам, лексема *or* в период старофранцузского языка начинает использоваться в конъюнктивно-аргументативной функции и отмечать «un point important dans l’enchaînement de la pensée, le passage d’une phrase à une autre (succession logique)» ‘важный момент в последовательности изложения мысли, переход от одного предложения к другому (логическая последовательность)’ [Nolke; Ollier 1995]. Лексикографические источники фиксируют использование данной единицы как сочинительного союза в 1176–81 гг. в значении *alors, donc* ‘тогда, итак’:

(4) *Il demeure a Escalot avec une damoisele que il ainme par amors. Or poons nos bien dire que je et vos l’avons perdu* ‘он остается в эскалоте с деуазель, которую он любит. Итак, мы можем сказать, что мы с вами его потеряли’ (Ch. de Troyes. Chevalier au lion, 1230–35. Р. 364).

Эволюция союзного употребления лексемы *or* в старофранцузском языке согласно лексикографическим источникам представлена на рис. 6.7.

¹ Под канонической речевой ситуацией понимается, «когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д.» [Падучева, с. 2].

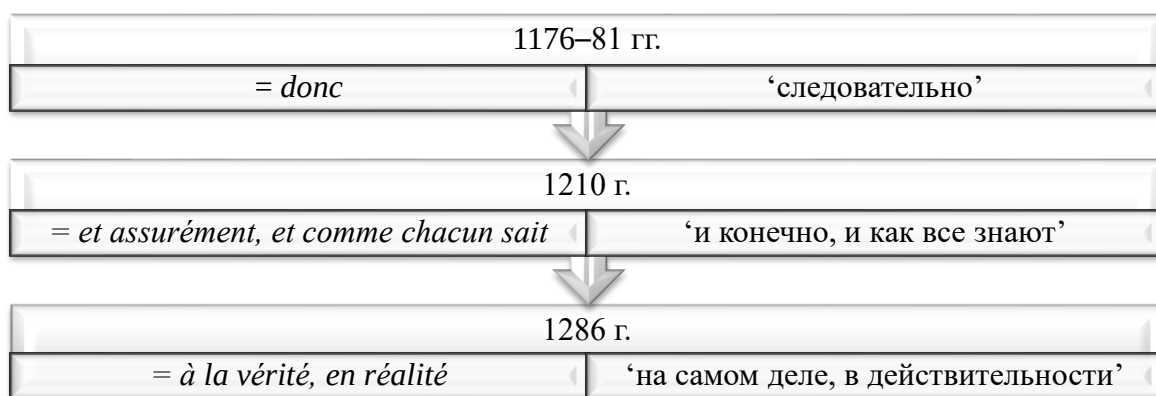

Рис. 6.7. Диахроническое изменение значения сочинительного союза *or* в старофранцузском языке

Важно отметить, что в старофранцузском языке параллельно с темпоральным употреблением *or* фиксируется с 1135 г. употребление темпорального наречия *maintenant*¹ в значении *aussitôt* ‘тотчас; немедленно’, образованного от латинского герундия *manu tenendo* в значении *pendant que l’on tient quelque chose dans la main* ‘в то время как что-то держат в руке’ (TLF). Данный факт позволяет предположить, что одновременное использование двух темпоральных лексем в старофранцузском языке приведет впоследствии к их функциональной и семантической дифференциации.

Анализ словарных дефиниций и обзор исследований, посвященных единицам с одинаковым темпоральным значением *or* и *maintenant* ‘сейчас’ [Ollier 1989], а также анализ их совместного употребления на материале корпусных данных старофранцузского языка позволили установить следующее.

Совместное употребление двух лексических единиц *maintenant* и *or* в одном высказывании выявлено в 22 контекстах (или 1,04 % от 2 109 контекстов с вхождением *or*). Дистрибутивный анализ показал, что именно *or* во всех случаях предшествует *maintenant* (5). Когда они не сразу следуют друг за другом, *or* чаще всего находится в абсолютной начальной позиции, а *maintenant* следует за глаголом (6). Ср.:

(5) *Sire, fait ele, cui g’enbras, Mes pere estes or maintenant* ‘Господин, сказала она, вы, которого я сейчас обнимаю, есть мой отец’ (J. Renart. Escoufle, 1200–1202. P. 78);

(6) *Ore m’atendes chi, et je revenrai maintenant* ‘Подождите меня тогда здесь, и я сейчас вернусь’ (Suite du roman de Merlin, 1230–1235. P. 166).

В большинстве случаев совместное употребление лексем *maintenant* и *or* представлено прямой речью (19 случаев из 22 или 86,36 %). При совместном употреблении в одном и том же предложении действие соотносится с настоящим временем. В этом случае они кажутся излишними, так как они, очевидно, выражают значение ‘сейчас’.

¹ 1026 вхождений *maintenant* в подкорпусе старофранцузского языка.

Дифференциация значений двух лексических единиц *or* и *maintenant* в старофранцузском языке происходит следующим образом: *or* имеет значение ‘сейчас’, тогда как *maintenant* относится к ближайшему будущему или к недавнему прошлому в значении *à l’instant* или *immédiatement* ‘в данный момент’ или ‘немедленно’. Ср.:

(7) *Lors remist l’espee ou fuerre et la coucha la ou vos la veez ore, et maintenant oirent une voiz...* ‘Тогда он сложил саблю в ножны и положил туда, где вы ее видите сейчас, и сразу они слышали голос...’ (Queste del Saint Graal, 1220. P. 208).

В более поздних прозаических текстах *or(e)*, употребляясь все еще в самом начале императивного предложения, обозначает, согласно М. Ольеру [Ollier], «rupture» ‘разрыв’, тогда как *maintenant* означает *immédiatement* ‘немедленно’ (высказывание соотносится с будущим) (8) или *pour l’instant* ‘на данный момент’ (высказывание соотносится с настоящим) (9). В исследовательском подкорпусе выявлено 6 таких случаев. Ср.:

(8) *Ore m’atendes chi, et je revenrai maintenant* ‘Тогда жди меня здесь, и я немедленно вернусь’ (Suite du roman de Merlin, 1230–1235. P. 166);

(9) *Or sachiez k’il n’i a maintenant que deus cevaliers u monde que je doutaïsse* ‘Итак, знайте, что на данный момент есть два рыцаря, которых я опасаюсь’ (Tristan en prose, 1240. P. 133).

Совместное употребление лексем *or* и *maintenant* в разных высказываниях выявлено в 700 (или 33,19 % от 2 109 контекстов с вхождением *or*) контекстах, что свидетельствует об обязательном употреблении *maintenant* ‘сейчас’ для передачи темпорального значения и о полной утрате своего темпорального значения лексемой *or*, особенно в императивных предложениях.

Изложенные наблюдения позволяют подтвердить ранее высказанное предположение о функциональной и семантической дифференциации в старофранцузском языке лексем *or* и *maintenant*, а также утверждать, что употребление лексемы *or* в период старофранцузского языка сопровождается постепенной утратой значения одновременности.

Анализ функционирования употребления лексемы *or* в старофранцузском языке на примере исторического памятника «Песня о Роланде» показал, что в данном письменном источнике союзное употребление единицы *or* встречается 34 раза. В большинстве контекстов (21 контекст) она вводит прямую речь и выполняет дейктическую функцию, указывая на текущий момент «я – здесь – сейчас», в следующих случаях:

- в инициальной позиции императивного предложения:

(10) *Ploret des oilz, sa blanche barbe tîret, / E dist dux Naines: Or ad Carles grant ire* ‘Плачет глазами, рвет бороду сердито. / Рек герцог Найм: Скорбит наш повелитель’;

- в инициальной позиции оптативного предложения:

(11) *E dist al rei: Ore ne vus esmaiez!* ‘Царю он рек: Пугаться вам грешно!’;

• в условном придаточном, выражая значение « de provocation, de mépris » ‘провокации, пренебрежения’ (TLF), образуя с союзом *si* ‘если’, союзный оборот *s’or*, например:

(12) *Ja Deu ne placet qu’el chef portez corone, / S’or n’i ferez pur venger vostre hunte!* ‘Не дай вам бог вовек носить короны, / Коль вы, разя, не смоее позора!’.

Как связующий элемент *or* отмечает переход от одной пропозиции к другой, между которыми существует связь, выводимая Говорящим на основании своего представления о том или ином событии и умозаключением, которое он делает, основываясь на текущем событии. Причем логическое обоснование, вводимое союзом *or*, передает связь между реально существующими объектами, находящимися в перцептивном пространстве Говорящего и Адресата. Ср.:

(13) *A Rollant rendent un estur fort e pesme. / Or ad li quens endreit sei asez que faire* ‘К Роланду мчат; их натиск зол и крут: / Граф должен бить не покладая рук’ (где P_1 враги наступают $\rightarrow$ P_2 бить врагов (P_1 *or* ‘значит’ P_2));

(14) *Creire voelt Deu, chrestientet demandet. / Baptizez la, pur quei Deus en ait l’anme. / Cil li respundent: Or seit fait par marrenes!* ‘Алчет принять наш закон христианский. / Крещенья ждет, чтоб упасть от ада. / А те в ответ: Найти ей крестных надо, / Надежных дам, и почтенных и знатных’ (где P_1 ожидание крещения $\rightarrow$ P_2 необходимость крестных (P_1 *or* ‘значит’ P_2)).

Таким образом, в период старофранцузского языка намечается переход от темпорального употребления старофранцузского *or* к современному союзному *or*. Согласно результатам корпусного исследования наблюдается примерно одинаковое использование данной лексемы как для выражения текущего момента (49, 95 %), так и выражения логического следования между событиями и явлениями (50,05 %). Важно отметить, что каким бы ни было употребление лексемы *or* наречным или союзным, она сохраняет свои дейктические свойства в старофранцузском языке.

Настоящее исследование позволило проследить диахроническую эволюцию малого масштаба – в пределах трех веков – каждого отдельно взятого сочинительного союза, выявив их качественные и количественные характеристики в период старофранцузского языка, как синхронического отрезка.

Результаты проведенного исследования дают основания утверждать, что становление системы сочинительных союзов представляет собой явление комплексное, неоднородное и мозаичное как в языковом, так и в историческом плане.

Во-первых, несмотря на единое латинское происхождения сочинительных союзов в современном французском языке (*et* < *et*, *ni* < *ne*, *ou* < *aut*, *car* < *quare*, *or* < *Nas hora*, *mais* < *magis*, *donc* < *dum*) их появление в системе хронологически не совпадает, хотя и коррелирует с периодом старофранцузского языка, к которому относится первое упоминание той или иной единицы. Данный факт свидетельствует о неравномерности развития сочинительных союзов.

Хронологическая последовательность первой письменной фиксации сочинительных союзов в старофранцузском языке представлена на рис. 6.8.

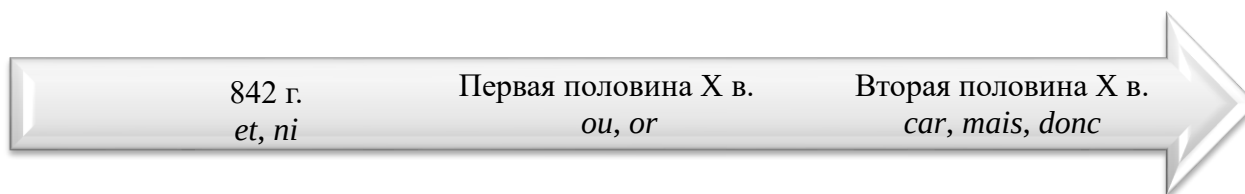

Рис. 6.8. Первая письменная фиксация сочинительных союзов в старофранцузском языке в диахронии.

Во-вторых, важной особенностью старофранцузского синтаксиса является уточнение функций уже существующих в системе языка сочинительных союзов унаследованных из латыни, а также употребление уже имеющихся единиц в функции союзов с последующей дифференциацией их синтагматики, семантики и функционирования.

Изначально только четыре единицы *et*, *ni*, *ou*, *mais* в старофранцузском языке служат для выражения сочинительной связи. Союз *car* в старофранцузском языке одновременно использовался и для выражения сочинения, и для выражения подчинения. Сочинительный союз *or* является результатом перехода из темпорального наречия, а союз *donc* восходит к темпоральной частице. Соответственно основные семантические изменения будущих сочинительных союзов в старофранцузском языке происходят по принципу «использование старых средств для новой функции»: так, значение темпоральности (одновременности, последовательности и текущего момента) лежит в основе отношений, представляемых союзами *donc*, *car* и *or*.

В-третьих, в старофранцузском языке соединительные свойства семи союзов *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni* ‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’ проявляются в установлении сочинительной связи между синтаксическими единицами различной степени сложности.

В простом предложении для связи однородных членов используются исключительно соединительные (*et* ‘и’ и *ni* ‘ни’) и разделительные (*ou* ‘или’ и *ni* ‘ни’) союзы. Противительный союз *mais* ‘но’ имеет четко очерченную сферу употребления в сложносочиненном предложении и более чем в трети случаев своего употребления находится в инициальной позиции, соединяя простые предложения в сложносочиненный комплекс. Союзы *et*, *mais*, *donc*, *car*, *or* в старофранцузском языке соединяют простые предложения в сложносочиненный комплекс, указывая на последовательность разворачивания событий, связанность одного события с другим, а также характер отношения, между ними существующего. При этом сохраняется содержательная самостоятельность предложений, а связь, устанавливаемая между сочиненными предложениями, оказывается значимой для целостного восприятия ситуации.

Ведущая роль союза *et* ‘и’ проявляется как в выражении отношения чистой конъюнкции, так и в выражении «неконъюнктивных» отношений. Причинно-следственные отношения, выражаемые сочинительными союзами

donc и *car*, имеют свою специфику: в старофранцузском языке союз *donc* вводит следствие, союз *car* – причину, что ограничивает сферу их функционирования сложносочиненными предложениями либо оформлением в самостоятельное высказывание с обязательным их употреблением в начальной позиции. Сфера функционирования союза *or*, репрезентирующего отношения логического следования, ограничена сложносочиненным комплексом. Именно употребление союза *or* в начальной позиции предложения количественно превосходит другие союзы в данной позиции.

Информация о частеречной принадлежности исследуемых единиц в старофранцузском языке, их сферы функционирования, основных типов устанавливаемых ими отношений, а также синтагматических особенностях (позиция в предложении согласно корпусным данным) обобщена в табл. 6.6.

Таблица 6.6

Качественные характеристики сочинительных союзов
в старофранцузском языке

Единица	Часть речи			Сфера функционирования			Основные типы отношений						Позиция в предложении (кол-во вхождений в подкорпусе, %)		
	союз	наречие	частица	простое предложение	сложносочиненное предложение	сложносочиненный комплекс	соединительные	противительные	разделительные	темпоральные	каузативные	логическое следование	начальная	средняя	конечная
<i>et</i>	✓			✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	17,2	82,6	0,2
<i>ou</i>	✓			✓					✓				3,5	95,9	0,6
<i>ni</i>	✓			✓			✓		✓				3,9	94,1	2,0
<i>mais</i>	✓	✓			✓	✓		✓					39,2	59,2	1,6
<i>or</i>	✓	✓				✓				✓		✓	64,0	33,9	2,0
<i>donc</i>	✓	✓	✓		✓	✓				✓	✓		39,8	55,1	5,1
<i>car</i>	✓	✓	✓		✓	✓					✓		26,8	73,1	0,1

В ходе данного исследования было выдвинуто предположение о наличии определенных тенденций в развитии системы сочинительных союзов французского языка. Качественные и количественные характеристики союзов либо сохраняются неизменными начиная с периода старофранцузского языка, либо видоизменяются (полифункциональное употребление и функциональная транспозиция), при этом употребление сочинительных союзов может квалифицироваться как ненормативное для современного французского языка, сохраняясь как архаичное, либо полностью исчезнуть в последующем – что требует верификации в дальнейшем исследовании.

Глава 7. О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СТАТУСА СУБЪЕКТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX СТОЛЕТИЙ

В фокусе нашего внимания – концептуальная природа субъекта во французской и белорусской литературе рубежа XIX–XX веков. В частности, характерное для поэзии символизма явление *деперсонализации* – обретение лирическим героем иных, неличностных свойств – освещается в литературоведческих работах (A. Nasłowska, 1999), но в сопоставительном аспекте исследовано недостаточно. Для выявления форм деперсонализации, помимо оригинальных поэтических текстов и их переводов, нами были изучены критические очерки о французской и белорусской лирике рубежа XIX–XX веков. В свою очередь, утрата субъектом жизненных черт, его все более необычный характер провоцируют внимание к судьбе литературной универсалии – пространства *любви*: изучение предпосылок и путей развития этой темы не менее важно. Толкование любви, вызывающей огромный читательский интерес и «тождественной» самой литературе, не может исчерпываться исследованиями в синхронии: анализ траектории развития темы позволяет выявить специфические ее черты, присущие, с одной стороны, французским, с другой стороны, белорусским текстам. Так, значимыми элементами пространства любви на рубеже столетий выступают образ *роковой женщины* (J. Palacio, 1994), подробно описанный в монографии Жана Маркаля (J. Markale, 1972) и других работах (С. Beaufils, 1990; М. Niquieux, 2000), а также мотив *любви-одержимости*, оказавший более чем полувекковое влияние не только на литературу, но и на кинематограф. Поиск национальной специфики в выражении этих смыслов составило цель второго этапа исследования, подготовленного на материале романов французского писателя-декадента Жозефена Пеладана и бельгийского символиста Жоржа Роденбаха, их переводов на русский язык, переводческих комментариев, а также критических статей о наследии белорусского классика Максима Богдановича.

7.1. Формы деперсонализации лирического субъекта во французской и белорусской поэзии рубежа XIX–XX веков

Изучение поэзии модернизма требует переосмысления природы поэтики: на смену образу приходит символ с его новой реальностью. Последняя предстает не как метафора реального мира, но как возможность, условность, изменчивость.

Эстетическая парадигма поэзии также отличается от предшествующих: модернизм отстраняется от традиций, предоставляя свободу художественному поиску. Поэзия становится открытым пространством, позволяющим искусству менять правила и выходить за рамки прежних эстетических кано-

нов, создавая новые формы. Одной из них, как известно, становится свободный стих, который практикуют не только Верлен и Рембо, чьи тексты хорошо исследованы. К верлибру обращаются Реми де Гурмон, Гюстав Кан, Анри де Ренье, Жюль Лафорг, Анри де Ренье, основатель собственной школы Стефан Малларме, Пьер Кийярд, Жюль Ренар, Лотреамон, поэт-маринист Тристан Корбьер, поэт-мистик Франсис Пуактевен, Пьер Луис, Жюль Лафорг, Жан Мореас, Стюарт Мерилль, Сен-Поль Ру, Франсис Жамм, Рене Гиль, Анри Батай, автор баллад Поль Фор [Gourmont].

Символизм уходит от метафоры, «сгущая» последнюю до состояния знака. Знак, в свою очередь, неизбежно отождествляется с означаемым объектом реального или воображаемого мира: постоянное движение между двумя этими сущностями и есть символизм.

У истоков символизма стоит французская поэзия. В Париже *конца века* встречаются поэты и художники, основываются литературные общества и редакции поэтических журналов, и в течение нескольких лет публикуются десятки собраний «непонятных» критикам стихотворений. Их авторами были Малларме, Верхарн, Мореас, Лафорг, Верлен, молодой Рембо, и эта поэзия составляет направление, известная под названием декаданса, позднее – символизма [Dutourd].

Поэтика *конца века* синтетична: сущности разных порядков – символы, реминисценции, ощущения, фантазии все менее разобщены. «Поэтической реальностью» становится реальность символа [Гурмон]. Наконец, в символистской поэзии обнаруживается явление **деперсонализации субъекта** – своеобразного ухода от собственного «я», при котором на смену субъекту приходит некоторая отстраненная сущность [Nasiłowska].

Например, известное стихотворение «Распятие» (*La crucifixion*) польского поэта Станислава Кораб-Бжозовского, писавшего на французском языке, выступает примером деперсонализации лирического субъекта:

Mon âme, dans une couronne de ronces, / Sur la croix blanche de ton corps, / Retenue par les clous de mes espérances, / Doucement agonise, la tête penchée vers le bas. / Et je suis seul, comme Judas Iscariote, / A l'avoir trahie, livrée au frisson de l'agonie, / En échange de ton baiser passionné... / Hélas, ce Calvaire me remplit d'épouvante ! 'Душа моя, в венце терновом, / На белый крест молодого тела / Приняв желания оковы, / Покойно в небо улетела. / И я, сродни Искариоту, / Изведав сладкой неги диво, / Песков Голгофы позолоту / Содеял гибелью счастливой' [Кораб-Бжозовски, с. 7].

Исследователь Анна Насиловска обращает внимание на то, что переживания лирического субъекта представляют собой признание «исчезнувшего» лирического героя – «не жалобу брошенного друга или обманутого возлюбленного», но «экзистенциальный опыт». Кроме того, лирический герой «не несет биографического следа, оторван от внешних обстоятельств, его смыслом выступает изучение экзистенциальной ситуации» [Nasiłowska, s. 7–30].

Мы видим, как персональный опыт замещается духовным и утрачивает связь с реальным миром: в качестве лирического субъекта выступает душа, которой предстоит новый опыт. Сам конструкт лирического субъекта обретает не психологическое, но философское содержание, соответствующее не столько индивидуальному жизненному пути, сколько универсальной форме жизни.

Внимательное прочтение написанной в 1910 году поэмы брата Станислава Кораб-Бжозовского – Винцентия, жившего во Франции и оставившего значительное поэтическое наследие на французском языке, показывает, что дорога «в глубины души» становится дорогой к одиночеству. Разрыв с чуждым декаденту внешним миром, с условностями, препятствующими внутреннему освобождению, становится реальностью. При этом лирический субъект «с радостью приемлет одиночество» – «одновременно наказание и награду»: *Je ne suis pas encore frère des condamnés / A regretter la vie, et la vie en moi plane ; / Cependant je m'en vais par les champs où l'on glane / Avec humble douceur les pâles lys fanés. / Je me suis incliné comme ces ombres vaines / Qui portent des linceuls trainants couleur d'ennui, / Et, sous un firmament où nul astre ne luit, / En songeant, j'ai cueilli les roses souterraines. / Prends-le, ce froid bouquet, comme marque suprême / De mon immense amour, ô toi seule que j'aime, / Et chaque soir aspire un moment ses parfums : / Par eux initiée à la monotonie / Navrante infiniment des climats d'agonie, / Moins amers te seront les regrets des défunts* 'Я не бывал на перекрестке двух дорог, / Коль скоро горести мой путь не облачили, / Но раз иной увядших, бледных, нежных лилий / У стоп моих лежит благоуханный лог. / В сей час, склонившись, словно грезя наяву, / Подобно цветку, что остынет в хладных травах, / Что будто убран в белый, долгополый саван, / Букет подземных роз я в сумерках сорву. / Прими букет сей хладный – пусть он станет даром / Любви моей, струной – умолкнувшим кифарам... / Я аромат его вдохну, и всякий час / Тягучей мне почудится и монотонней, / Тугую судорогу разомкнет агоний / И скорби умерших отгородит от нас' [Кораб-Бжозовски 2016, с. 87]. Этот фрагмент представляет собой безусловное продолжение уже сложившейся традиции французских поэтов, соединяющей художественное (Эредиа) и музыкальное (Верлен) начала.

Последующие доводы покажут, что деперсонализация лирического героя пришла в белорусскую поэзию под влиянием французской традиции (отметим переводы из поэзии Верлена, выполненные Максимом Богдановичем).

Далее следует указать на то, что явление деперсонализации лирического героя, характерной для поэзии модернизма, может выступать не только в форме отсутствия психологических, жизненных, личностных черт лирического «я».

Так, обратим внимание на то, что **в качестве лирического субъекта может выступать субстанция города** – идея (как и форма) города именно на рубеже XIX–XX вв. получает новое содержание. Важно помнить, что

центральным элементом образа города в литературе и искусстве прежде выступало понятие центра – замкнутого пространства, сообщающего чувство защищенности. Промышленная революция и последовавшие изменения в облике города указали новое направление в теоретизации городского пространства: центр утратил свою целостность. Эти преобразования не только сделали проблематику города необычайно востребованной, но и нашли отражение в поэзии эпохи. Например, в городах Фландрии, где на протяжении веков панорама города была доступна одному взгляду, новый облик города был воспринят настолько болезненно, что обрел тождество с лирическим субъектом.

Так, в «Городских пейзажах» (*Paysages de Ville*, 1901) – поэтическом цикле Жоржа Роденбаха (1855–1898) – статус субъекта получают стены и камни, дома и улицы, черные трубы и красные черепичные крыши: *Dans l'aurore s'éploie un octobre des pierres / Le vent vindicatif, après tant de saisons, / En des jours gris, des jours de souffrances plénières / Ébranle la langueur des anciennes maisons / Dont le front se lézarde en rides de vieillesse. / Sombres murs avancés en âge ! Vieux logis / De qui l'âme s'attarde aux rideaux défraîchis, / Branlants de souvenirs et perclus de tristesse, / Qui tamponnent avec de la mousse à leur flanc / La blessure au sang vif des briques s'éraflant ; / Vieilles maisons de qui les toitures minées / Voient dépérir, autour des noires cheminées, / Les tuiles rouges qui s'effeuillent lentement* [Rodenbach, p. 75–107] *Уж осень грустная для камня наступила, / Уж ветер мстит домам за стойкость долгих лет, / Носящим на челе морицин глубокий след, / В мучительные дни, когда все так уныло, / И ветром древние дома потрясены. / О стены темные! Жилища старины, / Чьи души в выцветших завесах запоздали! / Воспоминанием томясь, полны печали, / На раны по стенам свой мох они кладут / И крови кирпичей сочиться не дают; / Вокруг их черных труб, на кровле обветшалой / Спадают черепиц багряные листы* [Роденбах 1999].

Роденбах отрицает новый, хаотический город, порывающий со своим первоначальным обликом. Поэт не приемлет разрушения идеи центра – выхода города за собственные пределы. Будучи «голосом средневекового города», поэт стремиться удержать его динамическое развитие, вернуться к статическому, «замершему» городу, дающему ощущение безопасности.

Такое отождествление лирического субъекта с «душой» города приводит к отрицанию городской реальности и к идеализации города-призрака: *En ces villes qu'attriste un chœur de girouettes, / Oiseaux de fer rêvant de fuir au haut des airs, / En des villes sans joie aux carrefours déserts / Où de rares passants, en grises silhouettes, / Se meuvent, balançant leur marche comme un glas* [Rodenbach 1991, p. 75–107] *В печальных городах, где хоры флюгеров, / Железных птиц, лететь стремятся в высь напрасно, / Где грусть на улицах пустых царит всевластно, / Где редко слышится унылый звук шагов / И где прохожие скользят, как привиденья* [Роденбах 1999].

Персонификация городского пространства, утверждение последнего как «прибежища души» выступает формой деперсонализации лирического героя и в белорусской поэзии. Так, в стихотворении Максима Багдановича «Я хацеў

бы спаткацца з Вамі на вуліцы...» (1915) город оказывается «точкой отсчета» для эмоционального развития лирического субъекта, его признания в самых сокровенных желаниях и устремлениях: *Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы / У ціхую сінюю ноч / І сказаць: / «Бачыце гэтыя буйныя зоркі, / Ясныя зоркі Геркулеса? / Да іх ляціць наша сонца, / І нясецца за сонцам зямля. / Хто мы такія? / Толькі падарожныя – папутнікі сярод нябёс. / На што ж на зямлі / Сваркі і звадкі, боль і горыч, / Калі ўсе мы разам ляцім да зор?»*.

В отличие от бельгийского поэта Максим Богданович пишет свободным стихом, подчеркивающим развитие города, расширяющего собственные границы. Это движение – не что иное, как стремление лирического субъекта самостоятельно выбирать собственный путь. Более того, если современный Роденбаху город чужд внутреннему миру поэта, то в лирике Богдановича мы не находим этого противоречия.

Так, в созданном в 1911 году поэтическом цикле «Места» («места» – старобелорусское слово, означающее город) город предстает субъектом познания мира – субъектом слышащим и чувствующим: *Вулкі Вільні зіяюць і гулка грываць! / Вір людзкі скрозь заліў паясы тратуараў, / Блішчаць вокны, ліхтарні ўгары зіхацяць / Коні ймчацца, трамваі звіняць, / І гараць аганьком вочы змучаных твароў! / А зьвярні у завулак – ён цесны, крывы; / Цёмны шыбы глухіх, старасьвецкіх будынкаў; / Між каменнямі – мох і сьцяблінкі травы, / І на вежы, як круглае вока савы, / Цыфэрблят – пільны сьведка мінулых учынкаў* [Багдановіч 2005].

Мы видим, что механизм деперсонализации субъекта приводит в действие персонификация элементов городского пространства: лирическое «я» образуют улицы и тротуары, окна и фонари, дома и переулки, камни и стены. Башенные часы на колокольне у кафедрального костела символизируют, в свою очередь, диалектику времени – единство постоянства и развития (циферблат выступает свидетелем одновременно и прошлого, и настоящего).

Разбор сонета М. Богдановича «У Вільні» (1912) также помогает лучше понять явление деперсонализации субъекта – в пользу сложного образа, в качестве которого выступает вокзал, символизирующий движение, но также начало и окончание пути: *Ліхтарняў сьвет у сіняй вышыне... / Вітрынамі зіяючыя крамы, / Кавярні, мора вывесак, як плямы / Анонсы і плакаты на сьцяне. / Кініць натоўп на жорсткім вулак дне! / Снуюць хлапцы, суючыя рэкламы... / Разносчыкі крычаць ля кожнай брамы... / Грук, гоман, гул, – усё ракой імкне. / А далей – за радам кас, ламбардаў, банкаў, – / Агні вакзала... павадка фурманкаў... / Віры людзей... сіняшчы паравоз... / Зялёны семафор... пакгауз... склады... / Заводаў коміны пад цьмой нябёс... / О, горада чароўныя прынады!* [Багдановіч 2005]

На первый взгляд, поэма лишь запечатлевает фрагмент города, оказавшийся в поле зрения лирического субъекта. На самом же деле в качестве последнего выступают сам город в своем многообразии. Так, лирический субъект представлен в знаковых атрибутах города, среди которых – фонари и ворота, афиши и плакаты, витрины и вывески. Наконец, автор наделяет субъекта голосом города (*грук, гоман, гул*).

Есть основания полагать, что женской символической поэзии в меньшей степени свойственна деперсонализация. Женская лирика все еще во многом представляет собой часть поэтического пространства *конца века*, со свойственной эпохе эстетизацией смерти (вспомним, в частности, поэзию Рене Вивьен).

Отметим, что белорусская женская лирика символистского направления создавалась почти исключительно на польском языке и была переведена на белорусский язык лишь в последние несколько десятилетий (в качестве примера следует привести огромную работу исследовательницы Ирины Богданович по переводу наследия Зоси Тшешковской) [Багдановіч 2001]. Позднее были опубликованы и русские переводы из Тшешковской [Тшешчковска].

Зося Тшешчковска (1847–1911) – поэтесса и автор поэтических переводов (из Мистрала, Бодлера, Байрона), родившаяся в Дороговице (сегодня – Копыльский район Минской области) и писавшая исключительно под криптонимом Адам М-ски (*Adam M-ski*) – сокращенным именем отца. Автор единственной книги стихов «Отзвучавшие аккорды» (*Przebrzmiałe akordy*) и множества стихотворений, рассредоточенных по литературным журналам, Тшешчковска на протяжении всей биографии скрывала свое настоящее имя и оставалась вдали от литературной жизни, обращаясь к редакторам в письмах. Несмотря на то, что такая смена идентичности очевидным образом усложняет прочтение ее лирики, в последней не прослеживается черт деперсонализации субъекта.

Лирический субъект Тшешковской проявляет себя через противопоставление местоимений я – ты – мы: *Між намі згасла ўсё даўно, / Нічога не злучае, / І толькі мройны сон адно / Палоніць, набягае* (стихотворение «Нічога больш», пер. И. Богданович).

Кроме того, ее герой (героиня) демонстрирует многообразие личностных проявлений, эмоций, устремлений: *Ціхія крокі... Як стукае сэрца! / Ты да грудзей маіх тулішся ў стоме. / Моцна цябе абдымаю, здаецца, / Дзіўным агнём запаліліся скроні. / О, як мне добра! І болю не чуе / Сэрца, не труціць ніякая горыч. / Лежаш даці сабе не хачу я, / Сэрца тваё адчуваючы побач* (цикл «Вячорныя сны», пер. И. Богданович).

К символистам принадлежит также Анна Загорска, писавшая под псевдонимом *Savitri*. Поэтесса родилась в 1882 году в имении Бышлаки под Могилёвом (по другим данным – в Витебске) и погибла в 1942 году в Освенциме. Загорска – автор значительного числа стихотворений, но также драматических произведений и ряда критических очерков о женщинах-литераторах.

Лирический субъект Загорской также проявляет себя через систему местоимений, хотя и не вполне ясно, кому – мужчине или женщине – принадлежит звучащий голос: *Я панясу ў курганаў, / маўклівую юдоль, / маёй смяротнай раны / мне прадказаны боль / Падуць яго раскаты / сярод крышталёвых скал, / ператварацца ў страты / бяссонны карнавал* (перевод наш. – Е. Р.) [Zahorska, s. 208].

Наконец, деперсонализация может принимать **форму отказа от цвета** в поэзии – своего рода ахроматичности, «черно-белого» эстетического решения.

Так, утверждение визуального начала в лирической поэзии – диалог образа и слова – характеризует творчество едва ли не всех поэтов-модернистов. Вместе с тем в «изобразительной поэзии» рубежа XIX и XX веков можно встретить необычный вариант экфрасического стиха, парадоксальным образом «игнорирующего цвет».

Пример подобного экфрасиса – стихотворение «Блаженная Беатриса» (*Beata Beatrix*) – «экфрасический монолог», «интерпретацию» поэтессы Марыли Вольской (1873–1930) одноименной картины Россетти, созданной в 1864–70 гг. На известном полотне в образе умирающей Беатриче Данте представлена Элизабет Сиддал – поэтесса и художница, муза прерафаэлитов и жена Россетти.

Марыля Вольска воспитывалась в атмосфере культа умершего молодым художника Артура Гротгера (1837–1867) – первого жениха матери, детской писательницы и переводчицы Ванды Монне, француженки по происхождению. Несмотря на это обстоятельство, Вольска в своих стихах никогда не обращается к живописи прямо. И даже редкие, почти не имеющие палитры экфрасические стихи – «обязательные» для поэта-модерниста – не перекликаются с иконографией картины, не повторяют и не развивают ее фабулы, но становятся лишь неким впечатлением, репликой. Так, лирический субъект ее «ахроматического» прочтения «Блаженной Беатрисы» Россетти – легендарная рыжеволосая англичанка Элизабет Сиддал – неузнаваема во многом потому, что Вольска преднамеренно игнорирует цвет: *Как прошагавший мила, / Ни благ, ни зол не помня, / Я телом быть не в силе / Не в силе стать и духом – / Лишь раковиной темной, / К себе лишь чутким слухом* [Вольска, с. 53].

Таким образом, цвет – центральный элемент изобразительного начала – не всякий раз присутствует в экфрасической поэзии и выступает лишь одним из ее возможных пространств. Отказ от цвета, в свою очередь, оказывается вариантной формой деперсонализации лирического субъекта: лишая изображение палитры, сохраняя только его очертания, лирический субъект выступает перед читателем лишь в одном из возможных прочтений своего внутреннего мира.

7.2. Пути развития пространства любви во французской и белорусской литературе рубежа XIX–XX веков

Как известно, во французской литературе интересующая нас тема носит проблематический характер уже в XIX столетии. Еще Дежене (*Desgenais*) – герой «Исповеди сына века» (*La confession d'un enfant du siècle*, 1836) Альфреда де Мюссе (1810–1857) – французского поэта и романиста, чье имя ассоциируется с легкомыслием и любовными тревоблениями (не исклю-

чавшими, тем не менее, глубины чувств) – не верил в любовь. В одном из эпизодов романа Дежене даже направляет к своему другу Октаву свою возлюбленную – с тем, чтобы научить его «никогда не влюбляться».

Современник Мюссе Жерар де Нерваль (1808–1855) – французский поэт-романтик, принадлежавший к поколению поэтов, «родившихся одновременно со столетием» – написал множество любовных романов. Значительное их число объяснялось стремлением встретить идеальную женщину, в существовании которой он не был убежден. Ощущение противоречия между мечтой и действительностью вдохновило его на путешествия – реальные (он оставил книги путевых заметок) и воображаемые. Впоследствии оно же стало причиной самоубийства в сорокасемилетнем возрасте (де Нерваль повесился на фонарном столбе на одной из парижских улиц – недалеко от дома, где жил). Примечательно, что присущие его творчеству эротизм, фантастика и идеализм (отметим, что одной из главных тем был мистический поиск совершенной женщины) позволяют считать де Нерваля предшественником французских символистов.

Обращаясь к литературе *конца века* сегодня, исследователи подчеркивают изменение, смещение целого ряда параметров, составляющих пространство любви [Markale; Ziegler].

С одной стороны, мы помним, что, к примеру, мадемуазель Мими – героиня «Сцен из жизни богемы» (*Scènes de la vie de bohème*, 1847–49) французского беллетриста Анри Мюрже – отличается легкомыслием и непостоянством.

С другой стороны, Жан Маркаль напоминает, что под «невинностью» следовало понимать «независимость женщины от мужчины». Невинной называлась «свободная женщина, неизменно расположенная к любви» [Markale].

Так, литературным примером такого образа выступает принцесса Леонора д'Эсте (Léonora d'Este) – героиня романа «Высший порок» (*Le Vice Suprême*, 1885) французского писателя Жозефена Пеладана (1858–1918).

Итальянская принцесса д'Эсте представляет собой литературный архетип *femme fatale*, воплощающей «высший порок» – торжество женщины над мужчиной. Богатая аристократка, владевшая несколькими иностранными языками и превосходно разбиравшаяся в литературе и классическом искусстве, д'Эсте статус жены находила недостойным. Д'Эсте, в частности, оставляет мужа (тот вскоре умирает от отчаяния) на следующий день после свадьбы, не усмотрев в семейных отношениях поэзии. Торжество над мужчиной – единственно возможная форма любви, которую он готов принять, поскольку лишь такие отношения представляются ей духовными, идеальными, необычайными [Péladan 1926].

Если верить биографам, прототипом д'Эсте была Анриет Майя (Henriette Maillat) – непродолжительное время возлюбленная и наставница Пеладана. Их отношения описаны как походившие на главенство матери над сыном – Анриет была старше, состоятельнее и занимала высокое положение

в обществе. Благодаря Анриет Пеладан, уроженец Лиона, стал вхож в литературные круги Парижа. Анриет пользовалась дурной репутацией: ей приписывали убийство мужа (тот совершил самоубийство при загадочных обстоятельствах) и многочисленные отношения с писателями-декадентами – современниками Пеладана – Леоном Блуа, Жюлем Барбе д’Ореви́льи, Жорисом-Карлом Гюисмансом [Beaufils 1990]. Последний изобразил ее наставницей сатанизма Гиацинтой Шантлу́в (Hyacinthe Chantelouve, от франц. *louve* ‘волчица’) в романе «Там внизу» (*Là-bas*, 1981), основанном на связи с ней. Как следует из переписки Анриет и Гюисманса, их отношения представляли собой сплав сатанизма и постоянного противостояния – Гюисманс был охвачен страстным чувством к женщине, в то время как та мечтала о смерти и любовных отношениях с дьяволом [Bricaud]. Анриет также писала Гюисмансу о своем недовольстве Пеладаном как возлюбленным – тот всякий раз оказывался «чересчур неподвластным». Последний, подобно героям своих книг, предположительно практиковал идеалистичное отношение к женщинам, за что подвергался унижению и осмеянию со стороны Анриет, считавшей платонизм Пеладана лишь попыткой замаскировать свою нерешительность [Sato].

Впрочем, во французской литературе XIX века можно обнаружить также миф русской роковой женщины – одну из форм рефлексии о России, которая описывалась во французской литературе как *immense, lointaine, mystérieuse, inquiétante* ‘огромная, далекая, таинственная, опасная’ [Neboit-Mombet]. Россия также ассоциировалась с холодом, печалью, жестокостью.

Необходимо «красивая, подневольная и несчастная», русская женщина едва ли является роковой: во французской литературе это испанка или итальянка. Так, у Пеладана это деспотичная итальянская принцесса Леонора д’Эсте. Вместе с тем, начиная со второго романа «Декаданса», Пеладан «забывает» о своей героине, предпочтя ее новой – русской принцессе Поль – андрогинной девственнице романа «Любопытная» (*Curieuse!*, 1886), которая превращается в ревнивую собственницу – героиню четвертого романа цикла «Декаданс» под названием «Потерянное сердце» (*A coeur perdu*, 1888) [Péladan 1888]. Отметим, что мать Поль, польская графиня Круковецкая, олицетворяет уже другой образ роковой женщины: Пеладан наделяет ее красотой и страстной натурой, но лишает материнского чувства. Так, смерть мужа, обер-камергера императора Александра I князя Владимира Рязанского графиня называет «счастливым несчастьем», вслед за которым она покидает Петербург со своим любовником графом Печерским, отправляясь в его поместье на Волге и оставив дочь на попечение тети, княгини Вологодской [Péladan 1886]. У Пеладана есть и другие славянские роковые женщины – героиня романа «Закат латинского мира» (*Finis Latinorum*, 1899) Татьяна Инавониха и княжна Софья Нарышкина, жертвующая добродетелью делу Революции и принимающая яд в романе «Черный нимб» (*Le Nimbe noir*, 1907).

Таким образом, речь идет об образе русской роковой женщины, созданном французским писателем *конца века*, не имеющим непосредственной связи ни с Россией, ни с русским миром, ни с русской литературой. Основываясь на исследовании М. Нике, отметим, что образ русской роковой женщины во французской декадентской литературе имеет как историческое, так и геополитическое объяснение. Прежде всего, он может быть литературным отображением террористических нападений народников, закончившихся убийством царя Александра II, совершенным в Петербурге 1 марта 1881 года. Среди террористов было много женщин – народниц (например, Вера Засулич, Софья Перовская), послуживших прототипами для собирательного образа русской *femme fatale* во французской (и в целом в западноевропейской) литературе *конца века*. В качестве одного из первых примеров назовем пьесу Оскара Уайльда «Вера, или Нигилисты» (*Vera; or, The Nihilists*, 1880) [Niqueux].

Во французской декадентской литературе – в частности, в серии романов Пеладана – можно обнаружить целый ряд отсылок, подтверждающих историческое и геополитическое происхождение образа русской роковой женщины. Так, в романе «Любопытная» княгиня Вологодская восхищается мятежной натурой своей племянницы (предупреждая, что та «способна поджечь Кремль») и упоминает имя графа Федора Ростопчина – предполагаемого виновника московского пожара 1812 года [Péladan 1886, p. 5].

Наконец, Пеладан пишет, что политические и экономические свершения Запада будут возможны благодаря русским [Péladan 1888, p. 15]. Упоминает он также и о славянской решимости, с которой принцесса Поль намерена поработить своего возлюбленного [Там же].

Подобные отсылки символически кодифицируют образ русской роковой женщины в художественном пространстве французской декадентской литературы.

Таким образом, в литературной парадигме *конца века* формируется образ роковой женщины. Это отличает эстетическую ситуацию рубежа веков от образных систем предшествовавших литературных эпох, в частности, от западноевропейской литературы XVIII века, в которой доминировал образ мужчины-соблазнителя.

Так, приведем пример сэра Роберта Ловеласа (*Robert Lovelace*, правильно – Лавлэйс, дословно – ‘любовное кружево’, от англ. *love* ‘любовь’, *lace* ‘кружево’). Это был персонаж эпистолярного романа Сэмюэла Ричардсона (1689–1761) «Кларисса» (*Clarissa, or the History of a Young Lady*, 1748), красавец-аристократ, соблазнивший юную главную героиню. Благодаря популярности произведения во всей Европе фамилия героя стала именем нарицательным еще в литературе XVIII века, указывая на соблазнителя, искателя любовных побед (сегодня такое словоупотребление мы обнаружили лишь в русском, белорусском и украинском языках).

Внимание к теме любви в литературе конца века позволяет убедиться и в значимости мотива *любви-одержимости*. Одержимость – в центре двух

известнейших романов бельгийского поэта и писателя Жоржа Роденбаха (1855–1898) – «Мертвого Брюгге» (1892), сочетающего черты детектива и мистического триллера, и «Выше жизни» (1897) – рассказа о герое, сделавшем «неверный выбор» между двумя женщинами.

Пространство «Мертвого Брюгге» образует мотив подобия. Мир главного героя по имени Гюг Виан состоит из «таинственных аналогий» – между знакомым и неизведанным, обыденным и экстраординарным, прошлым и настоящим [Hollinghurst]. Системы аналогий и соответствий (между материальным и духовным, осязаемым и воображаемым), образующие пространство романов «Мертвый Брюгге» и «Выше жизни», символизируют двойственность человеческой природы. Реальность романа – это одновременно «начало и конец, любовь и иллюзия любви, ересь и набожность, дождливо-туманное небо и серо-голубые глаза жителей Брюгге, тишина старых кварталов и будущий шумный порт» [Ревуцкая]. В XX веке эстетика двойственности вдохновит кинематограф. Будучи одним из самых известных текстов западноевропейской художественной литературы, «Мертвый Брюгге» станет «отправной точкой» для ряда кинематографических интерпретаций. Среди них – «Головокружение» Альфреда Хичкока (1958) и «Зеленая комната» Франсуа Трюффо (1978) – кинокартины, построенные на символических кодах и игре времени.

Следует отметить, что сюжет «Мертвого Брюгге» был положен в основу оперы (премьера «Мертвого города» молодого австрийского композитора Э. В. Корнгольда состоялась в 1929 году). Роман был трижды экранизирован, но киноверсии редко оставались верны сути конфликта между главными героями [Detemmerman]. И только благодаря триллеру Хичкока, также построенному на сложной системе соответствий, «Мертвый Брюгге» приобрел статус «мифического» текста.

Действие романа «Выше жизни» (переводчик и исследователь творчества Роденбаха Мария Веселовская (1877–1937) отказывается от дословного перевода названия – «Звонарь») также происходит в Брюгге. Но если «Мертвый Брюгге» – это история наваждения, то «Выше жизни» – история любви, «не имеющей имени», где «события не играют никакой роли», но лишь «обнаруживают то, что таится внутри нас». Это история героя, Жориса Борлюта, сделавшего «ошибочный выбор» между двумя женщинами – Барбарой, имевшей «пристрастие к пыткам, инквизиции и крови» и Годеливой, «склонной к мистицизму» в своих попытках найти любовь [Роденбах 2018].

Отметим далее, что в белорусской литературе конца XIX века, продолжавшей, несмотря на появление отдельных декадентских черт, романтическую традицию, пространство любви находится в центре поэтического мира (Элиза Ожешко, Зося Тшешчовска). Любовь понимается как наивысшая ценность, точка отсчета, «цель и смысл жизни, дорога к познанию самой себя [лирической героини] и мира». Нередко речь идет о первой и безответной любви, но об этом чувстве нередко говорится лишь иносказательно. Пример – переписка Марыли Вольской и Элизы Ожешко, продолжавшаяся

до 1898 года. Мотив идеальной любви (и это хорошо известно из имеющихся исследований «программных» текстов белорусской поэзии) изучен, в частности, на материале известнейших стихотворений Богдановича (хрестоматийным примером выступает, разумеется, стихотворение «Вероника»).

Вместе с тем ракурс видения белорусской поэзии начала XX века формирует табу вокруг образа *роковой женщины*. Литературоведы, историки литературы и биографы неоднозначно трактуют образ, сложно соотносящийся с устоявшимися представлениями о любовной лирике, составляющей канон белорусской поэзии. Можно предположить, что фигура *роковой женщины* заведомо исключаются из концептуальной системы белорусской поэзии, уступая, например, образу *верной возлюбленной*.

В качестве примера приведем настороженное отношение историков литературы к «интимному дневнику» Максима Богдановича – четырем сохранившимся страницам карандашных записей, сделанных поэтом в 1915 году в Старом Крыму и фиксирующих эпизоды любовных отношений с замужней женщиной по имени Клавдия. Дневник до конца не расшифрован и никогда не предназначался для публикации. В 1980-е годы с двумя листами двустороннего текста, которые в советское время были признаны «не имеющими литературоведческой ценности», работали эксперты-криминалисты. В конце 1990-х сотруднице фондов Литературного музея Алене Лаптенюк удалось прочесть еще порядка 10 новых слов [Сцепаненка].

Директор Литературного музея Богдановича Татьяна Шелегович признает: «Сапраўды, гэта было пылкае каханне, блізкае да жарасці, да такога забвення аднаго другім. Ёсць такі нюанс, што гэтая жанчына была замужняй і Максім, хутчэй за ўсё, ведаў пра немагчымасць рэалізацыі нейкіх далейшых планаў» [Скрипт... ОНТ от 26 мая 2011 г.].

С одной стороны, историки литературы и хранители фондов, имевшие в разное время доступ к рукописи, не решались публиковать дневник, трактуя его как текст, написанный «для себя», уважая память поэта. Так, Олег Санников, также занимавшийся расшифровкой текста, утверждает, что даже то, что удалось прочесть (это – немногим более трети текста), позволяет «скласці ўяўленне пра паэтаў характар, пра яго погляды на жанчын і адносіны з Клавай, якую ён сустрэў улетку 1915 года ў Старым Крыме... Дзёння падрабязна раскажывае пра інтымныя адносіны, і таму мы не маем права цытаваць тое, што пісалася для сябе, што з'яўляецца таямніцаю...» [Сцепаненка].

С другой стороны, литературная и биографическая ценность рукописи требует подготовки дневника к изданию, а также выполнения научных комментариев.

Отметим, что в энциклопедии «Максім Багдановіч», изданной в 2011 году, имеется статья «Интимная лирика», но образ женщины, доставляющей страдания мужчине, в ней не представлен. В том же 2011 году – к 120-летию со дня рождения поэта – автограф Крымского дневника был выставлен в музее Богдановича в Троицком предместье, но его содержание по-прежнему под запретом.

Историки литературы и сегодня отказываются говорить о роковой женщине, вдохновившей поэта на создание последних в его жизни текстов (адресованные Клавдии стихи писались по-русски и утрачены в годы Второй мировой войны вместе с архивом Богдановича). Их доводы «цитирует» театральная постановка Сергея Ковалёва [Палякова 2013]: «Мы абураліся жаданнем супрацоўнікаў музея прыўлашчыць Багдановічаву спадчыну, увесці цэнзуру... Слушна абураліся. Але калі я сядзеў на экзамене, слухаў адказы студэнтаў, я раптам уявіў, як яны <...> будуць чытаць інтымны дзённік Багдановіча і якія каментары яны будуць даваць... Нешта ўва мне зламалася... Знікла пэўнасць... (Цвёрда.) Карацей, я таксама супраць публікацыі дзённіка» [Ковалёў, с. 154].

Более того, в 2006 году одно из минских частных издательств выпустило книгу под названием «Интимный дневник», в которую вошли стихи, переводы, статьи и фрагменты переписки Богдановича, но никак не тот текст, который литературоведы называют «дневником».

Деперсонализация субъекта во французской и белорусской символистской поэзии может исследоваться, по меньшей мере, в трех направлениях. В частности, пространство лирического субъекта может занимать духовная сущность, получающая развитие в рамках экзистенциального опыта. Кроме того, в качестве лирического субъекта может выступать субстанция города. Элементы городского пространства могут быть организованы вокруг идеи движения и развития (цикл «Места» Максима Богдановича) либо, наоборот, стремиться к средневековой герметичности (цикл «Городские пейзажи» Жоржа Роденбаха). Наконец, на фоне синтеза образа и слова, значимого для символистской поэзии, деперсонализация может принимать форму отказа от цвета, «черно-белой» эстетики, позволяя читателю самостоятельно наполнить смыслом лирическую субстанцию.

Изучая пространство любви в литературе рубежа XIX–XX веков, мы обнаруживаем, что характерный для романов Роденбаха мотив любви-одержимости получает в дальнейшем развитие в кинематографе. Серия романов Пеладана как образец французской декадентской литературы культивирует образ роковой женщины (в частности, русской роковой женщины, чья фигура основана на исторических и геополитических предпосылках), в то время как белорусская поэзия начала XX века (М. Богданович) представляется приверженной мотиву идеальной любви. Историко-литературоведческое осмысление наследия М. Богдановича исключает как образ роковой женщины, так и мотив любви-одержимости из своего исследовательского инструментария. Очевидно, что тема любви во французской и белорусской литературе подразумевает большее разнообразие образов и мотивов, требующих дальнейших сопоставительных исследований.

Глава 8. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНФРОНТАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА

В данной главе монографии на основе изучения конфликтной диалогической интеракции на французском и белорусском языках выявляются, анализируются и сопоставляются лингвистические маркеры реализации речевых тактик возмущения и оскорбления, а также таких их разновидностей, как нетерпение, возражение, неприязнь (для тактики возмущения) и насмешка (для тактики оскорбления).

Прагматический потенциал выявленных языковых средств влияния на собеседника определен с опорой на различные контекстуальные характеристики коммуникативной ситуации, в частности вербальные (внешние и внутренние) и социальные (или социально-статусные).

Актуальность исследования обусловлена распространенностью речевых конфликтов во всех сферах жизни, что требует изучения особенностей воздействия на коммуникативного партнера посредством тактик конфронтации во французской и белорусской лингвокультурах. Как правило, художественная литература передает социально-культурную картину той или иной страны, *поэтому позволяет изучать специфику общения в ней* [Якищенко].

Заметим, что в данном исследовании в словосочетании *тактика возмущения* под *возмущением* понимается эмотивное выражение возмущения говорящим, а не его спонтанное, естественное проявление этой эмоции (которая может выражаться другими тактиками конфронтации).

Понятию *возмущение* «Толковый словарь...» С. И. Ожегова дает следующее определение: сильное раздражение, негодование (например, *в крайнем возмущении*) [Ожегов, с. 89].

Обобщенное определение понятия *indignation* ‘возмущение’, взятое из французских словарей, может быть представлено следующим образом: «*Sentiment de révolte, de mépris et de rancœur suscité par tout ce qui peut provoquer la réprobation, heurter la conscience morale (comme une insulte, une action mauvaise ou honteuse, une indignité ou une injustice)*» ‘Чувство протеста, презрения и горечи, порожденное всем, что может вызвать осуждение, оскорбить моральное сознание (например, обида, плохой или постыдный поступок, недостойность или несправедливость)’ (здесь и далее перевод наш. – А. Ч.) [Lexilogos].

Следовательно, тактика *возмущения* направлена на последующее устранение несоответствия всеобщим этическим принципам морали и нравственности какого-либо неблагоприятного действия адресата: оскорбления, злого или предосудительного поступка, несправедливости или нанесения обиды.

Воздействующим эффектом тактики возмущения является осознание адресатом своего проступка и сожаление о содеянном благодаря выраженному говорящим чувству негодования, презрения и горечи.

При реализации речевой тактики возмущения основное значение приобретают следующие релевантные *компоненты* коммуникативной ситуации: говорящий (недовольная сторона), адресат (объект недовольства), предмет возмущения, социальные нормы поведения, эмоциональное состояние говорящего. Хотя проявление эмоциональности характерно для всех тактик конфронтации, выражение эмоционального состояния как компонент коммуникативной ситуации присутствует только в реализациях тактики возмущения в форме прямого указания говорящим на чувства, которые в нем вызвало действие-конфликтоген со стороны адресата (см. выше определение понятия *indignation* 'возмущение' через родовое понятие *sentiment* 'чувство').

Мотивом конфликтного общения часто становится изначально предвзятое отношение к собеседнику, причиной которого может быть плохое настроение говорящего или просто желание противоречить адресату во всем без всяких оснований. В данном случае наблюдается отсутствие конфликтогена.

– *J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui ! Quand m'écouterait-on ?..*

– *On va te commander autre chose, souffle Diva en posant sa main sur la sienne.*

– *Mais je ne veux pas « autre chose » ! D'abord, j'ai faim et je veux manger. Cela fait une demi-heure que j'attends ! Mais ça, tu t'en moques !..*

– *Allons-nous-en, si tu préfères !* [Chapsal, p. 194]

Молодой человек приходит по приглашению своей возлюбленной Дивы в ресторан и обнаруживает, что она уже заказала рыбу. Он упрекает Диву в том, что она его не слушает, потому что он уже говорил, что сегодня не хочет рыбы на ужин (*J'ai dit que je ne voulais pas de poisson aujourd'hui!* 'Я же сказал, что не хотел сегодня рыбы!'). Тогда Дива полупшепотом предлагает поменять заказ (*On va te commander autre chose* 'Мы сейчас тебе закажем что-нибудь другое'). Приятель Дивы продолжает конфронтационные действия, возмущаясь ее предложением (*Mais je ne veux pas « autre chose » ! 'Да не хочу я «чего-нибудь другого»!*'). Высказывание с возмущением является лишь придиркой к словам адресата, так как не соответствует истинным желаниям говорящего (ср. его противоречивые высказывания: *je ne voulais pas de poisson* 'я не хотел рыбы', *je ne veux pas autre chose* и *j'ai faim et je veux manger* 'я голоден и хочу есть').

Па сенажаці ў чарадзе кароў важна пахаджвалі буслы, выглядаючы сваю спажыву.

– *У вас там, у Расіі, такіх прыгожых птушак няма! – не адставаў Мішка.*

Гэтыя яго словы чамусьці зноў узялі хлопца [Васю] за жывое. Іншым разам ён, магчыма, і не звярнуў бы на іх увагі, а цяпер не выцерпеў.

– *Няпраўда! У нас яшчэ лепшыя ёсць!* – запярэчыў ён.

– *Расеец!* – сказаў Паздзей.

Гэта была ўжо прамая абраза [Гніламёдаў, с. 72].

Умышленное сокрытие правды от собеседника выступает сильным речевым конфликтогеном и провоцирует использование им одной из тактик конфронтации, в основном, *возмущения*.

Le professeur était assis derrière son bureau... On frappa à la porte... Lauren entra sans attendre.

– *Pourquoi m’avez-vous caché la vérité ?*

– *J’étais en train de vous l’écrire.*

– *Je suis en face de vous, alors parlez-moi !*

– *Vous songez probablement à cet hurluberlu qui passait ses journées dans votre chambre. Après avoir hésité à l’interner pour démence précoce, je me suis contenté de le neutraliser.*

– ***Foutaise !*** *cria Lauren en tapant du poing sur le bureau du professeur Fernstein. Dites-moi la vérité !*

– *Vous la voulez vraiment, la vérité ? Je vous préviens qu’elle n’est pas facile à entendre* [Levy, p. 292–293].

Лорен, узнав, что ее наставник профессор Фернштейн скрывал от нее правду о том времени, когда она находилась в коме, входит в его кабинет и требует от него объяснений (*Pourquoi m’avez-vous caché la vérité ?* ‘Почему Вы скрыли от меня правду?’). Когда профессор пытается уклончиво повторить только то, что она уже знает о незнакомце, который проводил свое время у ее постели, не называя его имени, Лорен перебивает Фернштейна. В гневе ударив по столу, она переходит на крик, возмущаясь тем, что Фернштейн не говорит ей всей правды (*Foutaise ! ‘Вздор!’*). Используемая тактика возмущения, выраженная лексемой сниженного стиля *foutaise* ‘вздор’, некорректна по отношению к старшему по возрасту собеседнику с более высоким статусом и неуместна в ситуации, в которой адресат и так был намерен совершить действие, имплицитное тактикой возмущения (*J’étais en train de vous l’écrire* ‘Я как раз Вам ее [правду] писал’).

Саша падышла да Брылёва, папытала пра Кутняка... Але Брылёў паціснуў плячыма, сказаў, што яшчэ не бачыў яго.

– ***Што ты мне маніш?*** – абурылася дзяўчына, – ***я ж цудоўна бачыла, як ён сядзеў на падваконні, а на вешалцы вісіць яго куртка!***

– *Не хвалюся, Саша, – крануўся яе пляча Міласлаўскі. – Кутняк пабег за гарэлкай...* [Адам, с. 357]

Косвенно выраженное возмущение, идентифицируемое благодаря невербальным и паравербальным компонентам коммуникативной ситуации (мимика, жесты, положение тела, интонация, тембр), обычно передается высказываниями с интеррогативным значением.

Eric, comme beaucoup d’intellectuels, n’a envie ni de se mouiller, ni de l’être.

– *Elle est délicieuse ! On a tout de suite chaud, il suffit de nager un peu ! Viens donc ! Essaie... Tu vas voir !*

Eric a beau grommeler qu'il est très bien comme ça, Diva lui tourne autour, l'éclabousse, jusqu'à ce qu'il se redresse sur sa belle serviette colorée et lui jette avec colère :

– Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille ! Tu ne vois donc pas que je n'en peux plus, avec toi jappant sans cesse autour de moi !

Diva demeura sidérée [Chapsal, p. 187–188].

На пляже молодая девушка Дива, искупавшись, выходит на берег и подходит к сидящему на подстилке приятелю Эрику, который не хочет купаться. Она пытается уговорить его тоже пойти с ней в такую «чудесную» воду (*Elle est délicieuse ! On a tout de suite chaud !* ‘Она восхитительна! Сразу же становится тепло!’), но Эрик, немного рассердившись ее напористостью, отказывается, так как на пляже ему лучше. Его возмущение вызывают действия Дивы (*Diva lui tourne autour, l'éclabousse* ‘Дива крутится возле него, обрызгивает водой’): Эрик гневно требует не мешать ему загорать (*Tu ne peux donc pas me laisser un instant tranquille !* **‘Ты не можешь оставить меня в покое ни на секунду!’**). Возмущение с элементами неполного дистанцирования на поверхностном уровне имеет форму экскламативного псевдо-вопроса, но, по сути, выполняет функцию побуждения. Несмотря на косвенно выраженное возмущение, реакция адресата (*Diva demeura sidérée* ‘Дива изумилась’) свидетельствует об эффективности тактики.

В белорусском корпусе подобных косвенных выражений *возмущения* нами не было отмечено.

Косвенность выражения *возмущения* иногда состоит в непрямой номинации адресата – объекта возмущения.

– Te voilà ! dit Pierson. On te croyait mort. Alexandre s'en faisait, de la bile ! Alexandre regarda Maillat.

– Mais qu'est-ce que tu as ?.. Qu'est-ce qui t'arrive ?

– Rien, dit Maillat.

Il se mit à crier tout d'un coup :

– Rien! Tu entends ! Rien !

Alexandre s'assit, puis... redressa le torse.

– Et voilà ! dit-il. Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle. Et quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule ! [Merle, p. 207, 209–210]

Когда партизан Майя возвращается с задания с большим опозданием, его соратники Пьерсон и Александр, волнуясь из-за состояния товарища, спрашивают, в чем причина его опоздания (*Mais qu'est-ce que tu as ?.. Qu'est-ce qui t'arrive ?* ‘Да что с тобой?.. Что с тобой случилось?’). Майя, не желая рассказывать, отвечает, что ничего особенного не произошло (*Rien* ‘Ничего’), затем внезапно начинает кричать, что ничего с ним не случилось (*Rien ! Tu entends ! Rien !* ‘Ничего! Слышишь?! Ничего!’). Понимая свое превосходство в данной ситуации, Александр возмущается неоправданным гневом Майя (*Monsieur est en retard d'une heure. Monsieur sèche son tour pour la vaisselle* ‘Месье опаздывает на час. Месье пропускает свою очередь

по мытью посуды'). Его возмущение достигает кульминации в конце высказывания (*quand Monsieur revient, Monsieur m'engueule ! 'когда месье возвращается, месье меня отчитывает!'*). Одним из важных средств демонстрации возмущения и дополнительного дистанцирования выступает не прямое обращение к адресату как к третьему лицу (*Monsieur 'месье'*), которое повторяется четыре раза и тем самым усиливает тактику возмущения, повышая ее эффективность.

Прадаўшчыца ўжо са злосцю выхапіла няшчасныя пяць рублёў, спапяляючы яго [Давыдчыка] позіркам, таму што быў канец месяца, гарэў план, а да плана не хапала якраз столькі, колькі каштуе сіні замежны плашч.

– А вы не дужа ласкавыя, – не стрымаўся Давыдчык, ідучы да дзвярэй.

– Набярэшся на кожнага ласкі! – агрызнулася прадаўшчыца з шэрымі вачыма. – Тут за дзень сотні такіх пераварочваецца [Гаўрыловіч, с. 26].

Возмущение может выражаться в форме указания говорящим на негативное эмоциональное состояние, которое вызывает у него поведение/речь адресата или третьего лица.

– Maman, vous pouvez m'accorder une minute ?

– Tu vois bien que je suis occupée, mon petit.

Politesse rendue. A toi de jouer. J'avance en roulant un peu des épaules.

– Je regrette, mais nous avons un petit compte à régler.

...Folcoche fait face. Comme il s'agit de choses graves, elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle.

– Tu commences à m'agacer, mon garçon! Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici [Bazin, p. 149].

Мальчик Жан подходит к матери и, впервые называя ее *maman* 'мама', просит поговорить с ним (*vous pouvez m'accorder une minute ?* 'Вы можете уделить мне минутку?'). Понимая, что вежливость сына неискренна и скрывает его реальные намерения, Психимора, тем не менее, отвечает вежливостью на вежливость (*mon petit* 'мой малыш'). Жан подходит к ней вплотную и, притворно извиняясь (*Je regrette* 'Сожалею'), заявляет, что они должны выяснить отношения (*nous avons un petit compte à régler* 'нам надо свести счета'). Разъяренная авторитарная мать возмущается дерзостью сына-бунтаря (*elle ne crie pas sa fureur, elle la siffle* 'она не кричит от ярости, а шипит'), тем, что он выводит ее из себя (*Tu commences à m'agacer* 'Ты начинаешь меня раздражать'). Мать пытается поставить сына на место (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici* 'В этом доме приказы отдаю только я'). Сочетание двух потенциально эффективных тактик возмущения – эмоциональной (*Tu commences à m'agacer*) и статусно-регулирующей (*Je n'ai d'ordres à recevoir de personne, ici*) – не достигает ожидаемого эффекта ввиду нежелания сына подчиняться матери.

– А чаго ты такі вясёлы?

– Сказалі, што будуць такіх, як Пух, лавіць і адстрэльваць, як шалёных сабак. Адплача ён крывавымі слязамі за тое, што атруціў мяне.

– Ай, Гардзеі, не радуйся чужой бядзе, дык і свая, можа, не кране.

– Ты мяне не ведаеш, я яму гэтага ніколі не дарую! Ён жа мяне калекам зрабіў! Хто я такі цяпер, па-твойму? Вар’ят! Дурань! Шызафрэнік! [Дудзюк, с. 265]

В конфликтных ситуациях общения лексика сниженного стиля может выражать отдельную тактику, передавая возмущение самостоятельно, или сопровождать другую тактику возмущения, повышая ее интенсивность.

...le conseil de discipline autour de Pierre se tint dans la bibliothèque...

Dès la première question, il buta sur les mots « extorsion » et « racket »...

...On allait donner à Pierre les moyens de ne plus être embêté par ses camarades.

– *...A présent, ouste, rentre chez toi.*

– *Pourquoi mon père n’est pas là ? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents ? C’est quoi cet interrogatoire de merde ?*

– *Reste poli s’il te plaît et rentre chez toi !* [Queffélec, p. 171–173, 176]

В школе на дисциплинарном совете учителя во главе с директором расспрашивают Пьера, кто и при каких обстоятельствах донимает его вымогательством, от него требуют подробного описания событий и имен главарей. В конце собрания накопленное негодование Пьера выплескивается: он не без оснований возмущается отсутствием на совете его родителей (*Pourquoi mon père n’est pas là ? On a le droit de cuisiner un élève en cachette de ses parents ?* ‘Почему здесь нет моего отца? Разве есть такое право допрашивать ученика втайне от его родителей?’), называя дисциплинарный совет «паршивым допросом» (*C’est quoi cet interrogatoire de merde ?* ‘Что это за паршивый допрос?’). Возмущение Пьера выражается в основном сниженной лексикой *cuisiner* ‘разг. допрашивать’ и *de merde* ‘паршивый, дерьмовый’, не свойственной официальной ситуации (дисциплинарный совет) и не соответствующей восходящему статусному вектору общения (ученик обращается к директору школы). Такое языковое оформление тактики вызывает правомерное замечание директора: *Reste poli s’il te plaît* ‘Будь вежлив, пожалуйста’. Тактика возмущения неэффективна, так как дисциплинарный совет во главе с директором не реагирует на нее.

– *Ах, боўдзіла! – схапіла палена і кінулася наўздагон маці.*

– *Стой! – закрычаў на яе дзядзька, выхапіў палена з рук, шпурнуў на дрывацень.* – *Ты што, здурэла?! Ды ведаеш, галава садовая, хто ў вас расце?!*

– *Хто?.. – разгублена апусціла рукі маці.*

– *Вундэркінд! Во хто!*

– *А я думала: хай як-кольвек васьмігодку даб’е ды прыстроіць на ветырынара. Ты думаеш, лепей у гэтыя... пісацелі?*

– *От жа дурная баба! – аж зазлаваў дзядзька.* – *У хлопца талент, можна сказаць, божы дар, а яна – ветыры-ына-ар...* [Блакит, с. 168–169]

Таким образом, использование речевой тактики возмущения как во французской, так и в белорусской лингвокультурах обычно обусловлено изменением отношения говорящего к своему коммуникативному партнеру,

который вызывает в нем негативные эмоции. Национальная специфика белорусов проявляется в более систематическом выражении этих эмоций открыто, напрямую, в то время как франкофоны чаще передают их с помощью косвенных, завуалированных форм, например, вопросительных предложений. Используемая в речи белорусских коммуникантов лексика сниженного стиля, характерная для речевой тактики возмущения, также более распространена и разнообразна, чем у французов, которые предпочитают уничижительную лексику, близкую к нейтральной, стилистически немаркированной.

В исследованном нами корпусе встречаются следующие подтипы речевой тактики возмущения:

- 1) нетерпение (возмущение *нерасторопностью* адресата);
- 2) возражение, протест (возмущение с выражением *несогласия* с мнением адресата);
- 3) враждебность, неприязнь (*неправомерное* возмущение, основанное на предвзятом отношении к адресату).

Кроме того, в конфликтном речевом взаимодействии могут реализовываться следующие виды возмущения: возмущение-одергивание, возмущение-настойчивое повторение, возмущение-дистанцирование, возмущение-перефразирование.

В большинстве современных лингвистических исследований речевые конфликты анализируются с позиции говорящего. Однако следует учитывать и фактор адресата, то есть «исследовать речевое взаимодействие коммуникантов» [Сухих, с. 82].

Анализ научной литературы показал, что комплексных сопоставительных исследований вербализации тактики оскорбления в предконфликтных коммуникативных ситуациях на материале французского и белорусского языков до сих пор не проводилось.

В данном исследовании прагмалингвистический анализ реализаций тактики оскорбления на французском и белорусском языках построен на изучении конфликтных коммуникативных ситуаций в предконфликте.

Использование речевых стратегий конфронтации в рамках изначально неконфликтной коммуникативной ситуации может перевести эту ситуацию в конфликтную. Такую потенциально конфликтную ситуацию общения мы будем называть предконфликтной. Ее характерной особенностью является то, что при вступлении в коммуникацию речевое взаимодействие развивается по неконфликтному типу, и лишь какое-либо высказывание одного из участников диалога вынуждает другого прибегнуть к смене стратегии кооперации на стратегию конфронтации.

Понятию оскорбление толковый словарь дает следующее определение: «оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова (например, осыпать оскорблениями, тяжкое оскорбление)» [Ожегов, с. 453]. В рамках данного исследования будут рассматриваться только случаи употребления тактики вербального оскорбления.

Прагматически тактика оскорбления направлена на то, чтобы выразить противоречия во взаимоотношениях собеседников, показать адресату презрение и неуважение, произнести в его адрес слова, задевающие его самолюбие. Ее воздействующий эффект – вызвать у адресата чувство обиды за посягательство на его честь и достоинство, а также соответствующую реакцию на это.

Тактика оскорбления обладает наивысшим конфликтным потенциалом, ее употребление часто приводит к усугублению существующей конфликтной коммуникативной ситуации либо к перерастанию предконфликтной ситуации в настоящий конфликт.

Стратегия конфронтации может реализовываться с помощью языковых средств, выражающих негативные эмоции по отношению к собеседнику, таких как инвективы, оскорбления [Ячкова].

Угрозы и оскорбления – это «самый откровенный из всех типов вербальной агрессии». При этом могут использоваться «инвективы, нецензурные слова, слова с отрицательным переносным и эмоционально-окрашенным значением». Вербальный агрессор зачастую в своих высказываниях обесценивает опыт, достижения, чувства и переживания партнера [Чернобровкина, с. 105].

Речевая агрессия предполагает использование речевых средств, наносящих боль, оскорбления. Это могут быть отрицательные отзывы и критические замечания, выражение отрицательных эмоций – недовольство другими в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти; высказывание мыслей и желаний агрессивного характера, оскорбления, упреки обвинения; угрозы [Простакишина, с. 109].

Вербальная агрессия может выражаться в форме шуток или насмешек. «В основном это унижительные комментарии, направленные против личности речевого партнера и его интеллектуальных способностей или компетенции» [Чернобровкина, с. 105].

Обратимся к реализациям тактики оскорбления во французском и белорусском языках (извлеченным из современной художественной литературы реалистического жанра).

Проявление умственных или физических недостатков одного коммуниканта в ситуации общения (речевой и неречевой конфликтогенны соответственно) может стать объектом оскорбления-насмешки со стороны его собеседника.

La voiture s'arrêta devant une grille au dessin majestueux.

– Donne, dit Rémy.

Il voulut ouvrir lui-même. Les gonds étaient rouillés. Il poussa vainement de toutes ses forces. Son oncle descendit.

– Laisse ça, mauviëtte.

La grille céda devant lui et il reprit le volant, sans se presser [Boileau-Narcejac, p. 49–50].

Дядя с племянником Реми подъезжают на машине к воротам дома. Реми выходит из машины и изо всех сил пытается открыть заржавевшую решетку, но она не поддается. Ему на помощь приходит дядя и, чувствуя свое превосходство в силе и искренне веря, что ему удастся открыть решетку, просит племянника посторониться (*Laisse ça* ‘Оставь это мне’), называя его *mauviette* ‘слабаком’. Прямое оскорбление-обращение с номинацией реальных физических характеристик адресата (в данном случае – силы) вдвойне успешно, так как подтверждается последующим действием говорящего: дядя справляется с воротами и, вновь демонстрируя свое превосходство, с видом победителя медленно садится в машину.

Аднойчы на перапынку Вера сказала:

– *Давайце пойдзем да старшыні калгаса. Пра свінарнік спытаем... Колькі ён будзе стаяць на беразе Гайны? Абяцалі знесці – і не зносяць... А жыжэ цякла ў раку і цячэ...*

– *Табе больш за ўсіх трэба – ты і напамінай, – Ядзя... кпліва прыжмурыла свае чорныя вочкі... Ой-ёй-ёй, задавака! Лени бы сваё рабацінне адмыла... царэўна-лебедзь...*

– *Прыдуркі! – не вытримала Вера і выбегла за дзверы [Зарэмба, с. 256–257].*

Оскорбление часто используется вместо или совместно с императивом при обращении к лицу с более низким статусом для подчеркивания статусных различий между коммуникантами.

– *On va le foutre dans le placard, chef, propose le second policier...*

– *Tu as raison, bonne idée ! On verra pas sa sale gueule, acquiesce le grand brun aux dents de loup. Allez, ouste, charogne, dans le trou noir...*

Raphanaud est poussé dans la petite penderie. Les deux gestapistes lui attachent les poignets avec des menottes à la tringle des portemanteaux [Fleury, p. 98–99].

Два гестаповца захватывают борца Сопротивления Рафано на явочной квартире, и один из них предлагает старшему по званию временно запереть Рафано (*On va le foutre dans le placard, chef* ‘Запрет его в стенном шкафу, шеф’). Командир соглашается, добавляя, что это надо сделать (*On verra pas sa sale gueule* ‘Чтобы не видеть его мерзкую рожу’). Обращаясь к задержанному, гестаповец подгоняет Рафано (*Allez, ouste* ‘Вперед’), называя его *charogne* ‘падаль’, и запирает в шкафу. В речи офицера гестапо присутствуют два оскорбления: метонимическое *sale gueule* ‘мерзкая рожа’ и прямое оскорбление-обращение *charogne* ‘падаль’. Оба оскорбления уместны в коммуникативной ситуации с нисходящим статусным вектором, передают пренебрежение говорящего к адресату и его превосходство над ним, а также выполняют функцию побуждения.

– *Хто табе [шарфюрэру] дазволіў браць рускіх у «аўзэнкомандо»?*

– *Ніхто, гэр штандартфюрэр!*

– Здаць зброю дзяжурнаму і пад арышт! Заўтра я да цябе, падраная ты галёша, дабяруся, пачакай!.. Будзеш ты вошай цяпер карміць у акопах, падла смярдзючая! [Карпюк, с. 54]

В неконфликтном общении двух родственников или просто хороших знакомых с оскорбления-обращения снимается всякая конфликтная направленность.

– *On s'arrête là. Assieds-toi.*

– *D'accord ! Un peu de gnôle, d'abord !*

– *Ma gnôle, c'est du gin.*

Anthime ricane et se met à tousser...

– *Tu me fais rigoler avec ton gin, dit-il.*

– *Mais non, crétin ! Je préfère le gin au marc ; voilà tout.*

Anthime regarde Philippe avec sympathie... En s'adressant à lui de cette manière, Philippe flatte son orgueil de sexagénaire... On lui parle comme à un jeune homme... [Moustiers, p. 116–117]

Антим и его молодой инструктор Филипп останавливаются в горах на привал по предложению Филиппа (*On s'arrête là. Assieds-toi* ‘Остановимся здесь. Садись’). Антим просит немного спиртного, прежде чем продолжить путь (*Un peu de gnôle, d'abord !* ‘Но сначала немного выпьем!’). Когда Антим слышит, что инструктор взял с собой только джин, ему становится смешно (*Tu me fais rigoler avec ton gin* ‘Ты меня смешишь своим джином’). Филипп объясняет, что больше любит водку (*Je préfère le gin au marc* ‘Я просто предпочитаю джин водке’), и называет Антима *crétin* ‘дурачок’. Антим не обижается, так как ему нравится доверительное отношение молодого человека к нему – старику (*Philippe flatte son orgueil de sexagénaire* ‘Филипп льстит самолюбию шестидесятилетнего старика’). Тактика оскорбления (*crétin* ‘дурачок’) используется здесь в общении хорошо знакомых людей с целью эмоционального сближения с партнером по коммуникации и не реализует стратегию конфронтации.

– Ды разумеі ты, дурыла, – ушчуваў Корбута сябар, – што сваім цюхцяіствам ты нічога не дакажаш! Дзяўчаты любяць рашучых, настойлівых людзей, як Віктар...

– *He ўспамінай пры мне яго імя! – выбухаў Корбут.*

– *Добра, не буду, – згаджаўся Віконт... [Адам, с. 145]*

В предконфликтных коммуникативных ситуациях оскорбление может выражаться в неявной форме с помощью стилистического приема антифразы (иронии) и/или непрямого обращения к объекту оскорбления.

– *Bonjour, monsieur.*

– *Et ton copain, il ne vient pas ?*

– *Si, il va descendre.*

– *Il a pas l'air de courir après la besogne, celui-là !*

Enrique descendait l'escalier. Se tournant de son côté, le patron lança :

– *Tiens, voilà le courageux. Il arrive quand c'est fini... [Clavel, p. 49–51]*

Ранним утром, когда все уже были готовы ехать на виноградники, главный винодел подзывает к себе Пабло (*Venez par là !* ‘Идите сюда!’), одного из двух молодых наемных работников, и интересуется, почему не приходит его товарищ Энрике (*Et ton copain, il ne vient pas ?* ‘А твой приятель не идет?’). Видя, что Энрике неспешно спускается по лестнице, хозяин, фактически обращаясь к нему с укором, формально реализует направленное на третье лицо ироническое оскорбление (*Tiens, voilà le courageux* ‘А вот и наш смельчак’). Такая ненаправленная адресация (благодаря указательной частице *voilà* ‘а вот и’) косвенного оскорбления-насмешки (ввиду использования приема антифразы) предназначена для смягчения негативного воздействующего эффекта и обычно используется во избежание перерастания предконфликтной коммуникативной ситуации в собственно конфликтную.

– Ты надрукаваў на ксераксе тысячу экзэмпляраў нікчэмнага вершыка і паслаў ва ўсе выданні, ад «Правды» да апошняй раёнкі. Дзе ж этыка?

– Якая этыка?.. Толькі пікні, дык цябе першага, як стану самым галоўным у вашым Саюзе, адтуль выганю!

Юзя казаў так, і было незразумела: жартуе ці не?

– А што, – уздыхнуў паэт, – у наш час усё можа быць. ...Толькі, скажы табе, напаяўкалега, зараз многія табе падобныя, ды і іншыя, спяць і бачаць, як зганьбіць наш Саюз... Так і ты, дай табе толькі ўладу.

– Смейся, смейся, – не крыўдзіўся Юзя. – ...Гэта ты ад бяссілля... [Саламаха 2014, с. 422–423]

Употребление в пределах одного высказывания нескольких однородных тактик конфронтации обычно усиливает их эффективность.

Cueilli par la lumière crue des lampadaires qui inondent la pièce, Raphanaud cligne douloureusement des yeux.

– Bon sang! Raphanaud ! lâche nerveusement Vidal en reconnaissant la silhouette trapue de l’homme au pull-over.

Le traître... bondit sur ses courtes jambes pour tenter d’échapper aux regards du prisonnier. Le Troyen voit le manège désespéré et fixe durement le petit homme.

– C’est bien toi, mon salaud ! On ne peut pas oublier une pareille ordure de pourri...

Une vigoureuse bourrade dans les côtes stoppe net les menaces du résistant [Fleury, p. 102].

Гестаповцы входят в комнату, в которой они заперли заключенного Рафано, и зажигают фонари. Когда проходит ослепление после яркого света, заключенный узнает в одном из вошедших своего бывшего товарища Видаля, который предал Сопротивление и долгое время находился в розыске. Видадь, в свою очередь, узнает Рафано (*Bon sang ! Raphanaud !* ‘Проклятье! Рафано!’) и тщетно пытается не столкнуться с ним взглядом. Рафано, глядя на предателя, не может удержаться, чтобы не оскорбить его: назвать в прямой номинации *mon salaud* ‘подлец’ и метафорически – *ordure de pourri* ‘продажная шкура’. Ввиду явно низшего статуса заключенного, его множественные оскорбления бесполезны и прерываются ударом.

– Ты ж абяцаў... Няўжо табе нікога не шкада? – ціха спытала Вера, ледзьве стрымліваючы сябе, каб не заплакаць.

– Верачка, дачушка! Я не хацеў, мяне ўгаварылі, я адмаўляўся...

На ганак выскачыла маці, і яе голас узвіўся ў ранішняй цішыні вісклівым крыкам.

– Што, сілком прымусілі, напайлі?! Бедненькі, няшчасненькі... Сірата казанская? Алкаш, смоўж, п'яўка!

– Заціхні! – амаль прашаптаў бацька. Ён узняў рукі як пры малітве. – Я прашу цябе, людзі чуюць... [Блакiт, с. 182]

Несправедливость, подлый поступок собеседника может вызвать использование нескольких неоднородных тактик конфронтации, например, прямого оскорбления в сочетании с одной из других тактик конфронтации.

– *Dis donc, vieux, demande l'homme, je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtes ?*

– *Je te le confie, avertit-il, mais fais bien attention de ne pas te le faire piquer par les boches !*

L'autre, sans même remercier, s'empare du rasoir et court directement le remettre à un Feldwebel qui semblait n'attendre que cela...

– *Toi, mon salaud, rumine Raphanaud, tu vas me payer ça cher !*

Le mouchard, protégé par un groupe de prisonniers goguenards, fait rapidement son balluchon et quitte la grande chambrée empuantie [Fleury, p. 45–46].

В лагере военнопленных у заключенного Рафано другой заключенный, с которым Рафано не знаком, просит бритву (*je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtes ?* ‘я знаю, что у тебя есть бритва... Одолжишь мне ее?’). Рафано колеблется, но, видя его недельную щетину, дает ему лезвие во временное пользование (*Je te le confie* ‘Я тебе его вверяю’), предупреждая, чтобы оно не попало в руки к немцам. Однако Рафано видит, что заключенный сразу относит бритву поджидавшему немцу. В приступе с трудом сдерживаемого гнева (*rumine Raphanaud* ‘говорит сквозь зубы Рафано’) он угрожает расплатой (*tu vas me payer ça cher!* ‘ты мне за это дорого заплатишь!’), называя предателя *salaud* ‘подлец’. Оскорбление сопровождается притяжательным прилагательным *mon* ‘мой’, выполняющим в подобном контексте дистанцирующую функцию. Реализованная тактика не может быть успешной ввиду отсутствия адресата (бородатого заключенного-предателя) в пределах слышимости.

Янка анямеў ад нечаканасці, разгублена заморгаў і, як толькі закончылася лятучка, адразу ж зацёг у цёмны кут:

– Ты што, ашалеў ці... – *накруціў пальцам ля скроні. – Зрух на фазе?! Асёл! Табе літаратуру трэба рабіць, а не гэтыя дурацкія артыкулы. На якога ж чорта я хадзіў, уламваў шэф?! [Блакiт, с. 197]*

Как видим, тактика оскорбления, как и другие тактики конфронтации, встречается исключительно в коммуникативных ситуациях, отмеченных конфронтацией, соперничеством, наличием противоречий во взглядах, мне-

ниях, намерениях. Приемы реализации речевых тактик конфронтации в предконфликтных коммуникативных ситуациях отвечают требованиям сглаживания форм выражения негативных интенций с целью избежания возможного конфликта.

В реализациях тактики оскорбления основными лексическими средствами выражения выступают разнообразные слова и словосочетания уничижительного характера, инвентарь которых значительно расширяется за счет включения в него лексем, ситуативно приравниваемых к уничижительным.

Тактика оскорбления, как самая конфронтационная тактика, наименее частотна в конфликтном общении ввиду ее антисоциального характера и приводит к усугублению межличностного конфликта между коммуникантами. Тем не менее исследуемая речевая тактика конфронтации может выполнять целый ряд прагматических функций в зависимости от ее лингвистического оформления и контекстуальных параметров ситуации общения. Так, в межличностной коммуникации ситуации, в которых намерение говорящего, реализующего тактику оскорбления, не сопровождается другой интенцией, – довольно редкое явление. Чаще всего говорящий, помимо желания оскорбить собеседника, с помощью тактики оскорбления пытается оказать на него конфронтационное воздействие: побудить его к действию или отговорить от его исполнения, убедить в своей правоте или переубедить заблуждающегося собеседника, подчеркнуть свое физическое/моральное/статусное превосходство над ним.

Глава 9. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В настоящей главе представлены возможности выявления социально-культурных смыслов, значимых для интерпретации духовно-нравственного содержания наследия французской и белорусской наций. Сравнению подвергнуты основополагающие компоненты системы национальных ценностей, встраиваемые в семантические единицы французского и белорусского языков. Особое внимание уделено вербальной объективации и условиям актуализации этнокультурного кода посредством лексических единиц, внешне нейтральных в плане трансляции культурной информации. Установлено, что для внутренней формы французских и белорусских номинаций со значением социальной совокупности, регулярно используемых для представления актуальных событий в жизни общества, характерны разнообразные смысловые трансформации, в том числе затухание и возрождение смысла.

9.1. Онтолингвистическая сущность национального компонента и критерии его выделения в языковой семантике

В условиях глобализации, благоприятствующей частым, или более того постоянным иноязычным контактам, современное европейское сообщество становится средой соприкосновения многих национальных культур. Важным следует признать их нацеленность и мотивацию не только мирно сосуществовать, но и адекватно реагировать на естественные процессы вхождения и влияния фактов иноязычной культуры, проявлять к ним уважение и терпимость, не занижая оценку собственной национальной культуры. Отсюда и потребность научиться понимать не только систему чужого языка, но культурно-смысловую нагрузку его единиц и структур, значимую для цивилизационного контекста. Тем более, что «речь и контекст служат естественной лингвистической лабораторией, где возможно зафиксировать все элементы плана содержания языковых единиц» [Плотников, с. 50].

Антропологи и социологи единодушны в том, что общечеловеческие переживания и стремления свойственны представителям всех этносов: все люди озабочены вопросами выживания, безопасностью, достижением целей продолжения рода и благополучия. Отсутствует также дифференциация по национальному признаку в формулировании основных потребностей и ценностных ориентаций, т.е. личность может быть одинаково направлена на определенные ценности (материальные и духовные блага, качества человека и т.д.), имея более или менее одинаковое предпочтительное отношение к одним из них [Вакульчик].

Все факты конкретного и непридуманного сущего, представляющие обыденную жизнь как французского, так и белорусского этноса, а также их

немифологизированного бытия, состоят из множества общечеловеческих универсалий. Так, несмотря на то, что родиной Декларации прав человека является Франция, название документа, созданного впоследствии на ее основе, звучит как *La Déclaration universelle des droits de l'homme* 'Всеобщая декларация прав человека'. Важно также отметить, что в ситуации общения иноязычных коммуникантов, значимым будет не только наличие единой и универсальной культурной базы, так называемой *culture générale*, но и возможность сохранения, проявления и трансляции культурных смыслов, присущих собственному национальному культурному пространству.

Правомерным следует признать заявление известного французского лексикографа А. Рэя о роли языка в представлении страноведческих знаний: « Toute connaissance est acquise par le langage, toute civilisation se propage par lui » [Rey 2005, p. XXI]. Отсюда и потребность в теоретическом осмыслении социо- и этнокультурных знаний, необходимых для образования ядра тезауруса поликультурной языковой личности, регулярно обновляемого в ходе социальных изменений, обуславливающих своевременную актуализацию этнокультурной семантики определенных его элементов. Мы полагаем, что эти содержательные элементы отражают систему социальных и духовных ценностей/антиценностей культуры, формирующих национальный код культуры. В связи с тем, что в число этнических потребностей, наряду с хозяйственно-экономическими, политическими, входят и духовные, и сами этнокультуры не находятся в изолированном пространстве, познавательный интерес к тому, чем живут и дышат, о чем думают, а также как об этом говорят соседние народы, является особенно значимым в эпоху глобализации как в теоретическом, так и в практическом планах.

К этнокультурным языковым единицам могут быть отнесены 1) собственные имена; 2) слова, обозначающие понятия-реалии, т.е. понятия, обобщающие события, качества, свойства, присущие данному народу в определенную эпоху; 3) слова, обозначающие предметы-реалии; 4) слова, коннотация которых содержит важную страноведческую информацию [Верещагин, Костомаров], в которых наиболее ярко проявляются специфические черты нации.

Однако национальный компонент в содержании языковых единиц не может определяться формально, т.е. их использованием для называния реалии. С этих же позиций, подвергая анализу семантическое описание денотативно-сигнификативного блока информации ЛЕ *apéritif*, лишенного оценочных нюансов: *boisson à base de vin (quinquina, vermouth) ou d'alcool (amer, gentiane, anis), supposée apéritive, que l'on prend avant le repas*, можем заметить, что для выхода в национальную картину мира необходима актуализация социокультурного смысла, заключенного в знании о том, что « l'apéro – un moment de convivialité et de partage », который и будет высвечивать ее содержание, значимое для нации. Действительно, согласно результатам опроса общественного мнения Ifop, l'apéritif est une tradition bien ancrée dans la culture française puisque 60 % des français y tiennent énormément

et 80 % d'entre eux le prennent régulièrement, en majorité le week-end (73 %) 'аперитив является традицией, прочно укоренившейся во французской культуре, так как 60 % французов ее очень ценят и 80 % из них ее соблюдают, в основном по выходным дням (73 %)' (здесь и далее перевод наш. – Е. Г.) (Apéricube, Communiqué de presse, 14 octobre 2016).

Несмотря на то, что типовое представление об объекте или ситуации в сознании наивного носителя языка не входит в модальную рамку значения [Михайлова], оно может закрепляться в национальной картине и отсылать к коллективному восприятию этносом социального феномена. Необходима этномотивированность представляемого объекта, т.е. обусловленность номинации особенностями мировоззренческих позиций конкретного этноса. Важно отметить, что именно этот критерий и будет определять национальную специфику коннотативного компонента ЛЕ, отражающего важные чувственно-наглядные представления нации об именуемой реалии, и формирующего ее лингвистическую ценность как реалии [Михайлова]. Действительно, денотативно-сигнификативный блок семантики отражает реальные свойства объекта, но не объективируют коллективную оценку этноса. Кроме того, о наличии в содержании культурно значимой лексики компонентов, высвечивающих ее связь с пространством культуры определенного народа, и более того, способных «регулировать сочетаемость слов в национально-культурных словосочетаниях» [Влавацкая, с. 78; Герасименко, с. 10], квалифицируемых как добавочные или несущественные, заявляли многие исследователи. В целом, данные семы следует отличать от оценочных, эмотивных, экспрессивно-образных и функционально-стилистических сем.

Например, в ходе семантической эволюции белорусской реалии арэлі значение 'прыстасаванне з укапаных у зямлю слупоў і прымацаванай зверху перакладзіны, да якой на жэрдаках, металічных кольцах, скураных рамянях ці вяроўках падвешвалі шырокую дошку, на яе становіліся (садзіліся) і гушкаліся на Вялікдзень і Купалле' [Куліковіч] было утрачено и в современной интерпретации она называет 'збудаванне, на якім гушкаюцца для забавы; гушкалка' [ТСБМ, т. 1, с. 86]. При этом на протяжении прошлого столетия белорусские лингвисты и лексикографы неоднократно заявляли о его нетипичности, неспецифичности для белорусской нации: в 1934 г. такое мнение высказал Я. Колас в статье «Язык М. Лынькова в романе "На красном льду"», в 1962 г. Я. Коморовский. А в 1969 году В. М. Юревич в статье «Оригинальное слово» утверждал, что качели известны только провинциалам – гродненцам и полешукам, а не всем белорусам. Кроме того, важным фактором, по словам Е. Рапановича, было письмо учителей из Витебска, которые в своем отзыве на «Букварь» Н. И. Снитко, просили в 1964 году: «слово "арэлі" нужно убрать из текста, потому что дети не знают, что это такое». Вместе с тем в настоящее время идет активный процесс переосмысления белорусами своей национальной идентичности. Живой интерес к культурным обычаям и традициям проявляют не только историки и этнографы, но и обычные граждане, о чем свидетельствует, например,

создание на всей территории Беларуси многочисленных объектов туризма, агроусадеб, во время посещения которых реконструируются исконно белорусские обычаи и обряды. Поэтому современные белорусские гуманитарии единодушно высказываются об этнокультурной реабилитации данной реалии, в чем, собственно, и проявляется этномотивированность. Так, Ю. Белова, победитель городского конкурса профессионального мастерства «Столичный учитель – столичное образование» (2014), сказала в интервью: «Каждый белорус должен знать такие оригинальные белорусские слова, как арэлі, сцізорык, альтанка». Действительно, ЛЕ *арэлі* входит в реестр литературных словарей, регулярно употребляется в художественных и публицистических текстах: *Ляталі-гайдалі лёсу арэлі...* (А. Вярцінскі), *На год на два разы гавелі: любілі круглыя арэлі; і варажбу, і карагод* (А. С. Пушкін. «Яўгеній Анегін», пер. А. Куляшова); входит в состав вторичных номинаций *геапалітычныя арэлі, кліматычныя арэлі*. Следует добавить, что в число языковых средств, позволяющих представлять этнокультурные смыслы, входят также единицы фразеологического, анафористического и паремиологического фонда, а также классические литературные тексты [Худолей].

Как известно, объективность результатов лингвистического исследования в сопоставительном ракурсе зависит от выбранных для сравнения оснований и эталонов. Однако для выявления лингвоспецифичности объектом изучения становятся понятия, значимые для одного этноса, и мало-важные для другого. Кроме того, выводы о сложно воспринимаемых абстрактных сущностях, познаваемых как нематериальные ценности, могут делаться сквозь призму семантики единиц, релевантных во фразеологическом фонде только одного языка.

В свете вышесказанного, имеется также определенная сложность в исследовании критериев и условий актуализации национальной специфики с помощью ЛЕ с прозрачной предметной семантикой, например, *frère*/брат или *l'Hexagone* 'Франция как шестиугольник в ее европейских границах'. Действительно, если реалии прямо называют факты чужой национальной культуры, то необходимость изучать семантический потенциал иных единиц не столь очевидна.

Другими словами, в современном мире, в котором сокращаются реальные и социальные расстояния, информация социокультурной направленности является постоянно востребованной, а для ее представления используются любые средства – от специализированных (например, фольклористики) до общего назначения. Таким образом, представление органической связи языка и культуры не обязательно предполагает наличие специфических языковых средств. Особым культурным содержанием могут быть пронизаны многопрофильные и многофункциональные, разноплановые сущности, изначально не предназначенные для трансляции такого рода информации.

Специфика коммуникации между представителями различных этнических общностей определяется, в первую очередь, расхождением культур-

ных привычек и обычаев, а также дифференциацией национального менталитета. При этом отличия обнаруживаются не столько в предметном, но особенно в духовном, абстрактном мире, в тех образах и мифах, в которых различные этносы представили свое существование [Головановская 2009].

Между тем имеются все основания продолжить ранее начатые антропологические и лингвокультурологические типологические исследования, позволяющие представить основные точки соприкосновения и расхождения национальных картин мира. Важно отметить, что сравнению могут быть подвергнуты не только способы представления конкретных объектов и предметов быта, повседневной жизни, принадлежащих наивной картине мира, но и то, что определяется как нематериальные сущности: национально-культурное наследие, система национальных ценностей и нравственных приоритетов, менталитет. Поскольку речь о культуре может идти во всех ее проявлениях – как о культуре повседневного бытия, так и об искусстве, выражающем дух нации.

Отсюда и особая трудность в их декодировании неносителем языка. Так, отражение мировоззренческих позиций французов в отношении превосходства проявляется и в лексикализации значений глагольных времен. Например, *Plus-que-parfait* референтно не только к моменту или временному промежутку выполнения действия и порядку следования, но и может представлять исключительные качества объекта. Семантика наречия *plus*, как слово, используемое для сравнения и входящее в состав грамматических конструкций степени сравнения со значением превосходства, способствует появлению нового дополнительного значения. Так, лексема *Plus-que-parfait*, была использована субъектом речи в коммерческой номинации кафе и, в первую очередь, как воспоминания о детстве в следующей ситуации общения: « *À 25 ans, cette Foyalaise a ouvert son restaurant au 24 rue Blénac en plein Fort-de-France. “ Le Plus que parfait ”. Elle a choisi ce nom car c’est au plus que parfait que l’on parle de nos souvenirs d’enfants* » ‘В 25 лет эта фуалезка открыла свой ресторан по адресу улица Бленак, 24 в центре Форт-де-Франс с названием «Более чем совершенный». Она выбрала это имя, потому что мы говорим о наших детских воспоминаниях именно как о чем-то сверхсовершенном’. Благодаря языковой игре и неправильному написанию без дефисов название ресторана понимается двусмысленно: 1) «Идеальное местечко», 2) «Как тогда, в детстве». Аналогично в нижеследующем контексте:

J’expliquais à Tobias, ici présent, à quel point l’agent Torres était le choix plus que parfait pour votre équipe ‘Я объясняла Тобиасу, находящемуся здесь, то, что агент Торрес – идеальный выбор для вашей команды’.

С этих позиций этнокультурными маркерами могут быть лексические единицы с прозрачной внутренней формой, компонентом семантики которых является осмысляемая и актуализируемая в определенных условиях культурно-дифференцирующая идеальная сущность/характеристика, которую мы трактуем как национальный компонент.

Несмотря на то, что анализ системы национальных менталитета и ценностей как абстрактных сущностей не предполагает непосредственного контакта органов чувств с познаваемым предметом, т.е. чувственного познания, выявление национальной специфики мировоззренческих феноменов разных этносов проводится в тесной связи с изучением тех семантических структур конкретных языков, в которые они встраиваются.

Например, французам свойственен дух соперничества, который проявляется в порядке трудоустройства на государственную службу и поступления в элитные высшие учебные заведения на конкурсной основе. Сравним:

concours – examen où ne sont admis qu'un nombre limité et déterminé à l'avance de candidats, qui, après classement, obtiennent une place, un prix, un titre : Concours d'entrée à l'École polytechnique 'экзамен, по результатам которого принимается лишь ограниченное число кандидатов, которые с учетом рейтинга получают должность, выигрывают грант, звания, например, вступительные экзамены в политехническую школу'.

Начитанный человек, умеющий блеснуть своими знаниями на конкурсе и, более того, прошедший специальную подготовку, метафорически именуется *bête à concours*. Отсюда в современном французском языке закрепляется модель номинации человека, обладающего определенными профессиональными качествами, через его сравнение с животным, которое способно выделиться среди других представителей своей породы стойкостью и способностью преодолевать физические трудности: *Bête de... , à... (désignant des personnes)*. При этом реальный уровень его знаний несколько ниже по сравнению с его морально-психологической выдержкой: *personne qui se distingue plus par sa capacité de réussite aux examens que par une personnalité ou un savoir véritable* 'человек, который более известен своей способностью сдавать экзамены, чем личностными качествами или компетентностью'. Сравним также: 1) *Son intelligence, cette culture générale qui lui permettait de répondre à tout. Une bête à concours, exactement : Belais aurait pu se présenter à un jeu de télévision (J.-M. Roberts, Affaires étrangères)* 'Беле обладал умом и образованностью, которая позволяла ему дать ответ на любой вопрос. Он был точь-в-точь как натасканные ученики и мог участвовать в телевикторинах'.

По вышеназванной модели образованы номинации *bête de travail* (1964) « *personne qui se distingue par la quantité de travail qu'elle fournit et obstination quelle y met* » 'человек, отличающийся адским трудолюбием, трудоголик'; « *une bête de scène, de théâtre : un, une artiste remarquable, qui se donne à fond* » 'выдающийся актер (театра, кино), популярный певец, который полностью отдает себя сцене' [Dictionnaire culturel...].

Отсюда возможно и метафорически выделить противопоставление одних общественных и политических деятелей, которые действительно знают и умеют, другим, которые не обладают данными качествами, но в большей степени стрессоустойчивы. « *Le règne des “ forts en thème ” et des bêtes à concours* » (G. Bouthoul. Sociologie de la politique).

Такая черта национального характера, как «быть лучшим в селекции», отличившись своими сильными сторонами, находит свое выражение в семантике лексико-грамматических форм сравнения и интенсивности, восходя к семантике *fort* ‘qui a une grande force intellectuelle, de grandes connaissances (dans un domaine), qui excelle dans la pratique (de qqch.)’. Отсюда возможно сказать «*Cette pièce est fort rare*» ‘Эта монета очень редкая’, когда прилагательное *fort* ‘сильный’ используется в качестве компонента конструкции функционально-семантической категории интенсивности. При этом его антоним *faible* ‘слабый’, имеющий значение незначительного количества или размера: *faible pourcentage* ‘небольшой процент’, *à faible hauteur* ‘на небольшой высоте’, не употребляется для выражения противоположного полюса. С другой стороны, неиспользование *faible* в качестве показателя слабой степени интенсивности признака обусловлено коммуникативной и социальной корректностью французов по отношению к слабым, проигравшим. С этих позиций имя существительное *le faible* имеет не значение ‘недостойный, проигравший’, а наоборот, ‘слабый человек, которого надо защищать, а не осуждать’, например, *protéger le faible* ‘защищать слабого’.

В белорусском языке наречие дужа как эквивалент вышеназванного *fort* также может использоваться для характеристики значительной степени проявления или оценки чего-либо как эффективного, значительного по воздействию; убедительного, впечатляющего. Однако его употребление ограничено локально, на уровне одной области: «дужа – прыслоўе абласное»: *У Міколкавым раннім дзяцінстве было многа падзей, але ці дужа іх успомніш усе* (М. Лынькоў); *Час быў дужа трывожны* (У. Корбан); *Ліпачцы дужа ішчада было бабулькі* (Р. Сабаленка); а также: як дуж ‘колько ёсць сілы, сколько змогі стае’. Нясе як дуж. Дужацца (размоўнае) ‘мерацца сілай, бароцца’: *Хлопцы збіраюцца і пачынаюць дужацца* [ТСБМ, т. 2]. Как показывает семантический анализ фразеологических, паремиологических и афористических единиц белорусского языка, этот компонент входит в семантическую структуру основания сравнения, например, в народных сравнительных оборотах:

Каса як агонь ‘Пра дужа вострую касу’.

Як пахлапень ‘Пра чалавека дужа простага, недалёкага, неадукаванага, як лапаць з вяровачным падплётам’ [Валодзіна].

Антоним *слабы* в одном из своих значений, а именно, ‘які дрэнна ведае ці выконвае сваю работу, сваю справу; які дрэнна ведае што-н., недастаткова ўмелы ў чым-н.’ выражает негативную оценку компетенций недостойного.

Вместе с тем дух лидерства и соперничества не является чертой современного белоруса в его обобщенном представлении, что, собственно, подтверждается популярностью афоризма: «Галоўнае – не перамога, а ўдзел». Как отмечает Э. С. Дубенецкий: «да станоўчых рысаў можна аднесці талерантнасць, памяркоўнасць, лагоднасць, добразычлівасць, гуманнасць, гасціннасць, вынослівасць, жыццёстойкасць, працавітасць і інш., да адмоўных – нерашучасць, кансерватыўнасць» [Дубянецкі, с. 30–31]. Отсюда

и мнение о том, что одной из отличительных черт белорусского менталитета «адсутнасць у яго месіянскай свядомасці, пачуцця нацыянальнай перавагі перад іншымі народамі, нацыянальнай выключнасці» [Дубовік, с. 203].

Следует отметить, что само понятие *этнокультура* включает в себя два направления анализа его содержания: антропологический и социокультурный [Люрья, с. 144]. Первый сосредоточен на выявлении антропологических характеристик этнических обществ, которые, прежде всего, ответственны за коммуникационные проблемы, вопросы взаимодействия различных этнических групп и выявление ценностных оснований самоидентификации внутри них [Люрья]. Социокультурный анализ характеризуется изучением социокультурного окружения этнической группы, ее историческим прошлым, формированием культуры. В нашем исследовании приоритетным является именно выявление специфики языковой составляющей межкультурного взаимодействия представителей разных народов.

Важен тот факт, что понятийная система этноса неотделима от понятийной системы того языка, на котором этот этнос говорит и пишет [Головановская 2009]. Другими словами, разноязычные, в том числе французская и белорусская, мировоззренческие системы не совпадают, в той же мере, как и не совпадают знаковые системы их языков, которые хранят, отражают, развивают эти системы.

В большинстве случаев, сопоставление номинативных единиц разных языков начинается с анализа их выразительных возможностей объективации одного и того же предметного содержания в ущерб социокультурным смыслам, которые относятся к дополнительным, необязательным для представления, а их вербальная экспликация редко предлагается в чистом виде и рассматривается как экзотизм, языковой факт чужой культуры. Несмотря на, что в последнее время наблюдается значительный рост междисциплинарных исследований в отношении национально-культурного компонента, особенности его языкового представления не входили пока в сферу интересов семантологов, для которых оно рассматривается, в первую очередь, как разновидность коннотативного значения [Мандель]. А между тем именно «национально-культурная специфика актов номинации, рассчитанных на эмотивно-аксиологический эффект, является как бы сердцевинной иерархии структур, образующих экспрессивно окрашенное наименование» [Телия]. Таким образом, социокультурный компонент лексического значения в совокупности с фоновыми знаниями входит в иерархическую структуру этнокультурного содержания языковых единиц разного уровня.

Одним из показательных противопоставлений антропологического характера, относящегося к сфере культурного взаимодействия французов и белорусов, является «открытость – закрытость». Французская нация определяет *ouverture d'esprit* 'понятливость; широкий взгляд на вещи' как одно из основных своих качеств. В отношении же мировоззренческой позиции белорусов заметим, что боязнь выйти за пределы своего пространства и начать коммуникативное взаимодействие на чужой территории

широко представлено во фразеологическом фонде белорусского языка. Изначально оставление родного дома и поездки за рубеж, где необходимо вступить в иноязычное взаимодействие, интерпретируется белорусами как угроза их материальному и духовному достоянию: *На чужыне і камар загіне; У чужой старонцы не так свеціць сонца; У чужым краю і жук – мяса; Як тут не мёд, так там не піва!; Чым за морам віно піць, лепш у Нёмане вадіцу.*

Следует признать, что отрицательное и нигилистическое отношение к чужой культуре может привести к застою в развитии когнитивной и социальной активности, интеллектуальных и коммуникативных компетенций. Отсюда правомерно оценивать положительно то, что белорусы подвергают критике свое деструктивное поведение в незнакомых местах: *Там харашо, дзе нас няма, а дзе мы пабудзем, там напаскудзім.* Вместе с тем, по мнению французов, сами белорусы чрезвычайно рады принимать у себя иностранных гостей: «Les Biélorusses sont flattés, presque émus, que des étrangers prennent le temps de visiter leur pays et s'intéressent à leur culture. L'accueil que l'on vous réservera sera inégalable. À trois heures d'avion de Paris, le dépaysement est assuré sans pourtant se sentir perdu dans ce pays qui se révélera bien plus européen que vous ne le pensiez» 'Белорусы очень польщены, если даже не чрезвычайно эмоционально возбуждены при мысли о том, что иностранцы находят время посетить их страну и проявляют интерес к их культуре. Прием, который вы получите, будет беспрецедентным. Три часа на самолете из Парижа, а вы, находясь вдали от родины, даже не почувствуете себя потерянным в этой стране, которая окажется гораздо более европейской, чем вы думали' [Auzias]. Отношение к гостям у белорусов закреплено в поговорках: *За гасцямі і нам добра; Госцю трэба дараваць, а гаспадару прамаўчаць.*

Выявление социокультурных фактов и феноменов, специфичных для чужого этноса и несоответствующих собственной национальной картине мира, на первый взгляд, может происходить спорадически. Пусковым механизмом для необходимости декодировать скрытые социокультурные смыслы становится лакунарность. Как правило, лакмусовой бумажкой для специфичности менталитета и локальной системы отражения предметов, понятий, идей являются переводческие трудности. Отсюда и недопонимание коммуникантов, обусловленное пробелами в знании лингвокультурных сущностей и феноменов, характерных для носителей чужого языка: парадоксальное с точки зрения здоровой логики и законов математики выражение *aller au quatre coins de l'Hexagone* 'во все четыре стороны, букв. в четыре угла Шестиугольника'. Или в белорусской культуре человеческая жизнь сравнивается с дорогой на ярмарку и обратно, что отражено во фразеологизме *ехаць з кірмашу*, т.е. готовиться к смерти: *Гэта ж трэба, Антось Клепча, які ўжо з кірмашу едзе, запісаўся з гэтай самай Хлёркавай Ганнай...* (М. Скрыпка. «Збоку прыпёку»). А также переосмысление такого правила движения в общественных местах, как «держитесь правее», в выражении *ездзіць па левым баку* 'парушаць нормы літаратурнай мовы', предло-

женное К. Крапивой в своей статье «Ці будзем мы ездзіць па левым баку?» (1973). Или фразеологизм (*замуж, жаніць*) *хоць у пятніцу* ‘у любы момант, у самы блізкі час’. Его первоначальное значение было ‘хочь у той дзень, калі не дазвалялася спраўляць вяселле’. По традиции в Беларуси свадьбы праздновались на протяжении длительного периода по воскресеньям, пятница же считалась нерабочим днем с языческих времен. Еще в конце XIX века, по словам С. Максимова, по пятницам не разрешалось шить, купать детей или стирать белье: «калі ў Велікарусі засталіся ў народнай памяці і ў пашане толькі тры пятніцы, у Беларусі небяспечныя і страшныя ўсе пяцьдзесят дзеве».

Но большую значимость такая информация получает при обратной передаче данных, когда необходимо представить факты собственной культуры средствами чужого языка. Например, белорусская ЛЕ *памяркоўнасць* ‘1. сговорчивость, уступчивость, покладистость; 2. доброжелательность; снисходительность; 3. умеренность’, которая является лакуной для французской лексической системы. Сравним: «*Pamjarkounats – ce mot intraduisible résume la psychologie, la mentalité et le tempérament des Biélorusses. Patients, pacifiques, condescendants, raisonnables, pondérés, souples, prudents, calmes, aimables, paisibles, les Biélorusses cachent aussi une certaine réticence aux changements. Après des siècles de souffrances endurées en raison d’affrontements entre les États voisins, de changements violents provoqués par l’extérieur et d’humiliations imposées par les occupants successifs, les Biélorusses aspirent aujourd’hui à la stabilité, démontrant une capacité de résistance hors du commun*» ‘Это неперебиваемое слово обобщает психологию, менталитет и темперамент белорусов. Терпеливые, мирные, снисходительные, разумные, уравновешенные, гибкие, осторожные, спокойные, дружелюбные, мирные белорусы также склонны к определенному нежеланию перемен. После столетий страданий, причиненных в ходе столкновений с соседними государствами, насильственных изменений, причиненных внешним миром, и унижений со стороны оккупантов, сменяющих друг друга, белорусы сегодня стремятся к стабильности, демонстрируя свою необычайную стойкость’ [Auzias]. Более того, *памяркоўнасць* является лакуной и для такого близкородственного белорусскому языку, как русского: «Белорус преподает мову россиянам: “Надо было перевести слово “памяркоўнасць” – голову сломал!.. А когда даешь произвольный текст, который по большей части понять можно, но каждое третье слово – непонятное, становится ясно, что белорусский все-таки совсем не такой, как русский. В итоге объяснил смесью “смирненного, сговорчивого и податливого”. Очень специфическое слово”» (Комсомольская правда, 22.02.2018). Как видим, перевод несколько отличается от классического варианта, предложенного словарем К. Крапивы.

Кроме того, носителям языка трудно критически оценить значимость и релевантность этнокультурного компонента в семантике языковых и речевых единиц. В этом случае, как отмечает М. К. Головановская, мы с интересом открываем сами себя, удивляясь «Ну надо же, оказывается, мы объективно такие эдакие, да еще и сами не представляем, до чего мы такие

и эдакие» [Голованивская 2009, с. 10]. Отметим также, что самоидентификация культурной общности как нации – процесс достаточно проблематичный, что подтверждается фактами вариативности автонимных этнотопонимов. Например, белорусы начали так называться сравнительно недавно, а именно после образования Белорусской ССР (1919). Исходное для них название Белая Русь было предложено представителями иноязычной культурной общности – европейцами в XVI в. [Беларусь, с. 18]: «У многіх кутках нашага краю людзі доўгі час называлі сваю радзіму Літвой, а саміх сябе літвінамі як этнанімічны напамінак, што яны некалі жылі ў складзе Вялікага Княства Літоўскага» [Лыч, с. 33–34]. Сравним также: «Фактычна да XX стагоддзя значная частка Беларусі неафіцыйна называлася Літвой, а жыхароў нашага краю як прадстаўнікоў новага ўсходнеславянскага этнасу – беларусаў – ідэнтыфікавалі этнонімам ліцвіны» [Лемцюгова, с. 26–27; Рогалеў, с. 54]. Интересен также тот факт, что, называя своих этнических неприятелей, недоброжелателей и критиков, белорусы используют смягченную номинацию: беларусаед ‘белорусоненавистник, белорусофоб’.

Аналогичное многообразие автонимных этнотопонимов наблюдается при наименовании французской нации в текстах СМИ: *l'Hexagone; le pays des droits de l'homme; la Douce France; la Grande Nation; la fille aînée de l'Église; l'Intérieur*. Официальное название страны *la France*, букв. *pays des Francs*, заменило топоним *la Gaule*, романизованную область, расположенную к северу от долины Луары, и оккупированную франками.

9.2. Этноцентричность языковых средств

В самом обобщенном своем представлении этнокультурный код может пониматься как подсознательные смыслы, которые формируются у языковой личности под воздействием национальной культуры и сквозь призму которых он воспринимает себя и окружающий мир [Рапай]. Отсюда необходимость выявить степень влияния собственных мировоззренческих взглядов на межкультурную коммуникацию. При этом изучение механизма актуализации социокультурного смысла на различных уровнях знаковых систем разных лингвокультур способствует адекватному пониманию участников кросс-культурной коммуникации и их вторичной социализации.

В условиях культурной дихотомии «свой – чужой» отдельные носители национальной культуры считают свою цивилизацию «центром мира». В основе пропагандируемой ими этноцентрической точки зрения, трактуемой как самолюбование качествами и почитание своей социальной группы, лежит мнение о богоизбранности нации. Согласно концепции Льва Гумилева, французы входят в западноевропейский суперэтнос, находящийся в фазе пассионарного подъема последние полторы тысячи лет [Гумилев]. Это объясняется многими причинами – расовыми, климатическими, историческими. В качестве доказательства правомерности и истинности такого взгляда на окружающую действительность французскими исследователями

приводятся факты о естественных, нерукотворных преимуществах своей страны. К их числу можно, например, отнести также стремление ряда французских естествознателей и журналистов говорить об исключительности географического положения и естественных границ Франции. Идеальные границы, по их мнению, детерминируют своеобразие национальной картины мира.

Сравним представление в энциклопедическом издании геополитического статуса Франции:

Mille kilomètres du nord au sud, mille kilomètres de l'ouest à l'est, l'hexagone presque régulier qui porte le nom de « France » apparaît comme un bien petit territoire comparé aux géants du monde actuel. Au 37e rang par sa surface, au 13e rang par le nombre de ses habitants, la France a cependant joué, au cours des siècles qui viennent de s'écouler, et elle tient encore aujourd'hui, un rôle de premier plan dans la marche de la civilisation et des événements mondiaux. Sans faire preuve d'un déterminisme abusif, il semble juste de rechercher en partie les causes de cette supériorité dans l'étonnant territoire où a pris racine la nation française.

Territoire remarquable par sa situation au cœur de cette Europe occidentale, deux fois berceau, à deux millénaires de distance, de civilisations d'importance et d'expansion mondiales. Territoire placé au carrefour des terres émergées, ouvert à toutes les entreprises, à toutes les aventures, par sa double appartenance de bloc terrien, largement rattaché au continent voisin, l'immense Eurasie, et d'espaces maritimes que viennent battre les flots de quatre mers, chemins de toutes les rives du monde 'Тысяча километров с севера на юг, тысяча километров с запада на восток, практически правильный шестиугольник под названием «Франция» занимает небольшую территорию по сравнению с гигантами современного мира. Находясь на 37-м месте по площади, на 13-м по численности населения, Франция, тем не менее, на протяжении последних веков играла и по сей день играет ведущую роль в развитии мировой цивилизации и является активным участником в современных событиях. Не считая фактом проявления оскорбительного детерминизма, нам представляется справедливым рассмотреть причины превосходства территории, на которой проживает французская нация.

Территория, примечательная своим расположением в центре Западной Европы, дважды становясь колыбелью мировых цивилизаций с временным интервалом в две тысячи лет. Территория, расположенная на пересечении земель, открытых для всех начинаний, всем приключениям, благодаря своей принадлежности двум полусферам, в значительной степени связанная с соседним континентом, огромной Евразией и морскими пространствами четырех морей, открывают дороги по всему миру' [Dubu, p. 17].

В этой связи для называния территории чрезвычайно популярен топоним *hexagone* 'шестиугольник', а также производные от него наименования жителей страны, указывающие на практически безупречную геометрическую форму картографического контура. Не придерживаясь какой бы то ни

было националистической или шовинистической позиции, известные ученые отстаивают предопределенность географическими особенностями величия французской нации. Основатель географической французской школы Видаль де ля Бляш определяет Францию как географическое существо [Vidal de La Blache]. Фернан Бродель, член французской Академии, занимающейся вопросами французского языка, считает вклад географической семантики во французскую национальную идентичность исключительно весомым [Braudel]. Вместе с тем говорить о том, что в этноцентрических взглядах позитивные качества априори приписываются своим, а «чужим» – негативные, неправомерно. Считаем, что этноцентризм – это видение чужой действительности сквозь призму собственной национальной картины мира, через собственную систему культурных ценностей, при этом перцептивный образ чужого мира необязательно является негативным.

По причине расхождения этнически обусловленных взглядов на ту или иную реалию и используемых для нее разных языковых представлений могут возникать культурные разногласия и разночтения. При этом в ситуации общения с представителем другой культуры, в первую очередь, внимание непроизвольно обращено на различия в стиле поведения и манерах. Так, универсальный городской миф «о недалеком жителе села» находит свое этноспецифическое представление, основываясь на своеобразии внешнего вида. В белорусской культуре стереотипная оценка образа жителя села не является положительной. Например, ФЕ *як Манька з батонамі*. ‘Асудж. Пра жанчыну неахайна апранутую, нагужаную хатулямі з пакупкамі (ацэнка гараджанамі нядаўніх «калхознікаў»)’. Во французском обществе *plouc* – *qui a l’allure maladroite et gauche d’un paysan endimanché, qui ignore les usages* ‘провинциал, деревенщина’. Восприятие белорусских деревенских жителей сосредоточено на их неопрятном виде «мешочника», приехавшего в город за покупками, а французские селяне имеют, наоборот, нарядный вид, хотя также, с точки зрения горожан, неуклюжи и абсолютно не соблюдают общепринятых норм поведения.

Как справедливо отмечал французский поэт Ш. Бодлер, всеобщее и полное понимание между индивидами невозможно и не требуется: «Le monde ne marche que par le malentendu. C’est par le malentendu universel que tout le monde s’accorde. Car si, par malheur, on se comprenait, on ne pourrait jamais s’accorder» [Baudelaire, p. 704]. Данный когнитивно-коммуникативный феномен *malentendu* / ‘недопонимание’ (букв. плохо услышанный, недослышанный), трактуемый словарями как *divergence d’interprétation entre personnes qui croyaient s’être bien entendus sur le sens de certains propos, de certains actes, de certains faits*, явление универсальное, и включает в себя также недопонимание смысловой нагрузки, содержащейся в чужих реалиях.

Отсюда закономерен интерес к проблемам понимания культурной сути реалий лингвистов-дидактиков [Cariou]. Как правило, если осмысление значения французских ЛЕ или его употребления требует дополнительных когнитивных усилий от носителя языка и не входит в наивную картину мира,

то оно маркируется лексикографической пометой *didactique* (terme didactique ‘научный, специальный термин’). Примечательно, что по определению понятие *malentendu* имеет отрицательную коннотацию (*désaccord*), однако оно также производит и положительный перлокутивный эффект: *tout le monde s’accorde*, т.е. достижение всеобщего согласия ценится больше, чем простое понимание, так как оно становится возможным в результате принятия «иности» и различий, а не их отрицания.

Существующие стереотипы, негативно влияющие на межкультурное понимание, нуждаются в коррекции воспринимаемого: недослышанность с семантической точки зрения может быть уточнена. Показательно в этом отношении весьма дискуссионное, с нашей точки зрения, утверждение российских лингвистов о том, что в русской фразеологии маркированными являются такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, а во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру [Кравцов]. Вопрос возникает именно к интерпретации набора качеств французской нации как ценностного, т.е. высоко значимого и важного для франкоязычной личности. Подобные выводы нуждаются в интерпретационной коррекции: чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру французами в действительности рассматриваются как антиценности.

В опровержение приведенного выше в качестве примера этноцентрического мнения русскоязычных исследователей, высказанного с учетом их собственной национальной картины мира, в которой всякое упоминание и название неприличных действий, уже интерпретируется как совершение антинравственных поступков, мы приводим в качестве контраргумента такое устойчивое выражение, как *repos de guerrier* ‘отдых воина’. Данная номинация этимологически восходит к словам Ф. Ницше о том, что мужчина создан для войны, а женщина – для обеспечения его отдыха, и обозначает в самой примитивной интерпретации «сексуальные отношения», в действительности, называет заботливую понимающую супругу. Как видим, упрек в чрезмерной распушенности французов не имеет оснований, что собственно и подтверждает еще один культурный феномен, а именно художественная патология, именуемая *боваризм*. Его производящей основой или этимом является французский словесный художественный женский образ Эммы Бовари. Героиня романа Г. Флобера *Мадам Бовари* (1857) страдала специфическим поведенческим расстройством – хронической эмоциональной неудовлетворенностью: она была заиклена на поиске внебрачных страстных и навязчивых отношений. Однако дальнейшая популяризация понятия, выведенного за рамки художественного произведения, характеризуется семантической генерализацией, что приводит к *затушевыванию* отрицательно воспринимаемого признака «сексуальная неудовлетворенность», вплоть до его редукции. Сравним: *bovarysme* – *tendance à s’imaginer autre que l’on est, à rêver un autre destin (pour une personne insatisfaite)* ‘склонность воображать

себя иным, чем есть, мечтать о другой судьбе (про неудовлетворенного человека)’ [Le Petit Robert]. Отметим, что ЛЕ *bovarysme*, как и однокоренной термин *bovariste*, были предложены самим писателем и впервые употреблены в письме, написанного в защиту Мадам Бовари, в тот момент, когда шел судебный процесс в отношении Флобера за оскорбление общественных и религиозных норм морали и добрых нравов. Другими словами, французское общество отказывалось считать поведение пусть даже и вымышленного персонажа подобающим. Некоторое время спустя после описанных событий Жюль Барби Д’Авревилли предложил обозначать термином *боваризм* эмоционально-нравственную концепцию поведения, соответствующую психологическому типу Эммы Бовари [D’Aureville]. Ж. де Готье в своей книге (1902) определяет его «как способность человека представить себя иным, чем он есть и, в конечном счете, уйти от посредственной реальности с помощью романтического и сентиментального воображения» [Gaultier]. Важно отметить, что, по мнению А. Рэя, все слова с данным корнем, например, *bovaryste*, *bovaryque*, *bovaryser*, которые отсылают к специфическому (ненормативному) психологическому типу поведения замужней женщины, являются словами без будущего [Dictionnaire historique...].

Показательно, что представители французской нации, следуя важным и основополагающим для них принципам диалектичного рассмотрения сущности вещей, не боятся обращать внимание на свои отрицательные качества. Отсюда понятие *nombrilisme* ‘склонность считать себя пупом земли’, подчеркивающее чье-либо превосходство, по их мнению, не является чертой национального характера, а характеризует поведение отдельно взятой личности. Вместе с тем для французской национальной системы ценностей одной из доминант является солидарность, готовность к взаимопомощи. Так, в период социального карантина весной 2020 г. президент Французской Республики Э. Макрон пожелал французским гражданам здоровья и употребил речевую этикетную формулу « *Prenez soin de vous !* » ‘Берегите свое здоровье!’ более уместную для выражения заботы о близких людях, чем в контексте официального обращения. Неожиданная популярность фразы и высокая частотность ее употребления объясняется не только положительным смыслом вербального выражения заботы, но и референцией к национальным ценностям. По мнению лексикографа Жана Прюво, в условиях социального дистанцирования, рекомендованного медицинскими службами на время карантина, народ нуждался в актуализации солидарности как определенной формы единомыслия и образа жизни: французы все как один испытывают одни и те же опасения, подвергаются одним и тем же рискам. Сама же этикетная формула репрезентирует отказ от максимальной институциональности и индивидуализма в пользу коллективизма и общности.

Учитывая тот факт, что существуют явные различия между индивидуальным и коллективным коммуникативным поведением французов, можно говорить о том, что отдельно взятому французу присуща определенная

склонность к грубости и индивидуализму, трудности с соблюдением правил и иерархии, отсутствие открытости миру, отступления от коллективности, и все вышеназванные качества не релевантны для нации в целом.

В то же время одним из проявлений этноцентризма является рассмотрение обычаев «своей» группы в качестве универсальных и приемлемых как норма для всего человечества. Отсюда и постоянное напоминание французами об их авторстве Декларации прав человека и гражданина, заложившей основы конституционного права многих других стран.

Именно этноцентризм позволяет «защитить ценности и нормы своей национальной культуры от вмешательства «чужой» культурной и языковой угрозы. Особое отношение к языку как к национальному наследию ориентирует французов сохранять его чистоту не только в отношении правильных употреблений языковых форм и стилевых характеристик, но идеологического неприятия чужих слов. Во французском языке ведется огромная работа по созданию собственных эквивалентов интернациональным словам с целью сохранения идентичности французского языка. Вынужденное противостояние современной английской языковой экспансии делает французский язык открытым к новому и чужому, актуализируя их *ouverture d'esprit* 'широту взглядов'. Постоянно действующая комиссия *la Commission d'enrichissement de la langue française (CELF)* оперативно и своевременно реагирует на появление новых реалий и необходимость давать им наименования, рекомендуя гражданам заменять английские слова французскими. В месячный срок во время пандемии 2020 г. были предложены эквиваленты иноязычных неологизмов, используемых в медицине, что указывает на применение этноцентрического подхода к национальному языку и культуре.

9.3. Условия актуализации этнокультурных смыслов

Подавляющее большинство лингвокультурологов считает, что понятие национального компонента семантических структур языка неотделимо от их культурной составляющей. В ее дефиниции, в свою очередь, также имеется отсылка к этноспецифичным характеристикам: « culture l'ensemble des usages, des coutumes, des manifestations artistiques, religieuses, intellectuelles qui définissent et **distinguent un groupe, une société** » [Le petit Larousse]. Или: « Qualité, compétence que la possession d'un savoir étendu et fécondé par l'expérience donne à une personne ou à **une société** dans un domaine de connaissances particulier, à une époque ou dans un lieu déterminé » [Trésor de la Langue Française].

Вместе с тем в вышеназванных дефинициях этнокультура представлена как неизменная данность, т.е. в статическом рассмотрении. Признавая, что «з'ява етнічної культури не абавязкова абмежована асобним етносам, яна можа быць існасцю шэрагу этнасаў як свайго ўласнага, адчуванням эмацыянальнай і сімвалічнай **сувязі** людзей» [Міхайлава, с. 103]. Другими словами, для любой этнокультуры значимо чувство общности и связанности

лиц в одну группу, интеграция отдельных элементов в одно целое. Так, во Франции иммигрант, получая французское гражданство и паспорт, может полностью стать «офранцузенным», быть интегрированным во французскую нацию, придав французский характер своему иностранному имени. Процесс офранцузивания имеет место и для всех иноязычных заимствований: вместо английского написания *beefsteak* более привычное французское *bifteck*. Отсюда целесообразно выявить этноинтегрирующие и этногенерирующие факторы обобщенной и совокупной сущности этноса, т.е. с акцентом на ее динамические характеристики. Данный ракурс анализа этноспецифики реалий, перевод их из разряда застывших форм объективной данности в разряд актуальных, ключевых сущностей текущего момента в жизни этноса полностью соответствует не только гносеологической интерпретации культуры как форм человеческого поведения и деятельности [Культурология. XX век, с. 336], но и нашей исследовательской проблематике – возможности актуализации этнокультурных смыслов. Другими словами, процесс актуализации всегда опирается на рассмотрение функциональных характеристик объекта и условий их реализации. Сравним: актуализация – это процесс становления чего-н. важным; для настоящего момента, результат такого процесса. Отсюда и закрепление в содержании слов, национально и культурно маркированных, сигнификативного компонента «деятельность». Например, межкультурное взаимодействие происходит, в первую очередь, во время пребывания в другой стране, которая представляется как *paus d'accueil* ‘букв. принимающая страна’.

В целом, в семантической структуре культурно значимых слов можно выделить три профиля значений ее компонентов: *relations* ‘отношения’ – *contenu culturel* ‘культурное содержание’ – *finalité (résultat)* ‘цель (результат)’. Такие французские ЛЕ, именующие культурные феномены, как *accueil, échange, découverte, regards croisés, coopération, partage, sensibilisation, rencontre culturelle, vision, pratiques, entente, compréhension, choc culturel, acception, adaptation*, имеют в составе своего денотативно-сигнификативного блока сему ‘action’ ‘действие’.

Вместе с тем, культура – это не только деятельность, но и среда в которой она реализуется: «Культура есть “возделанная” **среда** обитания людей, организованная посредством специфич. человеч. способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности» [Культурология. XX век, с. 336–338]. И даже более того, «культура – это **мир** “возделанных” личностей, чье сознание и поведение мотивируется и регулируется уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения; **мир** “упорядоченных” коллективов людей, объединенных общими экзистенциальными ориентациями, социальными проблемами и опытом совместной **жизнедеятельности**; **мир** особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания, аккумулярованных и селектированных социальным опытом на основании критериев

их приемлемости по социальной цене и последствиям, их допустимости; <...> **мир** символических обозначений явлений и понятий, сконструированный людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т.п.; мир творческих новаций – способов и результатов познания, интеллектуальных и образных рефлексий бытия» [Культурология. XX век, с. 203–204].

Такой подход обуславливает реализацию **миросозидающей функции языка** [Кубрякова]. Поэтому для осуществления этнокультурной деятельности значимы условия или обстоятельства, иными словами – культурный контекст. Другими словами, в каких условиях коллективное сознание будет регулироваться социальными интересами или символические обозначения явлений и понятий будут передвигать социально значимую информацию. С этих позиций французское понятие *dimension culturelle* ‘букв. культурное пространство, измерение’ понимается именно как определенная система, транслируемая от одного субъекта другому посредством символов, представляющих идеи и верования.

Следует отметить, что в большинстве случаев важные семантические этнопризнаки культурного пространства, не фиксируемые регулярно, проявляются в определенном контексте. Будучи частью окружающего мира, реалия погружается в определенные жизненные и культурные ситуации, расширяя свое значение, включая в него различные детали о своем функционировании. Поэтому лингвистические и когнитивные знания о реалии правомерно актуализировать с учетом сведений о социально-культурном и историческом контексте ее существования. С этих позиций О. А. Михайлова квалифицирует исследуемые нами этнопризнаки как ситуативно-конкретизирующие лимитирующие семы [Михайлова].

9.4. Ценностное содержание как фактор актуализации этнокультурных смыслов реалий-неологизмов

Несмотря на свою очевидность, проблематика взаимосвязи структур языка и речи с фактами культуры остается актуальной в течение нескольких последних десятилетий. Любая коммуникация реализуется в границах культурного пространства (А. Ф. Журавлев, 2013). Однако его содержание не может определяться только исходя из того значения, которое имеет культурнозначимое слово, т.е. « *un fait incontestablement “ culturel ” mais abordé sous son aspect langagier (essentiellement syntaxique et sémantique) ne fera pas partie du “ contenu culturel ”* » [Rey 2007, p. 93]. При этом, несмотря, например, на важность семейных отношений или отношений родства в человеческом обществе и экстраполирование их принципов организации в лексическую систему языка, ЛЕ *père, mère, fils* еще не будут культурно значимыми. Свою культурную окрашенность данные имена приобретут в условиях расхождения употребления или этимологии в разных культурных сообществах: *oncle* по данным словаря Grand Robert имеет специальное употребление

в африканском варианте французского языка – под влиянием африканских культур слово обозначает только брата матери ‘le frère de la mère’, в то время как брат отца ‘le frère du père’ является калькированным вариантом африканских языков – père [Rey 2007, p. 93–94]. Ориентиром или указателем представления культурно значимой семантики в словарях может быть маркер специального употребления – *spécialement* или, как указывалось выше, *didactique*.

Моделирование минимального этнокультурного фона носителя языка, обеспечивающее адекватное поведение вторичной языковой личности в иноязычном инокультурном социуме, лежит в основе создания специальных лингвострановедческих трудов, в том числе и лексикографических. Действительно, как отмечает А. Рэй, « le dictionnaire de langue, instrument pédagogique primordial, bien que trop souvent négligé, et ambassadeur discret de la culture, mériterait d’être considéré comme un genre majeur dans la vie intellectuelle d’un pays » [Dictionnaire culturel..., p. XXI]. Чрезвычайно концентрированной и насыщенной формой представления культурного знания являются лингвострановедческие или лингвокультурологические словари, которые объединяют в себе черты лингвистического словаря и энциклопедий. Симбиоз филологического и культурного описания реалий обеспечивают содержательную специфику этнолингвистического знания. С этих позиций А. Рэем созданы французский культурный словарь и исторический словарь французского языка, которые отражают семантические и функциональные особенности и развитие культурно значимой лексики, выражающей « des idées, des savoirs, des symboles en maints domaines: arts, littératures, religions, économie, politique, vie quotidienne, passions et pulsions ».

Своеобразным ответом отечественных лексикографов на данный лингвокультурологический труд и прекрасным дополнением в создании общей картины особенностей европейского культурного мировоззрения является словарь «Беларусь: лингвокультурологический комплекс». К сожалению, представленные в нем белорусские лингвокультураны, представляют собой реалии в их традиционном понимании, а именно ономастическую лексику, содержащую топонимы (айконимы: Минск, Брест, Витебск, Вильнюс, Гродно, Гомель, Могилев, экомузей «Дудутки», экотуристическая деревня «Березовка» в Лепельском районе, агротуристические усадьбы «Хорень» в Клястицах, «Кролова хата» в деревне Заборы Россонского района, Лошицкий усадебно-парковый комплекс в Минске; гидронимы: озеро Нарочь, река Вилия, каналы Агинского, Августовский, Днепро-Бугский; Березинская водная система и т.д.) [Беларусь]. Однако для объективной интерпретации современного состояния белорусскоязычного общества и его актуальных реалий, осознания эволюционно-генетических и эволюционно-исторических основ собственной национальной идентичности в сопоставлении с инациональной, необходимо соблюдать лингвокультурологические корреляции как в статическом аспекте, так и в динамическом, обращая внимание на социоисторический контекст что, к сожалению, не было сделано, и поэтому требует актуализации этнопризнаков.

Как отмечалось выше, деятельностный подход к рассмотрению национальной специфики реалий переводит их в разряд актуальных реалий. Наблюдая за происходящими социальными процессами французского общества со стороны, мы имеем уникальную возможность быть не только свидетелями различных исторически и социально значимых событий, но и непосредственно самого поиска слов, обозначающих актуальные реалии. В этой связи правомерно обращение к собственно языковым феноменам, в том числе и к механизму закрепления в семантической структуре подобных номинаций особого содержания, которое мы определяем как **ценностное**.

Объективируемое во французском языкознании термином *valeur*, оно в значительной степени определяется коллективным языковым сознанием и словотворчеством, которые, в свою очередь, не могут подчиняться индивидуально личностным установкам. Само ценностное содержание проявляется в условиях так называемых маркированных или аксиологических употреблений лексических единиц, обусловленных эстетическими, моральными, идеологическими ценностями нации или формирующих ее сообществ.

Понятие *valeur* ‘значение’ было введено в терминологический аппарат лингвистики Луи Фердинандом де Соссюром в начале XX века, при описании системы языка для обозначения элемента значения слова, представляющего, с одной стороны, отношение между словами и вещами или идеями, обозначаемыми ими, а с другой стороны, связь между самими словами. В настоящее время в грамматических исследованиях *valeur* синонимично термину *signification* и отсылает к категориальной сущности языковых форм и структур, например, к видовым значениям временных форм.

Одного понимания того, что *valeur sémantique* – *ce que signifie quelque chose, le sens qu’il exprime (ex. signification de ce proverbe)* ‘смысловое содержание – то, что обозначает что-то, смысл, который он выражает (например, значение этой пословицы)’ недостаточно для выявления аксиологически важного для данной нации семантического компонента [Sensagent].

Усредненное представление об объектах действительности и относится к базовому опыту носителей данного языка, при этом денотативно-сигнификативный блок семантики ЛЕ имеет как лингвистическую, так и когнитивную ценность [Михайлова]. Когнитивная ценность реалии обусловлена такой процедурой абстрактно-мысленного познания как *regards croisés*. Отметим, что в плане перевода французское выражение *regards croisés* представляет определенную трудность для иностранцев и часто понимается достаточно буквально – смотреть друг на друга изучающим взглядом, в то время как в действительности оно давно утратило свое первоначальное значение ‘скрещенные или косые взгляды’. Развивая семантику данного понятия, они подразумевают связанные между собой когнитивные операции взаимного восприятия и размышления о том, как видит и воспринимает своего собеседника адресант.

Однако, как отмечают Е. А. Маклакова и И. А. Стернин, в дефинициях толковых словарей часто представлены только денотативные семы, коннотативные и тем более функциональные семантические компоненты представ-

лены в толкованиях не всегда и непоследовательно, что затрудняет полное описание семантики соответствующего слова, дает неполную и недостаточно точную информацию о значении того или иного слова [Маклакова, Стернин]. Данная ограниченность или узость обзора объясняется тем фактом, что адресатом словаря является наивная языковая личность [Михайлова].

Ценностное содержание актуальной реалии обеспечивается не только специальным употреблением, но и актуализацией социокультурных смыслов. Именно игнорирование второго параметра приводит иногда к ошибочным интерпретациям национального компонента. Так, в упомянутом выше учебно-научном издании «Беларусь» в качестве реалии предлагается белорусский рубль. Но предъявляемая информация имеет сугубо научный характер: «Официальная денежная единица, которая имеет хождение на территории Республики Беларусь. В Беларуси существует сеть коммерческих банков, работающих с кредитными картами (Visa, MasterCard, American Express, Eurocard и др.), а также производящих обмен дорожных чеков (Thomas Cook, American Express, Visa) на наличные. Расчеты по кредитным карточкам в Беларуси широко не используются, карточки принимаются к оплате только в супермаркетах, крупных гостиницах. Получить по ним наличные можно круглосуточно в банкоматах, международном аэропорту, гостиницах» [Беларусь, с. 17].

Учитывая стилистическую специфику использованной лексики, а именно ее принадлежность научному стилю, и инструктивный характер сообщения, мы можем сделать вывод о представлении в словарной статье энциклопедического, а не лингвокультурологического, знания. Вместе с тем префикс EUR-, EURO-, словообразовательный формант, выделенный из ЛЕ *Europe*, *européen*, служит образованию терминов, указывающих на связь с учреждениями Объединенной Европы, Евросоюза как современной культурной реалии. Европа, по мнению М. К. Голованивской, является культурным кодом [Голованивская 2018], что обуславливает поведение, в том числе и речевое, людей, живущих на ее территории. Сравним, например, ЛЕ *Еўра*- (ад лац. *Europa*). 1. При этом среди всех белорусских дериватов с данным формантом и общим сигнификативным компонентом ‘еўрапейскі, характэрны для Еўропы, Еўрапейскага саюза’: особую группу составляют одушевленные существительные: *еўраантыміст*, *еўрабюракрат*, *еўра-дэпутат*, *еўрапарла-ментарый*, *еўрапесіміст*, *еўраскептык* и т.п. Кроме того, желание населения страны видеть себя частью Евросоюза и, соответственно, частью языкового культурного сообщества¹ закрепляется в положительной оценке общепринятого в Европе уровня, качества и т.п. Отсюда значение ‘зроблены з якасных матэрыялаў, з выкарыстаннем сучасных тэхналогій’: *еўрарамонт*, *еўрастандарт* (*І на свае кроўна зароб-*

¹ Что подтверждается тенденцией интернационализации [Лукашанец 2003а; 2003б] и тем фактом, что «актыўна ўтвараюцца складаныя словы з іншамоўнымі (часцей інтэрнацыянальнымі) кампанентамі; часта пры стварэнні новых слоў выкарыстоўваюцца іншамоўныя словаўтваральныя фарманты» [Лукашанец 2003а, с. 75–76].

ленья зберажэнні яна змагла толькі зрабіць еўрарамонт у «хрушчоўцы» (Звязда. 18.12.2002); *Беларусы паступова падбіраюцца пад «еўрастандарт»* (Звязда. 16.05.2003) [Беларуская лексіка..., с. 82].

Для эволюции ценностного содержания актуальных реалий значимыми оказываются не только экстралингвистические факторы, но и внутренние словообразовательные процессы. Так, греческий словообразовательный элемент *-crate* теряет свое положительное значение ‘мощь, сила’, вплоть до приобретения пейоративной коннотации, в составе такого неологизма в сфере административно-правовых отношений, как *eurocrate* ‘еврократ, чиновник учреждений интегрированной Европы’, как и в подобных ему дериватах *bureaucrate*, *technocrate*. При добавления аффикса с новым значением актуализируется новый этнокультурный смысл. Как видим, словообразовательная модель, имевшая высокую продуктивность в терминологических аппаратах финансовой, политической, военной сферах, по данным *Dictionnaire historique de la langue française*, становится таковой и в культурном пространстве, допуская разнообразные трансформации коннотативного компонента и связанного с ним ценностного содержания (положительное значение на прямо противоположное). При этом для белорусскоязычного сообщества данная реалия является лакунарной и не вошла в его культурный тезаурус.

Итак, в отношении лексических единиц правомерно говорить о релевантности ценностного содержания (*valeur*) при их актуализации в социокультурно значимом контексте, что вполне соответствует дефиниции в толковом словаре Larousse: *nuance de sens que prend un mot dans la phrase considérée* ‘смысловой оттенок, который приобретает слово в рассматриваемой фразе’ [Le petit Larousse].

Вместе с тем контекстуальный анализ синонимических ЛЕ, например, *violences faites aux femmes* ‘насильственные действия против женщин’ и *gynophobie* ‘враждебное отношение к женщинам’, содержащих сему *violence* ‘насилие’, показывает, что они не имеют одинакового ценностного содержания, и соответственно, имеют разную лингвистическую ценность. Они по-разному реализуют логико-семантические валентности предиката (в первом случае ему свойственны перфектность и пассивность, а во втором – неперфектность):

Les violences faites aux femmes touchent des femmes de tous âges et de toutes catégories sociales.

Тот факт, что в словаре 2019 г. закрепились сложная номинация *violences faites aux femmes* ‘насилие в отношении женщин’, а не предлагаемая активистами *gynophobie* ‘женофобия’ показывает, что экстралингвистические факторы, а именно, вмешательство отдельных государственных или политических институтов или политических и общественных деятелей, не оказываются достаточными для фиксации неологизмов. Очевидно, что объем и наполнение ценностного содержания ЛЕ предопределены также спецификой категориальной семантики имени существительного, объективирующего

элементы коллективного сознания или памяти, т.е. принадлежностью к тому или иному лексико-семантическому разряду. Вместе с тем при проведении семантического анализа новых номинаций, обозначающих совокупные сущности, и их типологического описания нами предлагается переместить исследовательский фокус с репрезентативной функции языка на его роль в качестве регулятора коллективного поведения.

Как правило, коллективное языковое сознание «ответственно» за семантические изменения и новые интерпретации ЛЕ, именующих события или исторические даты. Другими словами, значение ключевых мировоззренческих понятий определяется историческими фактами, событиями, эпохами, т.е. факторами влияния на соответствующие менталитеты. Не только конкретные объекты действительности (в том числе, персоналии) могут изменить или развить взгляды и представления этноса, но и абстрактные ментальные сущности, например, стечение обстоятельств, аргументы, причины, опыт, позволившие иметь иные мотивы для поступков» [Голованивская 2009, с. 57]. Доминантным социально-культурным смыслом, определяющим содержание языковых средств, представляющих французскую ментальность, была и остается, эпоха Античности, с ее представлениями о праве, частной собственности, общественной пользе, красоте формальной, телесной, интеллектуальной, с ее приверженностью гармонии, гедонизму.

Как справедливо отмечает М. К. Голованивская в другом своем исследовании базовых концептов в представлении французов, «отсутствие вакуума, содержательных вакансий на протяжении истории делало французов донорами, предлагавшими миру свои ответы и свои решения, а не реципиентами, заимствующими мировоззренческие рецепты» [Голованивская 2018, с. 184].

Как видим, возможность воздействовать и управлять коллективным сознанием различных социальных групп, как больших, так и малых, реализуется через коммуникацию. Исключительным примером того, какую роль играют языковые средства в создании национальной языковой картины мира и как они используются в качестве регуляторов и рычагов коммуникативного поведения, являются французские ЛЕ, отсылающие к общественным потрясениям мая 1968 г., и референтные к этноспецифичной нравственной категории «социальная активность». Для белорусов же правомерно говорить о таком понятии, как *памяркоўнасць*.

Вместе с тем для реализации регулирующей функции языковых единиц необходима соответствующая коммуникативно-информационная среда, которая создается в обществе, характеризующемся социальной активностью и готовностью проводить ревизию и постоянно пересматривать свою систему ценностей. В отличие от неспешного ритма темпов процесса обновления белорусской лексики, в реестры французских словарей Robert, Larousse вносятся, согласно установленной квоте, порядка 150–200 новых лексических единиц, что уже определенным образом отражает лингвокультурологическую специфику самого французского языка и имеет большую значимость

для лингвистических исследований соответствующего направления. Так, предметом активного изучения становятся не только структурные и словообразовательные, но содержательные и функциональные характеристики **неологизмов**, называющих реалии и ключевые понятия социальной жизни французов. Изменения, происходящие в содержании слов, характеризуются, прежде всего, приращением или модификацией социокультурных смыслов. Поэтому, когда новый социокультурный смысл активирует новую логику интерпретации взаимоотношения людей и сценариев социального действия, это неизбежно отражается на вербальной «упаковке» мировоззренческого аргумента. Так, с простого тезиса, утверждающего, что «женщина тоже человек», попавшего в соответствующую информационную среду, готовую принять его дать ему убедительную упаковку и доставить его «по назначению», началась переоценка социального отношения к определенным членам общества. При этом языковые ресурсы, например, *violences faites aux femmes*, позволяют маркировать «референциально нестабильные» фрагменты социальной реальности. Именно благодаря введению данной единицы в словарь, предполагается, что будет реализовано признание проблемы преследований женщин особого рода, и начнется мобилизация и солидаризация общества для защиты жертв насилия. Убийство женщины или девушки, связанное с ее гендерной принадлежностью, является преступлением на территории Латинской Америки, но не признается таковым во Франции. Поэтому усилия французских общественных организаций, например, *Osez le féminisme*, направлены на то, чтобы номинации французских социальных реалий были зафиксированы в словаре и, тем самым, маркировали проблемные зоны общества.

Отметим, что акции по противодействию сексуальному домогательству и защите пострадавших от насилия женщин, имевшие явный успех в воздействии на коллективное сознание в разных странах, оказались малоэффективными в Беларуси. Уважительное отношение к женщине-матери – одна из основных черт мировоззренческой системы и национальной картины мира белорусского народа. Тот факт, что мать является ответственной за первоначальную аксиологическую оппозицию «хорошо – плохо», а также выполняет социальную роль воспитателя, обуславливает ценностный и культурный потенциал родственных отношений. Особая роль женщины как ответственной за продолжение рода закреплена и в лексико-семантических структурах в белорусском языке: кашаль **як бабе радзіць**; розуму што ў Ганны – **радіць пастаянна**; як бабе **цяжка радзіць**, так скупому даўгі плаціць.

Мать в Беларуси гораздо раньше стала равноправным членом общества, чем это произошло, например, во Франции. Кроме того, согласно данным социального опроса, более 90 % населения считают, что домашнее насилие (если муж бьет жену) заслуживает публичного порицания [Урбан]. Поэтому, в том этнокультурном пространстве, где еще несколько десятилетий назад женщина не могла не трудоустроиться, не открыть счет в банке без пись-

менного разрешения мужа, т.е. коллективная память французов рассматривает в качестве актуальных факты и образы домашнего насилия, легче воздействовать и мобилизовать коллективное сознание в этом отношении.

Таким образом, ценностное содержание (*valeur dénominative*) французских неологизмов-реалий, референтных к совокупным сущностям, обуславливает их функционирование в качестве регуляторов межличностных отношений и поведения в обществе. Аксиологический смысл данных ЛЕ актуализируется тогда, когда прекращено или ограничено функционирование семантического пространства синонимичных им ЛЕ. Оно формируется с учетом всех контекстуальных употреблений неологизма-реалии и характеризуется непрекращающейся динамикой его внутренней формы, допускающей объективацию смысловых оттенков, не совпадающих с зафиксированным словарным значением.

9.5. Этноспецифичность семантической эволюции обобщающих номинаций

Несмотря на то, что значительное количество исследований было проведено в этом направлении, мы обращаем свое внимание на малоизученные сегодня языковые факты, активно пополняющие современный словарь французского и белорусского языков. Действительно, новизна обобщающих номинаций социокультурных феноменов естественным образом обуславливает трудности их перевода и понимания.

Поэтому особенности, характерные для большой группы лиц, объединяемых в одну нацию, релевантны и для небольших, малочисленных группировок отдельных ее представителей. Отсюда интерес к обобщающим номинациям социальных групп. Показательным в этом отношении становится изучение лингвокультурологической специфики внешне нейтральных, этнически непрозрачных единиц тематического поля «Семья» и «Родственные отношения».

Несмотря на то, что французская национальная картина мира характеризуется содержательной наполненностью, унаследованной от материнской культуры – античности, она допускает и приветствует эволюцию ключевых понятий. Так, например, понятие семьи, как и во всей Западной Европе, берет свое начало от модели латинской (римской) семьи: сообщества неродственных субъектов (в Риме рабов-слуг, *famuli*, подчиняющихся хозяину и проживающих в его доме). В этом смысле оно дистанцируется от универсального социокультурного содержания, которое основано на родственных (биологических) связях или установленных путем бракосочетания, поскольку относится скорее к признаку места: земле, дому, очагу. Французские имена существительные *parenté* ‘родство’ и *lignée* ‘родословная’, возникшие раньше, по-видимому, лучше подходили бы современному смыслу. До сих пор возможно их употребление именно в значении ‘famille’: *pauvreté n’a point de parenté* ‘привяжется сума – откажется родня’; *il s’est*

brouillé avec toute sa parenté ‘он рассорился со всей своей роднёй’. Кроме того, *parent* имеет значение ‘родственник’: *j’ai des parents qui habitent là* ‘у меня там [живут] родственники ([живет] родня)’, *ce sont des parents par alliance* ‘это свойственники’; *c’est un parent du côté de ma femme* ‘это родственник со стороны жены’.

Итак, в традиционном понимании семья (группа биологических объектов) **нейтральна** по отношению к выражению национальной специфики. Эволюция смыслового содержания обусловлена его универсальностью для всех народов ценностной основой. Более того, на шкале ценностей она размещается в самом ее начале. Общеизвестным считается тот факт, что семья – это безусловная базовая ценность, которая понимается как культурный феномен социума, возникающий в процессе предметно-опосредованных отношений между субъектами, обладающий положительным смыслом и выступающий в качестве внутреннего регулятора человеческих действий [Михалкович]. Далее следуя этноспецифическим векторам развития, а именно в белорусской семье «семья – малая родина – страна – человечество – время», во французской от экономической до психологической, она развивает свою культурную значимость в ущерб биологической основе. Последняя сохраняет релевантность в животном и растительном мирах: *famille – l’une des grandes divisions employées dans la classification des animaux et des végétaux, qui regroupe des genres*.

Вместе с тем, абстрагирование и превалирование ценностного содержания приводит к метафоризации понятия *famille*, что эксплицируется употреблением прилагательного или детерминанта: *ensemble d’êtres (ou de choses) ayant une origine commune, des caractères communs, présentant entre eux certaines analogies*. Например, *la grande famille humaine* (→ *humanité, société*). – *Une famille d’esprit : un ensemble de penseurs qui ont des caractères communs*. *Famille spirituelle : ensemble de personnes qui ont les mêmes opinions*. – *Famille littéraire* ‘литературная школа, литературное направление’, *famille politique* ‘люди общих политических взглядов’. Отсюда и вторичная номинация *grandes familles juridiques* ‘основные правовые системы’ с окончательной утратой значения родства и общности в пользу сложноорганизованной сущности.

Процесс развития семантики понятия *famille* и актуализация его национальных особенностей приводит к появлению социально-моральной сущности, для которой в каждом из исследуемых этносов формируется свое специфическое отношение и свои культурные мифы. Так, семема *famille* в коммерческом дискурсе приобретает положительную коннотацию и аксиологическую значимость со смыслом «предназначена для всей семьи». Так, отдельные модели просторных автомобилей были семейными автомобилями (отсюда и метонимическая номинация *une familiale* ‘семейный автомобиль’). Относительно недавно в 1973 г. появился термин *familialisme*, обозначающий тенденцию превозносить роль семьи.

Примером мифологизированного представления во французской картине мира выражение *des familles* ‘обычный, незатейливый; спокойный’ (как и прилагательное *familial* ‘семейный’) в сочетании с именем существительным, используемое сначала в коммерции, в области априори прагматически концентрированной, часто ассоциируется с простыми, несложными для понимания и использования объектами: *un petit film des familles* ‘простенький фильм’. Je m’en vais faire **une bonne petite sieste des familles**. Un petit bridge des familles, sans prétention ni gravité. Событие, происходящее в рамках семейного круга, не только ограничено в пространстве, но и имеет уменьшительное значение (*un petit gueuleton des familles* ‘посидеть по-семейному’).

Как отмечалось, выше французская нация, руководствуясь в межличностных отношениях девизом *Liberté, Égalité, Solidarité* ‘Свобода, равенство, солидарность’, характеризуется высокой социальной активностью и готовностью к оказанию взаимопомощи, к солидарности. Отсюда постоянная потребность в именовании групп людей, объединяющихся между собой в процессе выполнения совместной задачи или совместного достижения цели, или самих совместных акций и социативных ситуаций. Аналогично для современной франкоязычной семьи ценностно значимыми смыслами будут являться не только воспитательное пространство, но и отношения солидарности.

Отсюда при толковании значения выражения *esprit de famille* ‘семейственность’ в словарной статье эксплицируется сигнификативный признак «солидарность» – *de solidarité familiale*, и который, как показывает нижеприведенный контекст, может быть уточнен и интерпретирован как соблюдение правил, установленных в семье для обеспечения ее жизнедеятельности. Например: – *Et alors ? dit Ferdinand. Vas-tu parler à Cécile ? – Pour rien au monde. Seulement, il me semble nécessaire de prévenir la famille. On dira ce qu’on voudra, moi, j’ai l’esprit de famille.* ‘– И что дальше? – сказал Фердинанд, – Ты будешь говорить с Сесиль? – Ни за что на свете. Мне вот только кажется, что необходимо предупредить семью. Пусть говорят, что хотят, но я придерживаюсь семейных правил’ (G. Duhamel, *Cécile parmi nous*). На основании существования устойчивых сочетаний, таких как *esprit d’équipe* в значении ‘esprit de solidarité qui anime les personnes qui travaillent ensemble’, *esprit de corps* в значении ‘sentiment de solidarité qui unit les membres d’un groupe’ возможно выделить словообразовательную модель *esprit de + nom de l’ensemble des humains*. Вместе с тем выражение *esprit de groupe* ‘групповщина’, включающее синонимичные лексемы (*famille – groupe*) и аналогичное по модели, не имеет такой положительной коннотации. Сравним: *Esprit de famille, goût privilégié pour les relations entre les membres de la famille* [Rat].

Таким образом, для французского понятия семья конституирующим признаком является «солидарность», который определяет ее современное ценностное содержание. Сравним: « La famille **est valorisée** dans les sociétés traditionnelles car représentant l’unité de base de la société, mais aussi le principal

lieu d'éducation et de solidarité ». Отсюда и появление нового действующего лица в кругу семьи *aidant familial* – социального работника, лица, занимающегося на дому, в семьях уходом больных, пожилых членов. При этом во Франции такая сфера профессиональной занятости предлагает также услуги агента помощи на дому, в обязанности которого входят уборка в доме, при желании помощь в приготовлении еды, поход в магазины, в аптеки, к врачу, заполнение документов. И хотя другие члены семьи могут проживать вместе, французы считают нормальным приход такого агента-помощника на дому. Такая оплачиваемая помощь от агентства освобождает близких от хлопот в домашних делах и освобождает больше времени для общения и отдыха в кругу семьи. В иных франкофонных социумах, например, Канады, также имеется подобный член семьи: au Québec, **aidant naturel** se dit d'une personne de la famille ou d'un proche qui apporte une aide à une personne handicapé, âgée.

Фиксируемое большое количество французских неологизмов в тематическом поле «Семья» обусловлено активно происходящими социальными процессами, в то время как в Беларуси не наблюдается каких бы то ни было значительных изменений, что, соответственно, не приводит к кардинальному обновлению лексических групп исследуемого тематического поля. Исключения составляют авторские неологизмы, среди которых, например, *сацыяльна-несамавітая сям'я*, созданный М. Зарецким в 20–30-е года прошлого столетия [Прыгодзіч]. Однако появление подобных единиц обусловлено стремлением представителей молодой белорусской литературы отразить свои революционные настроения и вместе с тем романтическое мироощущение, но не обозначить социальные реалии действительности.

* * *

Таким образом, для преодоления недопонимания в международном общении представителей разных этнических групп целесообразно обращать внимание на несовпадение лингвоспецифических сущностей и феноменов. При этом следует учитывать тот факт, что отдельно взятая языковая личность, как выразитель определенного национального характера, менталитета, со своим определенным коммуникативным стилем поведения, этноцентрична при интерпретации фактов чужой культуры, что в совокупности с фактором этномотивированности определяет условия актуализации этнокультурного кода. Как свидетельствует анализ архетипов французской лингвокультуры, ее представители демонстрируют меньшее предпочтение своей группе и готовы делиться своей системой культурных ценностей с другими, интегрируя последних в свою этническую группу. Допускаемые ошибки в межкультурной коммуникации могут быть обусловлены незнанием имплицитных социокультурных смыслов актуальных реалий.

В ходе проведенного исследования было предложено расширить реестр ранее выявленных специализированных культурномаркированных единиц во французском и белорусском языках за счет числа прозрачных лексических

единиц неспециального назначения, внешне нейтральных в плане трансляции культурной информации при условии актуализации в определенных условиях в их семантической структуре национального компонента.

Французская, как и белорусская национальная система ценностей, мироощущение, историко-культурный опыт народа, в первую очередь, фиксируются в семантике как прямых, так и вторичных номинациях.

Кроме того, в ходе рассмотрения особенностей языкового представления французских и белорусских этнокультурных ценностей была раскрыта роль семантического развития в качестве фактора актуализации национального компонента семантических структур языка. К числу основополагающих социально-культурных смыслов, значимых для образно-эмоционального и духовного наследия французской и белорусской наций, относятся открытость, широта взглядов, дух лидерства и закрытость и толерантность соответственно.

Установлено, что для внутренней формы французских и белорусских номинаций со значением социальной совокупности, регулярно используемых для представления актуальных событий в жизни общества, характерны разнообразные смысловые трансформации, а именно влияния, ответные реакции, затухание и возрождение смысла, обусловленные этномотивированностью.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев, А. А. Проблемы широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Авдеев ; ВГУ. – Воронеж, 2002. – 20 с.

Аллендорф, К. А. Очерки истории французского языка : пособие для преподавателей / К. А. Аллендорф. – М. : М-во просвещения РСФСР, 1959. – 176 с.

Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Наука, 1972. – 220 с.

Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – М. : Дрофа, 2000. – 288 с.

Аралов, А. М. О проблеме отбора места широкозначных слов в структуре частей речи / А. М. Аралов // Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков. – М., 1992. – С. 23–31.

Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования / И. В. Арнольд // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1966. – Т. 295. – 192 с.

Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.

Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М., 1957. – 240 с.

Багдановіч, І. Адам Міцкевіч і Адам М-скі: вяртанне духоўных традыцый / І. Багдановіч // Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры БДУ : навук. зб. – Мінск, 2001. – Вып. 1. – С. 10–20.

Багдановіч, М. Вянок : вершы, паэмы / М. Багдановіч ; прадм. В. Зуёнка. – Мінск : Мастац. літ., 2005. – 199 с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.

Барсук, Л. В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Барсук ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 1991. – 16 с.

Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 196–237.

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

Беларуская лексіка і граматыка: моўная стыхія і моўная норма : дапаможнік / І. І. Караткевіч [і інш.]. – Кіеў : Вид-ва Ліра-К, 2018. – 215 с.

Беларусь: лингвокультурологический комплекс : пособие для иностр. студентов / сост. Л. Н. Чумак [и др.] ; под ред. Л. Н. Чумак. – Минск : БГУ, 2008. – 111 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Наука, 1974. – 430 с.

Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н. А. Бернштейн. – М., 1966. – 349 с.

Бондарко, Л. В. Основы общей фонетики : учеб. пособие / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – 4-е изд., испр. и перераб. – М. : Академия, 2004. – 160 с.

Вакульчик, И. В. Формирование ценностных ориентаций младших школьников / И. В. Вакульчик, Н. Н. Сычевская // Сб. науч. ст. молодых исследователей / редкол.: Л. Ф. Мирзаянова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, 2003. – 206 с.

Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю = Le langage. Introduction linguistique a l'histoire : пер. с фр. / Ж. Вандриес ; авт. прим. П. С. Кузнецов ; ред. и авт. предисл. Р. О. Шор. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 408 с.

Введенская, Л. А. От названий к именам / Л. А. Введенская. – Ростов н/Д. : Феникс, 1995. – 535 с.

Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.

Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 601 с.

Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 725 с.

Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 5–34.

Влавацкая, М. В. Синтагматический аспект лексического значения слова: структура и содержание / М. В. Влавацкая // Филология и человек. – 2011. – № 2. – С. 72–83.

Вольска, М. Летние строфы / М. Вольска ; пер. с пол. Е. Быстровой. – М. : Водолей, 2017. – 80 с.

Вольф, Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков) / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1978. – 200 с.

Вопросы просодики / Н. Д. Светозарова [и др.] // Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи ; под ред. Л. Р. Зиндера и Л. В. Бондарко. – Л., 1980. – С. 123–142.

Выгонная, Л. Ц. Псіхалагічныя аспекты беларуска-рускага білінгвізму / Л. Ц. Выгонная // Беларуская лінгвістыка. – Мінск, 1996. – Вып. 45. – С. 10–13.

Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.

Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 768 с.

Герасименко, И. Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики : автореф. дис. ... д.-ра филол. наук : 10.02.01 / И. Е. Герасименко. – М., 2009. – 47 с.

Гируцкий, А. А. Введение в языкознание / А. А. Гируцкий. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 288 с.

Голованивская, М. К. Влияние социокультурных смыслов на формирование французского и русского менталитетов / М. К. Голованивская // Верхневолж. филол. вестн. – 2018. – № 3. – С. 183–192.

Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка : Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских / М. К. Голованивская. – М. : Языки слав. культуры, 2009. – 376 с.

Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1835) / В. фон Гумбольдт. – Избр. тр. по языкознанию. – М., 1984. – С. 37–297.

Гумилев, Л. Н. *Passionarium*. Теория пассионарности и этногенеза / Л. Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2016. – 936 с.

Гурмон, Р. де. Книга масок / Р. де Гурмон ; пер. с фр. Е. М. Блиновой, М. А. Кузмина ; послесл. Е. Быстровой. – М. : Водолей, 2013. – 304 с.

Девкин, В. Д. Немецкая разговорная лексика / В. Д. Девкин. – М. : Изд-во МГПИ, 1973. – 344 с.

Джоламанова, Б. Д. Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Д. Джоламанова ; МГПИИЯ. – М., 1978. – 22 с.

Димова, С. Н. К проблеме широкого значения слова (на материале существительного *way*) / С. Н. Димова // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1971. – Т. 416, вып. 1. – С. 120–135.

Дубовік, А. І. Асаблівасці нацыянальнага характару беларусаў / А. І. Дубовік // XXI век: актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2004. – С. 203–205.

Дубянецкі, Э. С. Беларускі нацыянальны характар : Спроба даследавання / Э. С. Дубянецкі // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 5. – С. 29–39.

Дукельский, Н. И. О формировании фонемных образов / Н. И. Дукельский // Вопросы общего языкознания. – М., 1964. – С. 61–69.

Духовность человека: педагогика развития : учеб. пособие / Н. В. Михалкович [и др.] ; под ред. Н. В. Михалковича. – Минск : Тесей, 2006. – 400 с.

Евчик, Н. С. Перцептивная база языка при норме и патологии слуха / Н. С. Евчик. – Минск : МГЛУ, 2000. – 320 с.

Евчик, Н. С. Постановка и коррекция иноязычного произношения : [Электронный ресурс] / Н. С. Евчик, И. Г. Лебедева. – Минск : МГЛУ, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Загородняя, В. А. Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский / В. А. Загородняя. – М. : Изд-во МГОУ, 2005. – 144 с.

Звегинцев, В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 125–143.

Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.

Илия, Л. И. Грамматика французского языка / Л. И. Илия. – М. : Высш. шк., 1964. – 304 с.

Илия, Л. И. Синтаксис современного французского языка : теорет. курс / Л. И. Илия. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. – 384 с.

Инькова-Манзотти, О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) / О. Ю. Инькова-Манзотти. – М. : Моск. гос. ун-т. Филол. фак., 2001. – 435 с.

Кавалёў, С. Інтымны дзённік / С. Кавалёў // Сёстры Псіхеі. – Мінск, 2011. – С. 154.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 261 с.

Касевич, В. Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности / В. Б. Касевич. – М. : Языки слав. культуры, 2013. – 192 с.

Катагощина, Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. – 448 с.

Колобаев, В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики / В. К. Колобаев // ИЯШ. – 1983а. – № 1. – С. 11–13.

Колобаев, В. К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1983б. – 34 с.

Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 131 с.

Конецкая, В. П. Принципы классификации лексических значений слова (к вопросу о системе лексических значений) / В. П. Конецкая // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1956. – Т. 93, вып. 1. – С. 93–107.

Кораб-Бжозовски, С. Вереск забвения / С. Кораб-Бжозовски, В. Кораб-Бжозовски ; пер. с пол. Е. Быстровой. – М. : Водолей, 2016. – 104 с.

Коряков, Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Коряков. – М., 2002. – 129 л.

Кравцов, С. М. Ценностная парадигма лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии (на материале русского и французского языков) / С. М. Кравцов, С. В. Максимец ; Южный федер. ун-т. – Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд.-во Южн. федер. ун-та, 2018. – 142 с.

Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – Изд. 2-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 156 с.

Кудинова, В. И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке : автореф дис. ... канд. филол. наук / В. И. Кудинова ; МГПИ им. В. И. Ленина – М., 1994. – 16 с.

Куліковіч, У. І. Беларускае слоўка: арэлі [Электронный ресурс] / У. І. Куліковіч // Информационный городской портал «Минск-Новости». – 2014. – 29 мая. – Режим доступа : <https://minsknews.by/belaruskae-slouka-areli/>. – Дата доступа : 02.02.2020.

Лебедева, И. Г. Особенности языкового контакта на территории Белоруссии / И. Г. Лебедева // Взаимодействие и взаимопроникновение культур: состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 мар. 2008 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: Т. В. Балущ [и др.]. – Минск, 2008. – Ч. 1. – С. 126–128.

Лебедева, И. Г. Сегментные составляющие французского слога в условиях недостаточно сформированной перцептивно-артикуляционной базы языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И. Г. Лебедева. – Минск, 2006. – 137 л.

Лемцюгова, В. П. Тапонімы распаўядаюць : навуц.-папул. эцюды / В. П. Лемцюгова. – Мінск : ЛіМ, 2008. – 416 с.

Лепская, Л. И. Некоторые вопросы изучения структуры слога / Л. И. Лепская // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики : Исследования по речевой информации : сб. ст. – М., 1968. – Вып. 11. – С. 121–130.

Лукашанец, А. А. Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў рускай, беларускай і ўкраінскай мовах / А. А. Лукашанец // Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja / red. I. Ohnheizer. – Opole, 2003a. – С. 59–77.

Лукашанец, А. А. Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання / А. А. Лукашанец // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка : XIII Міжнар. з'езд славістаў (Любляна, 2003) : дакл. беларус. дэлегацыі / НАН Беларусі, Беларус. камітэт славістаў. – Мінск, 2003б. – С. 52–69.

Лурия, А. Р. Нейролингвистика / Л. Р. Лурия // Теория речевой деятельности. – М., 1968. – С. 198–209.

Лыч, Л. М. Назвы зямлі беларускай / Л. М. Лыч. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – 128 с.

Люрья, Н. А. Вопросы междисциплинарного анализа понятия «этнокультурный компонент» в общеобразовательной практике региона / Н. А. Люрья, С. М. Малиновская // Вестн. ТГПУ. – 2013. – № 13 (141). – С. 143–149.

Маклакова, Е. А. Теоретические проблемы семной семасиологии / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 277 с.

Мандель, Б. Р. Теория литературы: ответы на экзаменационные вопросы. учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений (бакалавриат, магистратура) в помощь к подготовке к экзаменам / Б. Р. Мандель. – М. : Директ-Медиа, 2014 г. – 650 с.

Манько, Н. И. Дифференциация атрибутивного и предикативного выражения признака во французском языке / Н. И. Манько, Ю. В. Овсейчик // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2017. – № 3 (93). – С. 92–95.

Манько, Н. И. Семантико-прагматический потенциал моно- и полипропозитивного простого предложения во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н. И. Манько. – Минск, 2018. – 131 л.

Метлюк, А. А. Взаимодействие просодических средств в речи билингва / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 112 с.

Михайлова, О. А. Ограничения в лексической семантике: Семасиологический и лингвокультурологический аспекты / О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 240 с.

Міхайлава, А. Л. Сутнасна-зместавыя характарыстыкі паняцця «этнакультура» ў кантэксце сфарміраванага менталітэту беларусаў / А. Л. Міхайлава / Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы XI Междунар. науч. конф., 23–24 мая 2019 г. – Гомель, 2019. – С. 103–105.

Михалкович, Н. В. Духовность человека: педагогика развития : учеб. пособие / Н. В. Михалкович [и др.] ; под ред. Н. В. Михалковича. – Минск : Тесей, 2006. – 400 с.

Национальный корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.frantext.fr/>. – Дата доступа : 15.12.2019.

Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.

Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака. – М. : Русский язык-Медиа, 2005. – 1 624 с.

Норман, Б. Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма [Электронный ресурс] / Б. Ю. Норман // Рус. яз. – 2010. – № 6. – Режим доступа : http://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=201000604 – Дата доступа : 10.04.2019.

Падлужны, А. І. Гукі беларускай мовы / А. І. Падлужны, В. М. Чэкман. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 263 с.

Падучева, Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и Наблюдатель / Е. В. Падучева // Славянское языкознание. XIV Междунар. съезд славистов, Охрид, 10–16 сент. 2008 г. – С. 372–395.

Палякова, М. «Інтымны дзённік» Сяргея Кавалёва / М. Палякова // Дзеяслоў. – 2013. – 24 сн.

Півавар, К. С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту / К. С. Півавар ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава. – Віцебск : ВДУ, 2015. – 155 с.

Пинчук, О. В. Структура и семантика восходящего тона во французском языке : семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О. В. Пинчук ; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1991. – 22 с.

Плоткин, В. Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория / В. Я. Плоткин, Л. Я. Гросул // Вопросы языкознания. – М., 1981. – № 1. – С. 151.

Плотников, Б. А. Основы семасиологии : учеб. пособие для филол. фак. вузов / Б. А. Плотников ; под ред. А. Е. Супруна. – Минск : Выш. шк., 1984. – 223 с.

Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / А. М. Плотникова ; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 21 с.

Простакишина, Н. П. Вербальная агрессия и основные формы ее проявления в молодежной среде (на примере студентов филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» г. Находка) / Н. П. Простакишина, Е. С. Шпак // Молодой ученый. Казань. – 2014. – № 3. – С. 108–110.

Прыгодзіч, М. Аўтарскі неалагізм у мастацкім творы / М. Прыгодзіч // Польша. – 1984. – № 6. – С. 204–208.

Рапай, К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай ; пер. У. Саламатова. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 167 с.

Рапанович, А. Н. Фонетика французского языка / А. Н. Рапанович. – М. : Высш. шк., 1973. – 290 с.

Ревуцкая, Е. «Экстремальный символист» / Е. Ревуцкая // Ж. Роденбах. Выше жизни : романы / Ж. Роденбах ; пер. с фр. М. Веселовской. – М., 2018. – С. 303–309.

Реферовская, Е. А. Теоретическая грамматика французского языка / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. – Л. : Просвещение, 1973. – Ч. 2 : Синтаксис. – 357 с.

Рогалеў, А. Назвы роднага краю / А. Рогалеў // Роднае слова. – 2011. – № 1. – С. 54–57.

Роденбах, Ж. Выше жизни : романы / Ж. Роденбах ; пер. с фр. М. Веселовской. – М. : Водолей, 2018. – 312 с.

Роденбах, Ж. Мертвый Брюгге / Ж. Роденбах ; пер. с фр. М. Веселовской ; стихотворения в пер. С. Головачевского. – Томск : Водолей, 1999. – 702 с.

Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки слав. культур, 2008. – 628 с.

Скрелина, Л. М. История французского языка : учеб. пособие для вузов / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высш. шк., 2001. – 464 с.

Старостин, Б. А. Некоторые методологические проблемы теории собственных имен / Б. А. Старостин // Имя нарицательное и собственное : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; под науч. ред. А. В. Суперанской. – М., 1978. – С. 34–42.

Степанова, А. Н. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) / А. Н. Степанова, Л. Ф. Кистанова // Романские языки: семантика, прагматика, социолингвистика. – Л., 1990. – С. 49–58.

Суперанская, А. В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; под науч. ред. А. В. Суперанской. – М., 1978. – С. 59–83.

Сухих, С. А. Языковая личность в диалоге / С. А. Сухих // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1989. – С. 82–87.

Сцепаненка, П. Таямніца «інтымнага дзённіка» Максіма Багдановіча / П. Сцепаненка. – Новы час. – 2018. – 31 студз.

Тарасевич, Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т, 2014. – 272 с.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с.

Тшешчовска, З. Стихотворения / З. Тшешчовска // Плавающий мост. Журнал современной русской и переводной поэзии. – 2015. – № 4 (8). – С. 234–236.

Урбан, Д. Ценности населения Беларуси : Результаты национального опроса населения / Д. Урбан. – Минск : Исследоват. центр ИПМ, 2019. – 69 с.

Урысон, Е. В. Опыт описания семантики союзов / Е. В. Урысон. – М. : Языки слав. культур, 2011. – 339 с.

Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 239 с.

Худолей, Н. В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических в литературных текстах / Н. В. Худолей // Вестн. РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2017. – Т. 14, №. 4. – С. 643–653.

Цыхун, Г. А. «Трасянка» як аб'ект лінгвістычнага даследавання / Г. А. Цыхун // Беларуская мова у другой палове XX стагоддзя : матэрыялы навук. канф. – Минск, 1998. – С. 83–89.

Чернобровкина, Е. П. Речевая агрессия в молодежной субкультуре : защита или нападение? / Е. П. Чернобровкина, Р. С. Суворовцева // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 104–110.

Чистович, Л. А. Физиология речи: Восприятие речи человеком / Л. А. Чистович, А. В. Венцов, М. П. Гранстрем. – Л. : Наука, 1976. – 380 с.

Шабает, В. Г. Аналитические лексемы английского языка с глаголом get / В. Г. Шабает // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов II междунар. науч.-метод. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 262–272.

Шаббаев, В. Г. Лексические и грамматические проблемы широкозначности / В. Г. Шаббаев // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 4 (34), ч. III. – С. 192–201.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; под ред. Е. С. Истриной. – Изд. 5-е. – М. : URSS : ЛКИ, 2011. – 620 с.

Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265–304.

Языковая вариативность и культурный контекст / под ред. А. Ф. Журавлева. – М. : ИСл. РАН, 2013. – 252 с.

Якищенко, Е. А. Возмущающаяся языковая личность: коммуникативно-прагматический подход (на материале английского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Якищенко ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2014. – 19 с.

Ячкова, О. В. Языковые средства, реализующие стратегии кооперации и конфронтации в реалити-шоу (на материале немецкого языка) / О. В. Ячкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – Т. 70. – С. 401–405.

Alegria, J. Contraintes dans le développement de la perception des sons de la parole / J. Alegria // Audition et Parole. – 1980. – Vol. 2. – P. 49–56.

Anglade, J. Grammaire élémentaire de l'ancien français / J. Anglade. – Armand Colin, 1931. – 269 p.

Antoine, G. La coordination en français / G. Antoine. – Paris : Minard, 1996. – 458 p.

Auzias, D. Biélorussie 2018/2019. Petit Futé / D. Auzias, J.-P. Labourdette. – Petit Futé, 2018. – 240 p.

Badiou-Monferran, Cl. Négation et coordination en français classique : le morphème ni dans tous ses états / Cl. Badiou-Monferran // Langue française. – 2004. – № 143. – P. 69–92.

Beaufils, C. Henriette Maillat : amoureuse et dupe / C. Beaufils // Les Péladan. Les Dossiers. – Lausanne, 1990. – P. 143–149.

Bertin, A. Les connecteurs de cause dans l'histoire du français. Contradictions du changement linguistique / A. Bertin // Verbum. – 2003. – XXV, 3. – P. 263–276.

Bihan, G. le. Le nom propre : identification, appropriation, valorisation / G. le Bihan // Cahiers de Sociolinguistique. – 2006. – № 11 : Noms propres, dynamiques identitaires et sociolinguistiques. – P. 10–27.

Bougy, C. Les connecteurs temporels et l'apparition de *lors que* dans la langue française / C. Bougy // Syntaxe et sémantique. – 2000. – № 1. – P. 39–78.

Braudel, F. L'identité de la France / F. Braudel. – Paris : Flammarion, 2011. – 1184 p.

Bricaud, J.-K. Huysmans et le satanisme / J.-K. Bricaud. – Paris : Bibliothèque Chacornac, 1913. – 133 p.

Buridant, C. Grammaire nouvelle de l'ancien français / C. Buridant. – Paris : Sedes, 2000. – 800 p.

Cadiot, P. Présentation / P. Cadiot, N. Furukawa // Langue française. – Paris : Larousse, 2000. – № 127. – P. 3–15.

Cariou, D. Malentendus et dysfonctionnements du jeu didactique à l'école primaire : la notion de « jeu alternatif » / D. Cariou, M. Kervran, P. Rilhac // Revue française de pédagogie. – 2015. – № 1. – P. 75–88.

D'Aurevilly, J. B. Madame Bovary / J. B. D'Aurevilly // Les Amis de Flaubert. – Rouen, 1976. – Bul. № 48 – P. 19–24.

Damourette, J. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. 1911–1940 : en 8 vol. / J. Damourette, E. Pinchon. – Paris : D'Artrey, 2000. – 8 vol.

Delbey, A. Les connecteurs car – que – puisque et la justification en ancien français / A. Delbey // Revue de linguistique romane. – 1988. – № 52. – P. 397–419.

Detemmerman, J. De « Bruges-la-Morte » à « Brugge-die-Stille » : avatars scéniques et cinématographiques d'un thème / J. Detemmerman // Théâtre de toujours d'Aristote à Kalisky (Hommages à Paul Delsemme). – Bruxelles : Ed. de l'ULB, 1983. – P. 171–182.

Duby, G. Histoire de la France. Des origines à nos jours / G. Duby ; sous la direction de G. Duby de l'Académie française. – Paris : Larousse/VUEF, 2003. – 1258 p.

Dutourd, J. Domaine public / J. Dutourd. – Paris : Flammarion, 1994. – 353 p.

Eimas, P. D. Auditory and linguistic proceeding of cues for place of articulation by infants / P. D. Eimas // Perceptual Psychophysiology. – 1974. – № 16. – P. 513–521.

Eimas, P. D. Discrimination of the Information for Manner of Articulation / P. D. Eimas, J. L. Miller // Infant Behavior and Development. – 1983. – № 3. – P. 367–375.

Galichet, G. Grammaire structurale du français moderne / G. Galichet. – Paris : Hattier, 1970. – 251 p.

Gaultier, J. Le Bovarysme, suivi d'une étude de Per Buvik : le principe bovaryque / J. Gaultier. – Paris : Presses de l'Univ. Paris-Sorbonne, 2006. – 338 p.

Gourmont, R. de. Le livre des masques : portraits symbolistes, gloses et documents sur les écrivains d'hier et d'aujourd'hui / R. de Gourmont. – Paris : Société du Mercure de France, 1896. – 284 p.

Grammaire Larousse du français contemporain. – Paris : Cédex, 2017. – 496 p.

Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris : Lib. Hachette, 1919. – 318 p.

Guiraud, P. La Grammaire / P. Guiraud. – Paris : Presses Univ. de France, 1961. – 124 p.

Hilty, G. Les Serments de Strasbourg / G. Hilty // Travaux de linguistique et de littérature XI, 1. – Strasbourg, 1973. – № XI/1. – P. 511–524.

Hollinghurst, A. Bruges of Sighs / A. Hollinghurst // The Guardian. – 2005. – Jan. 29th.

Karnevskaya, E. Principes de la description typologique des unités mélodiques pour la synthèse multilingue de la parole / E. Karnevskaya, L. Morozova // Bulletin de la communication parlée. – Grenoble, 1992. – № 2. – P. 105–114.

Kripke, S. La logique des noms propres / S. Kripke. – Paris : Éd. Minuit, 1982. – 173 p.

Logié, B. Leur nom est une marque / B. Logié, D. Logié-Naville. – Paris : Éd. d'Organisation, 2002. – 143 p.

Markale, J. La femme celte / J. Markale. – Paris : Payot, 1972. – 592 p.

Masseron, C. Les paradoxes de *car*, entre énoncés et discours – ou les difficultés d'un traitement didactique des connecteurs / C. Masseron // Linx. – 2004. – № 51. – P. 107–127

Mehler, J. Naître humain / J. Mehler, E. Dupoux. – Paris : Éd. O. Jacob, 1990. – 281 p.

Melander, J. Étude sur 'magis' et les expressions adversatives dans les langues romanes. – Uppsala : Uppsala Univ. Årsskrift, 1916. – 168 p.

Ménard, P. Syntaxe de l'ancien français / P. Ménard. – Bordeaux : Bière, 1998. – 384 p.

Miller, J. L. Studies on the Categorization of Speech by Infants / J. L. Miller, P. D. Eimas // Cognition. – 1983. – № 13. – P. 135–165.

Moignet, G. Grammaire de l'ancien français / G. Moignet. – Paris : Klincksieck, 1976. – 448 p.

Mollerup, P. Images de marques / P. Mollerup. – Paris : Phaidon, 2005. – 240 p.

Nasiłowska, A. Liryzm i podmiot modernistyczny / A. Nasiłowska // Teksty drugie. Pisać o (o)sobie. – 1999. – № 54/55. – S. 7–30.

Neboit-Mombet, J. L'image de la Russie dans le roman français (1859–1900) / J. Neboit-Mombet. – Clermont-Ferrand : Presses Univ. Blaise Pascal, 2005. – 506 p.

Niqueux, M. La femme fatale russe chez Joséphin Péladan (1858–1918) / M. Niqueux // Slavica Occitania. – Toulouse, 2000. – № 1. – P. 261–277.

Nolke, H. Petite étude diachronique de *or* : de la déixis temporelle à la déixis textuelle / H. Nolke // Grammatica : festschrift in honour of Michael Herslund ; H. Nolke (éd) [et al.]. – Bern, 2006. – P. 393–404.

Ollier, M.-L. La séquence « or si » en ancien français ; une stratégie de persuasion (I) / M.-L. Ollier // Romania. – 1989. – Bd. 110, h. 439–440. – S. 289–330.

Ollier, M.-L. La séquence « or si » en ancien français ; une stratégie de persuasion (II) / M.-L. Ollier // Romania. – 1990. – Bd. 111, h. 441–442. – S. 1–36.

Ollier, M.-L. Or, opérateur de rupture / M.-L. Ollier // Linx. – 1995. – № 32. – P. 13–31.

Palacio, J. Figures et formes de la décadence / J. Palacio. – Paris : Segquier, 1994. – 312 p.

Péladan, J. La Décadence latine, éthopée. I : Le Vice suprême : roman / J. Péladan ; Préface de J. B. D'Aurevilly. – 8e éd. – Paris : Les Éd. du monde moderne, 1926. – 470 p.

Péladan, J. La Décadence latine, éthopée. II : Curieuse ! / J. Péladan. – Paris : G. Edinger, 1886. – 366 p.

Péladan, J. La Décadence latine, éthopée. IV : A coeur perdu / J. Péladan. – Paris : G. Edinger, 1888. – 464 p.

Pinchon, J. Des Mots coordonnants / J. Pinchon // Le Français dans le monde. – 1973. – № 96. – P. 49–50.

Rey, A. La notion de dictionnaire culturel et ses applications / A. Rey // *Estudis de lingüística i de lingüística aplicada*. – Barcelona, 2007. – P. 93–94.

Rey, A. Avant-propos, et après-faire / A. Rey // Dictionnaire culturel en langue française : en 4 vol. / sous la dir. de A. Rey. – Paris : Le Robert, 2005. – Vol. 1. – P. XI–XXI.

Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 2016. – 1168 p.

Riegel, M. Verbes essentiellement ou occasionnellement attributifs / M. Riegel // L'information grammaticale / G. Serbat (éd). – Paris : Heck S. A., 1981. – № 10. – P. 23–27.

Ritter, E. Les Quatre dictionnaires français. Remarques lexicographiques / E. Ritter // Bulletin de l'Institut national genevois. – Genève, 1905. – T. 36. – P. 342–343.

Rodenbach, G. Paysages de Ville / G. Rodenbach // Le Règne du silence : poème. – Paris, 1901. – P. 75–107.

Sato, K. H. Sacher-Masoch, Péladan and fin-de-siècle France / K. H. Sato // Waseda Global Forum. – 2010. – № 7. – P. 339–362.

Sauvageot, A. Français d'hier ou français de demain? / A. Sauvageot. – Paris : Nathan, 1978. – 188 p.

Sauvageot, A. Français écrit, français parlé / A. Sauvageot. – Paris : Larousse, 1962. – 233 p.

Sauvageot, A. L'analyse du français parlé / A. Sauvageot. – Paris : Hachette, 1972. – 189 p.

Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. – Paris : Klincksieck, 1988. – 674 p.

Tomatis, A. L'Oreille et la vie / A. Tomatis. – Paris : PUF, 1977. – 420 p.

Trehub, S. E. The Discrimination of Foreign Speech Contrasts by Infants and Adults / S. E. Trehub // Speech Development. – 1976. – № 47. – P. 466–472.

Van Langendonck, W. La théorie du nom propre et la neurolinguistique / W. Van Langendonck // Nouvelle revue d'onomastique. – Paris : Persée, 2000. – № 35–36. – P. 13–24.

Vidal de la Blache, P. Tableau de la géographie de la France / P. Vidal de la Blache. – Poche, 1994. – 560 p.

Weinrich, H. Le Temps. Le récit et le commentaire / H. Weinrich. – Paris : Le Seuil, 1973. – 333 p.

Werker, J. F. Developmental changes across Childhood in the Perception of Non-Native Speech Sounds / J. F. Werker, R. C. Tees // Canadian Journal of Psychology. – 1983. – № 37. – P. 278–286.

Zahorska, A. Poezje zebrane / A. Zahorska ; wstęp i oprac. A. Wydrycka. – Białystok : Prymat, 2016. – 532 p.

Ziegler, R. Satanism, Magic and Mysticism in Fin-de-siècle France / R. Ziegler. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2012. – 235 p.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / пад рэд. Г. П. Пашкова. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2003. – 18 т.

Валодзіна, Т. В. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Т. В. Валодзіна ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей ; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 482 с.

Культурология. XX век : энцикл. : в 2 т. / гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит. – СПб. : Университет. кн. : Алетейя, 1998. – Т. 1. – 447 с.

Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 999 с.

Слоўнік мовы Янкі Купалы / У. А. Бобрык [і інш]. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Т. 6 : Анамастыка. – 262 с.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І. М. Бунчук [і інш]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2005. – 784 с.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1996. – 784 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Галоў. рэд. Беларус. Сав. энцыкл., 1977. – 5 т.

ТСЛБМ – Тлумачальны слоўнік літаратурнай беларускай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. ім. П. Броўкі, 2016. – 968 с.

Шкраба, І. Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі : у руска-моўным дачыненні / І. Р. Шкраба. – Мінск : Беларус. энцыкл. ім. П. Броўкі, 2008. – 320 с.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. В. У. Мартынаў [і інш.] ; рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – Т. 7 : М – Н. – 320 с.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. Р. М. Ралько, М. П. Антропаў, Г. А. Цыхун ; рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т. 11 : Р. – 220 с.

Языкознание : большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 688 с.

Centre National des ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cnrtl.fr/>. – Дата доступа: 15.12.2019.

Dictionnaire culturel en langue française : en 4 vol. / sous la dir. de A. Rey. – Paris : Le Robert, 2005. – 4 vol.

Dictionnaire Hachette encyclopédique / réd. en chef J.-P. Mevel. – Paris : Hachette Livre, 2001. – 1858 p.

Dictionnaire historique de la langue française : en 3 vol. / sous la dir. de A. Rey. – Paris : Le Robert, 2012. – 3 vol.

Dubois, J. Dictionnaire de linguistique du langage et des sciences du langage / J. Dubois [et al.]. – Paris : Larousse, 1994. – 514 p.

Foulet, L. Petite syntaxe de l'ancien français. Librairie ancienne honoré champion / L. Foulet. – Paris : Champion, 1930. – 356 p.

Galichet, G. Grammaire structurale du français moderne / G. Galichet. – Paris : Charles-Lavauzelle, 1970. – 248 p.

Godefroy, F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle [Электронный ресурс] / F. Godefroy. – Paris, 1881–1902. – 10 vol. – Режим доступа: <http://micmap.org/multidic/https://doi.org/10.3406/lfr.2004.6783>. – Дата доступа : 14.01.2020.

Grand Larousse de la langue française : en 7 vol. / éd. : L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey. – Paris : Libr. Larousse, 1989. – 7 vol.

Greimas, A. J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle / A. J. Greimas. – Paris : Larousse, 1982. – 676 p.

Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française / M. Grevisse. – Paris : Duculot, 2018. – 1762 p.

Le grand Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2017. – 2106 p.

Le petit Larousse : 87 000 art. – Paris : Larousse, 2002. – 1818 p.

Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / sous la dir. de J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2013. – 2837 p.

Lexilogos. Dictionnaire français en ligne [Электронный ресурс] // LEXILOGOS : mots et merveilles d'ici et d'ailleurs. – Режим доступа: https://www.lexilogos.com/francais_dictionnaire.htm. – Дата доступа: 18.11.2019.

Rat, M. Dictionnaire des expressions et locutions traditionnelles / M. Rat. – Paris : Larousse, 2014. – 464 p.

Sensagent : Encyclopédie en ligne, Thesaurus, dictionnaire de définitions et plus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dictionnaire.sensagent.leparisien.fr/>. – Дата доступа : 06.03.2020.

Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.le-dictionnaire.com/definition/>. – Дата доступа : 14.01.2020.

Trésor de la langue française : en 16 vol. – Paris : Gallimard, 1978. – Vol. 6 : Constatation – Désobliger, XVI. – 1 308 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Адам, М. М. Мыла : раман / М. М. Адам // Шоўк : аповесці, раман. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – С. 79–146.

Блакiт, В. Усмешка Фартуны : аповесць / В. Блакiт // Усмешка Фартуны : аповесці. – Мінск, 1984. – С. 154–288.

Гаўрыловіч, У. М. Плата за каханне : раман, аповесць, аповяданні / У. М. Гаўрыловіч. – Мінск, 2007. – 254 с.

Гніламёдаў, У. В. Вяртанне : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Мастац. літ., 2008. – 429 с. – (Беларуская проза ХХІ стагоддзя).

Дудзюк, З. І. Слодыч і атрута : раман / З. І. Дудзюк. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 398 с.

Жук, А. А. Сны пра маму / А. А. Жук // Сучасная беларуская проза : зб. твораў для вывучэння беларускай літаратуры ў агульнаадукацыйных установах. – Мінск : Мастац. літ., 2009. – С. 81–122.

Зарэмба, М. Дзень магнітнай буры : аповесці / М. Зарэмба. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 280 с.

Карпюк, А. Н. Пушчанская адысея : аповесць, апавяданні / А. Н. Карпюк ; уклад. Ю. Пацюпы.. – Мінск, 2009. – 527 с.

Марчук, Г. В. Давыд-гарадоцкія каноны / Г. В. Марчук // Сучасная беларуская проза : зб. твораў для вывучэння беларускай літаратуры ў агульнаадукацыйных установах. – Мінск, 2009. – С. 174–207.

Песнь о Роланде (по оксфордскому тексту) / пер. со старофр. вступ. ст. и прим. Б. И. Ярхо. – М. ; Л. : Academia, 1934. – 332 с.

Саламаха, У. П. Людзі і Лік : аповесць / У. П. Саламаха // ...І няма шляху чужога : аповесці / У. П. Саламаха – Мінск, 2014. – С. 374–494.

Саламаха, У. П. Расступіся, зямля // У. П. Саламаха // Мастацкае слова ў прозе : зб. твораў для вывучэння беларускай літаратуры ў 11 класе. – Мінск, 2017. – С. 353–486.

Скрипт новостного выпуска телеканала ОНТ от 26 мая 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ont.by/amp/news/0067196>. – Дата доступа: 31.01.2020.

Федарэнка, А. М. Шчарбаты талер / А. М. Федарэнка. – Мінск : Мастац. літ., 2010. – 204 с.

Baudelaire, Ch. Œuvres complètes I. Texte établi. Présenté et annoté par Claude Pichois / Ch. Baudelaire. – Paris : Gallimard, 1975. – 1664 p.

Bazin, H. Vipère au poing ; La mort du petit cheval ; Cri de la chouette / H. Bazin. – Moscou : Progrès, 1979. – 528 p.

Boileau-Narcejac. Le mauvais oeil / Boileau-Narcejac. – Paris : Denoël, 1976. – 221 p.

Chapsal, M. Si aimée, si seule / M. Chapsal. – Paris : Libr. A. Fayard, 1990. – 417 p.

Clavel, B. L'Espagnol / B. Clavel. – Paris : Éd. R. Laffont, 1959. – 448 p.

Dufournet, J. C. La Chanson de Roland / J. C. Dufournet. – Paris : Flammarion, 1993. – 452 p.

Fleury, G. Le Guerrier / G. Fleury. – Paris : Éd. Grasset & Fasquelle, 1989. – 572 p.

Gautier, L. La chanson de Roland, texte critique, traduction et commentaire / L. Gautier. – Tours : Mame, 1881. – 460 p.

Gavalda, A. Clic-Clac / A. Gavalda // Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part : Nouvelles / A. Gavalda. – Paris, 2001a. – P. 117–139.

Gavalda, A. Junior / A. Gavalda // Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part : Nouvelles / A. Gavalda. – Paris, 2001b. – P. 87–99.

Gavalda, A. Petites pratiques germanoprates / A. Gavalda // Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part : Nouvelles / A. Gavalda. – Paris, 2001c. – P. 7–17.

Levy, M. Vous revoir / M. Levy. – Paris : Éd. R. Laffont, 2005. – 320 p.

Merle, R. Week-end à Zuydcoote / R. Merle. – Paris : Gallimard, 1987. – 244 p.

Moustiers, P. La paroi / P. Moustiers. – Paris : Gallimard, 1972. – 189 p.

Queffélec, Y. Osmose / Y. Queffélec. – Paris : Éd. R. Laffont, 2002. – 275 p.

Schmitt, É.-E. Crime parfait / É.-E. Schmitt // La rêveuse d'Ostende : Nouvelles / É.-E. Schmitt. – Paris, 2010a. – P. 97–135.

Schmitt, É.-E. La femme au bouquet / É.-E. Schmitt // La rêveuse d'Ostende : Nouvelles / É.-E. Schmitt. – Paris, 2010b. – P. 233–256.

Schmitt, É.-E. La guérison / É.-E. Schmitt // La rêveuse d'Ostende : Nouvelles / É.-E. Schmitt. – Paris, 2010c. – P. 137–185.

Schmitt, É.-E. La rêveuse d'Ostende / É.-E. Schmitt // La rêveuse d'Ostende : Nouvelles / É.-E. Schmitt. – Paris, 2010d. – P. 7–95.

НАШИ АВТОРЫ

ДУДИНА Анжелика Михайловна – заведующая кафедрой лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: a_doudina@mail.ru.

ЕВЧИК Надежда Семеновна – профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор; e-mail: e.belrost@tut.by.

ГАПАНОВИЧ Евгения Александровна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: gapanovich_74@tut.by.

РЕВУЦКАЯ Елена Алексеевна – доцент кафедры лексикологии французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: alena.revutskaya@tut.by.

КРЮЧКОВА Анна Евгеньевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: kruchkova.hanna@gmail.com.

ЛЕБЕДЕВА Инна Геннадьевна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: inna_lebedzeva@tut.by.

МАНЬКО Наталья Игоревна – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук; e-mail: natalliamanko@yandex.ru.

ОВСЕЙЧИК Юлия Владимировна – заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: ovsei77@rambler.ru.

ЧЕРНЕЦКИЙ Александр Русланович – доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук; e-mail: svelt-ch@tut.by.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Слухо-перцептивные особенности лиц разных национальностей и их проявление в обработке материи иностранного языка (<i>Н. С. Евчик</i>)	4
1.1. Врожденная предрасположенность человека к перцептивному анализу звучащей речи	4
1.2. Перцептивная этнограмма как показатель принадлежности индивида к национальной лингвокультуре	7
1.3. Своеобразие перцептивной обработки просодии французской речи лицами белорусской национальности	10
Глава 2. Особенности реализации французских звуков в условиях недостаточной сформированности артикуляционной базы у белорусов (<i>И. Г. Лебедева</i>)	15
2.1. Русско-белорусское двуязычие на территории Беларуси	15
2.2. Подходы к понятию артикуляционной базы языка	17
2.3. Сравнение механизмов звукообразования во французском и белорусском языках	22
2.4. Модификации звуков в условиях недостаточной сформированности артикуляционной базы	29
Глава 3. Имя собственное во французском и белорусском языках (<i>А. Е. Крючкова</i>)	33
3.1. Культурно значимые имена собственные во французском и белорусском языках	33
3.2. Лексикализация культурно значимых имен собственных (на материале французского и белорусского языков)	41
3.3. Случайная и патронимическая торговые марки в белорусском и французском языках	48
Глава 4. Специфика широкозначности французских и белорусских глаголов (<i>А. М. Дудина</i>)	56
4.1. Проблемы изучения структуры значения слова	56
4.2. О соотношении широкозначности и многозначности	58
4.3. Основные признаки широкозначности лексических единиц	63
4.4. Специфика широкозначности глаголов <i>avoir</i> и <i>faire</i> и их белорусских аналогов <i>мець</i> и <i>рабіць</i>	66
Глава 5. Реализация квалификативного признака в простом предложении (<i>Н. И. Манько</i>)	73
Глава 6. Становление системы сочинительных союзов во французском языке (<i>Ю. В. Овсейчик</i>)	93
6.1. К вопросу о частеречной принадлежности союзов	93
6.2. Методика исследования	95
6.3. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>et</i> 'и'	98

6.4. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>ou</i> ‘или’	103
6.5. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>ni</i> ‘ни’	106
6.6. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>ou</i> ‘или’	109
6.7. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>donc</i> ‘значит, итак’	112
6.8. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>car</i> ‘ибо, так как’	115
6.9. Семантика и функционирование сочинительного союза <i>or</i> ‘а, же, итак, однако’	119
Глава 7. О некоторых концептуальных аспектах статуса субъекта во французской и белорусской литературе рубежа XIX–XX столетий (<i>Е. А. Ревуцкая</i>)	126
7.1. Формы деперсонализации лирического субъекта во французской и белорусской поэзии рубежа XIX–XX веков	126
7.2. Пути развития пространства любви во французской и белорусской литературе рубежа XIX–XX веков	132
Глава 8. Национальная специфика конфронтационного воздействия на адресата (<i>А. Р. Чернецкий</i>)	139
Глава 9. Актуализация этнокультурного кода лексическими средствами французского и белорусского языков (<i>Е. А. Гапанович</i>)	152
9.1. Онтолингвистическая сущность национального компонента и критерии его выделения в языковой семантике	152
9.2. Этноцентричность языковых средств	162
9.3. Условия актуализации этнокультурных смыслов	167
9.4. Ценностное содержание как фактор актуализации этнокультурных смыслов реалий-неологизмов	169
9.5. Этноспецифичность семантической эволюции обобщающих номинаций	176
ЛИТЕРАТУРА	181
НАШИ АВТОРЫ.....	197

Научное издание

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ
(на материале французского и белорусского языков)

Ответственный за выпуск *Е. А. Гапанович*

Редактор *О. С. Забродская*

Компьютерная верстка *Н. В. Мельник*

Подписано в печать 01.06.2021. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,06. Тираж 100 экз. Заказ 31.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.